

**МОЗАИКА СМЫСЛА:
элементы и операторы их
порождения**

Монография

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2010

ББК 81.2Нем+87.7
Т 76

Рецензенты

доктор филологических наук, профессор
Е. А. Гончарова;
доктор филологических наук, профессор
Г. А. Баева

ISBN 978-5-4227-0015-8

© Трофимова Н. А., 2010
© СПбИВЭСЭП, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема смысла высказывания и его неоднородности лежит на пересечении многих философских изысканий: герменевтики, экзистенциализма, постмодернизма. Она важна для понимания человеческого существования, творчества, познания, общения. Помимо философского среза под этой проблемой лежит мощный пласт конкретного содержания, представленный такими науками, как логика, лингвистика, психолингвистика, когнитивистика. Таким образом, проблема смысла становится неким нервом современной исследовательской мысли, не распутанным еще до конца узлом, отдельные нити которого тянутся к различным научным направлениям.

Понятие смысла нельзя считать окончательно установившимся в науке, оно исторически развивалось, и эта история, по-видимому, еще не закончилась. Некоторым вкладом в познание феномена «смысл» может стать предлагаемая монография, обосновывающая его понимание как целостного многокомпонентного образования, некой «мозаики», в которой каждый отдельный компонент обретает определенность через соотношение со всеми другими или, образно говоря, через «место», занимаемое им внутри этого целого «смыслового пространства». Смыслы взаимопроникают и взаимообуславливают друг друга, они сливаются, влияют друг на друга таким образом, что новая комбинация одних и тех же элементов может кардинально изменить целостный смысл. Иными словами, целостный смысл высказывания есть некий универсум элементарных смыслов, многомерное пространство, где каждый возможный единичный смысл – это одно измерение этого универсума.

Основной задачей данной монографии является изложение размышлений автора о возможности создания универсальной многокомпонентной динамической модели смысла, элементы которой способны менять свое положение в иерархии в зависимости от ситуативных условий общения и от типа речевого акта. Эти элементы (пропозициональный, интенциональный, оценочный, эмоциональный и реляционный смыслы), будучи универсальными в когнитивном процессе, специфически конфигурируются в конкретных языковых сущностях в зависимости от их номинативной или коммуникативной природы, от их узуального характера или же от специфических условий общения. Обсуждении смысла в таком контексте расширяет «познавательную

перспективу», позволяет по-новому взглянуть на универсальное для языкознания понятие «смысл», процессы его порождения и восприятия, а также на его «обертон» – высказывание, в рамках которого смысл как некая виртуальная мнемоническая сущность превращается в реальность, поддающуюся эмпирическому наблюдению и описанию, в средство эмоционального и интеллектуального воздействия на человека.

Книга состоит из нескольких глав, каждая из которых развивает содержание предшествующих. Первая глава посвящена рассмотрению существующих в современной науке трактовок понятия «смысл», исторически сложившихся парадигм его исследования. В ней представляются также единицы и категории деятельностной парадигмы смысла, раскрывается связь этой парадигмы и диалогического дискурса. Во второй главе обосновывается мнение о многомерности феномена «смысл», представляется многокомпонентная смысловая модель и ее компоненты. В третьей главе рассматриваются языковые операторы, порождающие те или иные элементарные смыслы при функционировании высказывания в диалогическом общении. Четвертая глава является иллюстрацией функционирования модели смысла: в ней приводится анализ формирования смысла в высказываниях одного из самых типов экспрессивных речевых актов – актах извинения.

Положения книги иллюстрируются примерами, источником которых послужили современная немецкоязычная проза и драматургия, а также записи живой разговорной речи носителей немецкого языка, являющиеся важным средством проверки валидности результатов анализа.

Автор надеется, что предлагаемый понятийный аппарат изложен в доступной для широкого круга читателей форме и может представлять интерес для преподавателей, студентов и аспирантов. Материалы главы 4 могут быть, вероятно, полезны в практическом плане для изучающих немецкий речевой этикет, а также в качестве лингводидактической основы коммуникативно-ориентированной методики преподавания немецкого языка.

Хочется выразить глубокую признательность тем, чья помощь была неоценима в сборе и обсуждении материала – докт. филол. наук Л.В. Шишковой, вдохновлявшей автора на протяжении многих лет, а также докт. филол. наук Е.А. Гончаровой и Г.А. Баевой, сделавшим много важных критических замечаний.

Глава 1. ФЕНОМЕН СМЫСЛА. ПАРАДИГМЫ СМЫСЛА

1.1. Смысл как предмет исследования

Смысл относится к тем категориям «общего места», которые постоянно фигурируют как в научном, так и в обыденном общении. На самом деле этот, казалось бы, общеизвестный феномен не имеет сколько-нибудь строгого определения, иногда даже допускается, что он – смысл – не подлежит дефиниции и должен восприниматься как некоторая данность. Но в настоящее время требуются некоторые уточнения этого понятия, поскольку оно приобретает ключевое значение в связи с необходимостью решения целого ряда актуальных задач теоретического и прикладного характера. Особую значимость смысл приобретает в связи с теми изменениями в понимании объекта, предмета и задач лингвистики, которые уже произошли и продолжают происходить в настоящее время: обращение к речи, тексту, дискурсу превращает смысл в одну из наиболее фундаментальных категорий.

Причиной, затрудняющей однозначное определение смысла, является нечеткость, вариативность, изменчивость, субъективность этого явления, его неформализуемость, невозможность его непосредственного наблюдения. Такая характеристика дает американскому психологу М.Б. Крилману повод образно сравнить рассматриваемый феномен с известным сказочным образом: «...смысл подобно загадочной Золушке, остается по-прежнему нераспознанным и неуловимым. ... разные поклонники этой Золушки представляют ее каждый по своему и ее многоликость увлекает их на поиски ее различных проявлений... Одни сосредоточивали свое внимание на ее интеллектуальных качествах, другие же воображали ее чувствительной и эмоциональной. Были и такие, кто, смирившись с окутывающей ее тайной, заранее согласились, что... она по сути своей недоступна и непонятна» [цит. по: Гусев, Тульчинский 1985: 43].

На наш взгляд, именно нечеткость и загадочность смысла дает ученым основания обращаться к его исследованию, чтобы приблизиться к пониманию сущности этого постоянно ускользающего от наблюдения явления, – деятельности, направление которой точно передают слова известного психолога В. Франкла: «Человек в поисках смысла» [Франкл 1990: 11].

Исследования феномена смысла в настоящий момент не ограничивается пределами языкознания: усилия ученых концентрируются на координации подходов смежных наук, среди которых в первую очередь называют психологию, логику, философию, социологию, семиотику, кибернетику. Сложные связи между языком, мышлением и действительностью, многообразие и уникальность функционирования языка в процессах познания и коммуникации придают особую принципиальную значимость изучению и выявлению его содержательной стороны в логической семантике, философии языка, филологической герменевтике.

В рамках этих наук разработка понятий значения и смысла ведется с опорой на теорию значения имен Г. Фреге и А. Черча, впервые противопоставивших смысл референции; на учение В. Дильтея о понимании как специфическом методе «наук о духе», в основе которого лежит интуитивное постижение смысловых связей различных форм человеческой культуры; на учение Р. Карнапа о концептуальном характере смыслов и значений при условии, что концепт постулирует абстрактный объект и включает определенные свойства, отношения, а также «индивидуальные концепты»; на феноменологии Э. Гуссерля, рассматривающего смысл как нечто изначально данное субъекту, его «значащее переживание», которое интенционально направлено на предмет, ситуацию и констатирует их в качестве феноменов опыта, компонентов жизненного мира человека.

Мы не будем специально останавливаться на употреблении терминов «значение» и «смысл» в логике, поскольку, как справедливо заметила Н.Д. Арутюнова, «логику и лингвисту трудно договориться об употреблении таких терминов как значение, смысл, обозначение и под.: логик под термином «значение» понимает отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту), лингвист же с этим термином ассоциирует понятийное содержание языковых выражений...» [Арутюнова 1982: 8]¹. Однако следует констатировать что, совсем не

¹ Лингвисты, имея дело с живым языком, обращают внимание на лексические формы выражения смысла, на обилие коннотаций смысла слова в речи, риторические и стилистические особенности языка. Логики изначально полагают смысл терминов суждения строго предопределенным, а само суждение — осмысленным только в том случае, если оно имеет истинностное значение. Последнее означает, что любое суждение (утверждение или отрицание) может быть либо истинно, либо ложно. Отсюда задачу логической науки они видят в том, чтобы построить формулы (исчисление), которые обеспечивали бы истинность вывода.

касаться теоретических взглядов логиков (особенно теории Г. Фреге) нам не удастся, поскольку именно в логических исследованиях лингвистика находит концептуальные основы для анализа естественного языка².

В дальнейших рассуждениях остановимся более подробно на основных положениях исследования соотношения понятий «смысл» и «значение», не ставя, однако, своей задачей детальный экскурс в историю этого исследования.

Понимание термина «смысл» в языкознании, несмотря на всю его неоднозначность и противоречивость, имеет некоторую теоретическую традицию, согласно которой «смысл не может рассматриваться вне связи со значением, так как то и другое отражает внутреннюю сторону вербальных единиц, являясь их означаемым» [Зимняя 1985: 75]. Наиболее употребительными критериями, используемыми в лингвистических работах для противопоставления значения и смысла, выступают характеристики языка и речи («Значение – внутри языка, смысл – вне языка» [Звегинцев 1973: 174]), а именно: с одной стороны, виртуальность и денотативность свойственного каждому отдельному языку значения, с другой стороны – актуальность и коннотативность универсального смысла.

В большинстве словарей (общих толковых, философских, лингвистических) смысл определяется как синоним значения. Это относится и к немецкому слову «Sinn», которое в словаре Duden [Duden 2000], например, определяется следующим образом: *Sinngehalt, gedanklicher Gehalt; Bedeutung*. В английском языке ситуация сложнее: хотя в языке существует этимологически близкое понятие *sense* (смысл), тем не менее в абсолютном большинстве случаев в научном дискурсе и в быденном языке русские понятия «смысл» и «значение» переводятся одним и тем же словом *meaning*. Французское слово *sens*, напротив, распространено значительно шире, чем академический термин *signification*.

Этимология этого понятия также не совпадает в разных языках. Русское «смысл» означает «с мыслью», это то, что соотносено с мыслью, совместно с мыслью о некотором предмете. Немецкое *Sinn*, как указывает М. Босс, ведет свое происхождение от древневерхненемецкого глагола

² Несмотря на то, что Г. Фреге, по мнению многих лингвистов, не создал теорию смысла, его работа «Смысл и денотат» является концептуальной и наиболее цитируемой в работах, посвященных проблеме различения значения и смысла.

sinnan, означавшего *zu einem Ziel streben, ein Ziel begehren* [Boss 1988: 113]. В связи с этим Э. Крэйг замечает, что связь с интенциональной направленностью, присутствующей в слове *Sinn*, теряется при переводе его на английский как *meaning*, и перевод его словом *sense* был бы адекватнее [Craig 1988: 95-96]. С другой стороны, Дж. Ричлак со ссылкой на словари утверждает, что и слово *meaning* происходит от англосаксонских корней с семантикой «желать» и «намереваться» и является, соответственно, понятием целевой природы, обозначающим соотносительную связь между несколькими конструктами, которые он называет полюсами смысла³ [Richlak 1981: 7].

Дихотомия «значение»—«смысл» установлена давно, к ее исследованию обращались многие именитые ученые. О соотношении языкового и мыслительного содержания писал, например, А.В. Бондарко, подчеркивая их неразрывную связь: «Языковое содержание, конечно, не является неммыслительным. Будучи в своей основе мыслительным, понятийным, оно обладает рядом специфических признаков, связанных с языковой системой, языковой категоризацией, языковым выражением. Языковое семантическое содержание – это мыслительное в своей основе содержание, выраженное средствами данного языка, структурированное языковыми единицами и их соотношениями, социально объективированное в данном языковом коллективе, заключающее в себе определенный способ представления ... мыслительной основы содержания» [Бондарко 2001: 57].

О проблеме соотношения знака и значения задумывались Г.П. Мельников (значение лежит в основе создания смысла, который в любом акте коммуникации является величиной вариативной, нередко уникальной, тогда как значение во всех случаях инвариантно, обязательно, узуально и в таком понимании – надситуативно) [Мельников 1978: 54], Н.Г. Комлев (значение – относительно постоянный, относительно объективный и относительной единый компонент для всех членов коллектива; смысл – это постоянно меняющееся явление, количество смыслов практически безгранично) [Комлев 2003: 93] и многие другие лингвисты и философы, перечисление которых могло бы занять большое пространство нашей

³ Это мнение подтверждается и немецким этимологическим словарем, который указывает на связь слова *Meinung* с кельтским *mian* (*Wunsch, Verlangen*) и употребление соответствующего глагола (*meinen*) в значении *seine Gedanken auf etw. richten, im Sinn haben* [Duden 1989: 450].

работы. Такое разграничение понятий «значение» и «смысл» чрезвычайно важно и для настоящего исследования, в котором значение рассматривается как феномен, имеющий отношение к предложению как системной единице и представляющий собой выраженное средствами языка содержание – совокупность грамматических, лексических, лексико-грамматических значений языковых единиц, независимых от деятельности общения и замкнутых пределами языка. Понятие «смысл» в работе используется в отношении к высказыванию, под ним, вслед за А.В. Бондарко, понимается информация, передаваемая говорящим и воспроизводимая адресатом на основе содержания, выраженного языковыми средствами в сочетании с контекстом и речевой ситуацией, на фоне существенных элементов опыта и знаний говорящего и слушающего [Бондарко 1978: 39].

1.2. Парадигмы смысла

Диахроническое развитие концептуальных исследований смысла и его связи со значением насчитывает несколько десятилетий, в течение которых в ходе жарких дискуссий последовательно формировались и сменяли друг друга три направления (парадигмы) исследования смысла – этого загадочно виртуального, но одновременно очень реального явления.

В первой из них – словоцентристской – за элементарную единицу смысла принимается слово, все остальные смыслы лингвистических выражений (предложение, фраза, текст) рассматриваются как производные от смысла составляющих их слов⁴. «Гордиев узел» этой парадигмы – противостояние смысловых аспектов слова (его соотнесение с обозначаемой вещью или с мыслью, сопутствующей ему) – успешно «разрубил» своей концепцией Г. Фреге, четко различавший смысл имени (мысль о предмете) и его денотат. Термин «значение», однако, так и остался неоднозначным, флюктуирующим в теоретико-лингвистическом дискурсе от полюса смысла к полюсу денотата.

⁴ Мнение о генетической первичности значения слова по отношению к смыслу («луч смысла прорастает из значения») представлено в работах Г. Фреге [Фреге 1977; 1997], М.М. Бахтина [1995], Ю.Д. Апресяна [Апресян 1974], И.А. Стернина [Стернин 1985], И.М. Кобозевой [Кобозева 2000], Ч. Филлмора [Филлмор 1983]. Отечественные психолингвисты, опирающиеся на сформулированное еще в 1934 году мнение Л.С. Выготского, в моделях речепорождения тоже всегда исходили из первичности слова и его значения [Уфимцева 1986; Лурия 1979; Горелов, Седов 2001; Калентьева 1998]. В группе теорий, связывающих смысл с концептивным субстратом языка, следует назвать теорию Р.И. Павилёниса [Павилёнис 1983], идентичное мнение представляют Н.Н. Болдырев [Болдырев 1999: 16], Т.А. Фесенко [Фесенко 1999:113], Н.В. Костенко [Костенко 1998: 35].

По мере изучения смысла слов лингвисты все более убеждаются в необходимости анализа высказываний, в которых эти смыслы формулируются, проявляются и обогащаются. «Мысль, – пишет Г. Фреге, – есть смысл предложения» [Фреге 1997: 25]. Ему вторит Л. Виттгенштейн: «Только предложение имеет смысл, имя обретает значение лишь в контексте предложения» [Виттгенштейн 1994: 13]. Постепенно сформировалась вторая парадигма, называемая пропозициональной⁵. В ней с самого начала принималась идея о том, что исходной и минимальной единицей смысла является предложение (высказывание), содержащее хотя бы имя (предмета) и соответствующий ему предикат (свойство).

В настоящее время пропозициональная парадигма доминирует в лингвистике. С точки зрения, согласно которой языковая номинация подчинена языковой коммуникации и, соответственно, слово – предложению, солидарны многие авторы, среди которых, например, В.М. Солнцев [Солнцев 1977: 297], Ю.С. Степанов [Степанов 1982], В.Б. Касевич [Касевич 1988: 242], Р.Г. Авоян (если жизнь языка - в действии, то предложение и есть способ действия) [Авоян 1985: 69-70], Э.Д. Сулейменова [Сулейменова 1989: 8], Д.А. Салькова [Салькова 1983: 16, 34] и многие другие. Автор настоящего исследования также стоит на позиции, представляющей мнение о ведущей роли предложения как реализатора функции коммуникации по отношению к слову, реализующему функцию номинации. Мы считаем правильной мысль о том, что истинной и конечной целью языка является осуществление операций над смыслами, и утверждаем, что феномен смысла может рассматриваться только применительно к уровню предложения, но никак не слова.

Пропозициональная парадигма позволяет обнаружить тонкую органику смысла предложения, который возникает в результате взаимодействия целого ряда языковых факторов, к числу которых относятся конкретные слова языка; структуры, определяющие общее конструктивное значение предложения; само это значение; грамматические правила данного языка, регулирующие сочетаемость и способ соединения слов. При этом слова в формирующемся предложении

⁵ Становление пропозициональной парадигмы смысла подробно проанализировано Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 2003: 23-24, 34].

приобретают функциональные значения, соотношение которых фактически формирует общее конструктивное значение предложения; конкретный смысл предложения возникает в результате взаимодействия общего значения предложения и функциональных значений слов. Такое взаимодействие имеет нелинейный характер, так как значения лексических элементов предложения органически входят в общее конструктивное значение, конкретизируя его, последнее играет роль организующего момента при формировании смысла. Многоаспектный и разнообразный характер взаимодействия разноуровневых значений в предложении позволяет сделать вывод о невозможности сведения смысла предложения как к совокупной сумме значений составляющих его лексических единиц, так и к «чистому» конструктивному значению без учета семантики конститuentов конструкции [Солнцев 1977: 311-312].

Хотя пропозициональная парадигма сыграла важную роль в понимании смысла, постепенно стала осознаваться ее ограниченность. Пропозиция схватывает базисную схему образования смысла, его сущностное ядро. Но этой схемой нельзя ограничить смысл, если иметь в виду не некий прототипический смысл, фигурирующий в качестве идеальной модели в теоретико-лингвистических исследованиях, а живую речь, в которой коммуниканты задают вопросы, отвечают на них, утверждают или отрицают что-либо, одним словом, общаются. В ситуации живой коммуникации всякое высказывание произносится говорящим с намерением достигнуть определенной цели, воздействовать на слушающего в желательном направлении. И здесь принципиально важным для успеха в достижении коммуникативной цели оказываются все прагматические устремления коммуникантов. Осознание необходимости учета контекста общения, модальностей, прагматических целей коммуникантов заставило исследователей обратиться к анализу реальных высказываний коммуникантов, т.е. описанию своего объекта в динамическом, деятельностном аспекте.⁶

⁶ Пионерами лингвистической прагматики с ее деятельностным подходом к языку были представители порождающей семантики Дж. МакКоли, Дж. Лакофф, Дж.М. Сейдок. В нашей стране активно работали и работают в этой области Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, В.В. Богданов, Б.Ю. Городецкий, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, В.И. Карасик, И.М. Кобозева, М.Л. Макаров, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, А.А. Романов, Ю.С. Степанов, И.П. Сусов, С.А. Сухих, В.Н. Телия, Л.П. Чахоян, И.Б. Шатуновский и др.

Идея такого подхода была сформулирована ещё в первой половине 19 века В. фон Гумбольдтом, который противопоставил язык как творческую, созидательную деятельность, деятельность духа, в которой осуществляется превращение звука в живое выражение мысли, и язык как застывший продукт деятельности. Затем эта идея находила отклики в работах Х. Штайнталя, В. Вундта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, К. Бюлера, Л. Вайсгербера, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, и др., но не получила тогда систематического развития. Утверждаться деятельностные концепции языка стали только во второй половине 20 в., когда категория деятельности стала одним из ведущих онтологических и эпистемологических принципов многих наук о природе, человеке и обществе. Тогда же в основных чертах была сформулирована деятельностная парадигма смысла⁷ в работах британского философа Дж. Остина и его американского коллеги Дж. Серля [Остин 1999; Серль 1986а]. Если прежние парадигмы интересовались, прежде всего, семантикой выражений и поэтому нацеливали исследователей на поиск смысла, выражаемого отношением знак–объект, то новая парадигма погружала смысл в межличностные отношения, которые более адекватно характеризуют сущность человеческого общения. С этих позиций коммуникация рассматривается как осмысленная деятельность в человеческом мире. Во главу угла ставится принцип антропоцентризма, реализующийся в понятиях «субъективность в языке», «человек в языке» и «язык в человеке», язык понимается как «семиотическая система, основные референциальные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом» [Степанов 1974: 14].

Введение деятельностной парадигмы смысла обусловлено настоятельной необходимостью, поскольку единица речевого общения – речевой акт – обладает сложным целостным смыслом, представляющим собой своеобразный синтез субъективных устремлений говорящего (намерений, целей, планов) и пропозиционального содержания, в реальной коммуникации он выходит за рамки только пропозиции и включает все замыслы и действия субъекта, осуществляющего целенаправленный речевой акт. Именно в том и заключается эвристичность деятельностной концепции языка, что она позволяет увидеть иные, не охватываемые

⁷ Термин ввел в обиход А.С. Кравец [Кравец 2003] с оговоркой, что это понятие, хотя и не является общепотребительным, но имплицитно заложено в деятельностной парадигме (подходе) языка.

пропозициональной парадигмой аспекты и грани смысла. Значит, концепт «деятельностная парадигма смысла» имплицитно заложен в деятельностной парадигме языка, являющейся идентификацией теории речевых актов в отечественной лингвистике. Вероятно, о таком понимании смысла писал М. Даммит: «Если обратиться к фреговскому различию между смыслом и действием, то легко увидеть, что предложение легко распадается на две части, одна из которых выражает смысл предложения (мысль), а другая указывает на его предполагаемое действие – утверждающее, вопрошающее, повелевающее и т.п.» [Даммит 1987: 135].

Авторы некоторых работ, посвященных смыслу, пытаются определить общие характеристики этого неоднозначного и противоречивого явления [Новиков 2000; Каминская 1998]. Среди наиболее общих признаков называются, с одной стороны, универсальность, инвариантность смысла, а с другой стороны, его ситуативная обусловленность, изменчивость и вариативность. Для интеграции различных ипостасей смысла может служить принцип доминантности, ведь человек в любой деятельности ищет смысл, который служит ему и целью, и стимулом, и средством. Нахождение смысла во многом определяется задачей, которую человек вынужден решать в тех или иных жизненных обстоятельствах. Появление в сознании доминанты, возможно подобно нахождению «функционального решения» в процессе переструктурирования проблемной ситуации, о котором писали представители гештальт-психологии: «Процесс нахождения смысла подобен нахождению гештальта» [Франкл 1990: 11]. Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство. Нахождение таких доминант, возможно, и есть переход на смысловой код, который непосредственно не наблюдаем, но осознается как таковой всеми.

Применительно к высказыванию внешним проявлением доминантности того или иного признака смысла является, очевидно, оперирование такими единицами как ключевые слова, опорные пункты, создающие своеобразный «рельеф» формирующегося в сознании семантического пространства. Мы называем эти индикаторы смысла операторами порождения и модификации, речь о них пойдет ниже,

1.3. Единицы и категории деятельностной категории смысла

Деятельностная парадигма смысла как направление лингвистической науки располагает собственным понятийным аппаратом и набором единиц и инструментов исследования. Ее ядром является речевой акт – то самое «слово как действие», речевой механизм «приведения языковой системы в действие через индивидуальный акт употребления» [Бенвенист 2002: 312].

Понятие речевого акта впервые отчетливо прозвучало в книге Дж. Остина «Как производить действие со словами», изданной в 1962 г. [Остин 1999], где было обращено внимание на то, что употребление многих слов и предложений в речевой практике может быть истолковано как действие, но отнюдь не как описание существующего положения дел. Эта идея была несколько позднее развита в работах американского философа Дж.Р. Серля, в центре внимания которого оказались природа интенциональной составляющей речевого акта, его смысловая нагруженность, структура, типология и языковые способы его выражения. Дж. Серль указал на то, что любое высказывание помимо пропозиционального содержания имеет определенную функциональную направленность, иллокутивную силу, обладает интенциональностью. В иллокутивном акте реализуется намерение говорящего, тем самым обнаруживается тесная связь «между понятием значения и намерения» [Серль 1986а: 158].

В последующие десятилетия после опубликования первых работ о речевых актах, развившихся в стандартную теорию речевых актов, к их рассмотрению обращались многие и многие философы⁸, но и лингвисты, изучавшие самые разные аспекты этого явления – форму, содержание, функционирование, принципы типологизации речевых актов, а также (в рамках выросшей из теории речевых актов прагматики) правила языкового общения, методы толкования прагматических пресуппозиций, импликаций и следствий, а также прагматической референции. Результатом такого пристального внимания к речевым актам стала конвенционализация этого понятия, его метаязыковая лексикализация, которая делает сегодня излишним подробное рассмотрение связанных с этим явлением частных

⁸Из наиболее значимых имен следует назвать, например, Г.П. Грайса, который показал, что использование языка и интерпретация языковых форм осуществляются в соответствии с определёнными правилами и принципами общения, сформулировал постулаты (максимы) широко известного Принципа Кооперации и продемонстрировал возможности смысловой интерпретации высказываний в терминах разговорных (конверсационных, коммуникативных) имплицатур [Грайс 1985]. Вместе с ним должно быть названо имя П.Ф. Стросона, заслугой которого является разработка вместе с Дж. Серлем стандартной теории речевых актов.

вопросов; по этой причине мы в данном разделе лишь коротко дефинируем релевантные для настоящего исследования единицы и категории во избежание терминологической неясности.

Одним из наиболее важных для решения задач исследования вопросом является определение единицы исследования – **высказывания**, которое вслед за Э. Бенвенистом понимается нами как языковая репрезентация речевого действия, «приведение языковой системы в действие через индивидуальный акт употребления» [Бенвенист 2002: 312]. Широкая многозначность термина «высказывание» делает его употребление не всегда четким, а толкование неоднозначным. Из различных понятийных оппозиций, в которые этот термин оказывается включенным, наиболее частым является определение, противопоставляющее его предложению. Последнее дефинируется как предикативная синтаксическая структура, оснащенная значащими единицами, построенная (не данная!) абстрактная схема, изолированная от любого контекста и любого вербального окружения, существующая как бы в ожидании своей актуализации. Высказывание же и есть актуализация этой языковой структуры в определенной ситуации общения, ее индивидуальная реализация [Бенвенист 2002: 312]. То есть высказывание есть единица функциональная, ее значение выявляется только в конкретных условиях коммуникации, при этом актуализуемые языковые структуры – предложения – приобретают дополнительные качества, различные коннотации, языковая модель подвергается различным функционально обоснованным изменениям, преобразованиям, усложнениям. Одним словом, в акте общения из «деталей» абстрактной схемы рождается смысл – обстоятельство, играющее особую роль в настоящем исследовании.

«Классическое» высказывание, равное по длине предложению, представляет собой прототипный, но не единственный вариант этой единицы. В настоящей работе высказывание понимается широко – как законченный отрезок речи, объединенный одной интенцией или – чаще – единым интенциональным комплексом, характеризуемый единой смысловой структурой, по сути, это единица, эквивалентная речевому акту, она не обязательно ограничивается одним, а может охватывать несколько предложений. Высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели.

Сказанное логично подводит наши рассуждения еще к одному принципиально важному вопросу – определению **речевого акта**, понимание которого тоже неоднозначно и нуждается в уточнении. Еще раз повторим, что это явление несводимо к анализируемым в теории речевых актов изолированным, отдельным предложениям – своего рода «прокрустову ложу», в которое не укладываются явления живой речи, модифицируемые ситуативным и вербальным контекстом.

Учет диалогичности речи и стремление преодолеть узкие дефиниционные рамки побуждает многих исследователей искать альтернативу речевому акту, в качестве которой предлагаются понятия интеракционального акта (У. Эдмонсон⁹), коммуникативного акта [van Dijk 1981, Henne, Rehbock 1979, Oskar 1981, Holdcroft 1992, Shisa 1992]¹⁰, дискурсивного акта [Henne, Rehbock 1982]¹¹. Все названные термины (диалогический, коммуникативный, дискурсивный акт) касаются в первую очередь реальной коммуникации. Если сравнить их признаки с другими обычно имплицитными признаками речевого акта (о них не говорится в работах «ортодоксальных» представителей теории речевого акта), то можно установить, что термин речевой акт имеет акцент на действие¹², а диалогический (коммуникативный, дискурсивный) акт – на взаимодействие, он представляет собой совокупность речевых актов, совершаемых коммуникантами навстречу друг другу, является, по сути, обменом речевыми актами. Значит, можно рассматривать речевой акт как элемент коммуникативного акта, коммуникативную единицу, потенциально предназначенную для достижения типизированных коммуникативных целей. Полная его актуализация осуществляется в диалогическом дискурсе в качестве коммуникативного хода: когда мы что-

⁹У. Эдмонсон определяет интеракциональный акт как минимально различимую единицу коммуникативного поведения, речевого и неречевого, не (обязательно) продвигающую общение к достижению коммуникативных целей [Edmonson 1983: 6].

¹⁰Под коммуникативным актом названные авторы понимают минимальную единицу диалога, общую акциональную рамку речевого действия, важнейшими составляющими которой являются тема, вербальные, параязыковые и кинестетические элементы, а также признаки аффективного поведения. Коммуникативный акт в свою очередь включается в ситуацию, составными частями которой являются время, место, вид разговора и другие обстоятельства, которые влияют на оформление общения.

¹¹ Дискурсивный акт определяется Х. Хенне и Х. Ребок как минимальная коммуникативная единица, речевая или жесто-мимическая по своей природе, которая в каждом конкретном случае употребления в разговоре имеет свою специфическую значимость с точки зрения развития речи как системы действий, коммуникативных планов и стратегий (*Gesprächsakt* в [Henne, Rehbock 1982: 182]).

¹² Классическое определение речевого акта представляет его как высказывание (речевое действие) или совокупность высказываний, совершаемых одним говорящим с учетом другого [Клюев 1998: 8].

то просим, обещаем и т.д., мы развиваем диалог, соглашаемся, отказываем и т.д.

Сказанное позволяет сформулировать релевантные дополнения к пониманию термина речевой акт: основное внимание исследователей при анализе речевых актов направлено на диалогическую (устную) речь, при этом учитывается невербальная коммуникация, речевые действия включаются в специфическую ситуацию; говорящий не рассматривается изолированно, при анализе непременно учитывается адресат. В нашем исследовании мы пользуемся термином речевой акт, но в указанном расширенном значении и синонимично к пониманию речевого действия.

Третьим важным «кирпичиком» в основании нашей концепции является понятие иллокутивного действия, или **иллокутивного акта**. Это центральное понятие теории речевых актов (связанное с понятием иллокутивной силы, функциональной направленности) соотносится с коммуникативным намерением, или интенцией, говорящего¹³, которая представляет собой, в свою очередь, часть логической структуры иллокутивного акта, «базисное понятие, вокруг которого группируются разные способы использования языка» [Серль 1986б: 194]. Она (интенция или иллокутивная цель) определяет тип действия, которое производится с помощью иллокутивного акта. Две другие составляющие логической структуры иллокутивного акта – направление приспособления (одни речевые акты стремятся приспособить слова к миру; назначение других – приспособить мир к словам) и психическое (интенциональное) состояние говорящего, определяемое Дж. Серлем как условие искренности (человек, констатирующий некое положение вещей, выражает убеждение, что оно имеет место быть). По сути, в психических состояниях, как их трактует Серль, проявляется мотивация речевого акта. Эта мотивация логически предпосылается цели (или смыслу самого действия) и не может не согласовываться с ней. В этом и проявляется искренность иллокуции, ведь

¹³ Термин «интенция» употребляется нами синонимично понятиям «иллокуция» или «иллокутивная цель» и используется не в том широком смысле, который ему придается в философии, а в узком смысле «(коммуникативного) намерения». По мнению Т. Левандовски, описание иллокутивного акта, являющегося центральным компонентом или симультанно совершаемой частью речевого акта, предполагает ответы на вопросы о том, что имеет в виду говорящий, как говорящий должен понять высказывание, чего хочет достичь говорящий, как, по замыслу говорящего, должна быть принята пропозиция высказывания, каков перформативный аспект речевого действия, каков прагматический смысл высказывания, какова коммуникативная функция высказывания, каков смысл высказывания, конституируемый при произнесении высказывания, какой интенциональный акт совершается в рамках урегулированной конвенциями коммуникации [Lewandowski 1990: 424-425].

нелогично желать одного, а делать совсем другое. Следовательно, мотив, как действительно испытываемое психическое состояние является субъективным условием реализации речевого акта, основанием для действий субъекта и в общем случае выражает осознанную нужду в чем-либо. Поэтому, если мы подвергаем сомнению одно из условий мотивированности, мы тем самым подвергаем сомнению мотивированность самого речевого акта [Гордон, Лакофф 1985: 283]. Например, извинение мотивировано только в том случае, если говорящий раскаивается в причинении ущерба; инвектива мотивирована только в том случае, если у говорящего есть искреннее намерение оскорбить адресата.

Следует подчеркнуть, что иллокутивный акт не идентичен коммуникативному акту. К числу их наиболее существенных различий относится факт, что главным действующим лицом коммуникативного акта является вся коммуникативная ячейка (и отправитель, и получатель), а главным действующим лицом иллокутивного акта – лишь отправитель. Эта особенность делает коммуникативный акт более «прихотливым» в отношении условий реализации – некоторый иллокутивный акт совершается уже при произнесении любого отмеченного высказывания. Значит, если реализация коммуникативного акта предполагает реализацию иллокутивного акта, то из факта совершения иллокутивного акта отнюдь не следует, что был совершён коммуникативный акт [Почепцов 1986: 6].

Еще одним принципиально важным с точки зрения выражения и восприятия смыслов дефиниционным моментом является способ реализации интенции и связанное с ним понятие **косвенности**. По Дж. Серлю, косвенным является речевой акт, в котором буквально сказанное выражает нечто другое, нежели то, что имел в виду говорящий [Searle 1982: 31; см. также Wunderlich 1972: 32]. Мы принимаем такое широкое понимание косвенного речевого акта, но считаем необходимым сделать некоторые уточнения. Прежде всего, логичным является вопрос о том, сохраняется ли значение основного речевого акта или полностью заменяется значением косвенного. Кроме того, следует уточнить, означает ли слово «выражение» непосредственное соответствие между звучанием и значением или имеются в виду более сложные семантические связи. Учитывая эти, скорее формальные, но весьма существенные моменты, мы фиксируем важный для косвенного речевого акта признак: значение прямого речевого акта обязательно сохраняется, а осмысление

высказывания в качестве косвенного происходит на уровне логического вывода, осуществляемого на основе разнородного комплекса данных, как лингвистических, так и экстралингвистических. Это утверждение, разумеется, не исключает возможности возникновения новых прямых значений на основе автоматизации подобных косвенных осмыслений в стереотипных ситуациях, что в свою очередь приводит к полной или частичной идиоматизации.

Не менее важным для трактовки феномена смысла моментом является вопрос о том, каким образом говорящий может с помощью некоторого высказывания выразить не только то, что оно непосредственно означает, но и нечто иное, иными словами, как разрешается противоречие, состоящее в трудности соединения выражения и понимания. На этот, казалось бы, наивный, но вполне закономерный вопрос следует дать столь же наивный, но единственно правильный по сути ответ, повторив точку зрения Дж. Серля: получатель приписывает высказыванию некое содержание, извлекая его элементы из своих фоновых знаний о мире, дополняемых знаниями об основных закономерностях речевого поведения [Searle 1982: 3-4]. То есть восстановление скрытых, косвенных смыслов становится возможным при учете презумпции релевантности – согласования мотивов, намерений говорящего и способа выражения смысла. В тех случаях, когда буквальное значение «не вяжется» с логикой речевого общения, следует искать косвенный смысл сказанного, восстанавливающий эту релевантность. И здесь нет и не может быть опасности субъективных толкований высказывания, ибо уверенность в правильности интерпретации появляется у слушателя в результате того, что смысл чаще всего бывает заранее подготовлен каким-то другим, предшествующим высказыванием¹⁴.

Решение проблемы косвенности, а также других проблем, касающихся живой речи (как, например, «несерьёзных» способов реализации языковых действий – намёков, шуток, острот и т.п.), возможно только при учете особенных характеристик диалогической речи – самой естественной формы общения. Поэтому в следующем разделе настоящей

¹⁴ Такого же мнения придерживаются Д. Гордон и Д. Лакофф – представители «инференционного» подхода к анализу косвенных речевых актов, использующих систему постулатов для построения инференционной цепочки от исходной формы речевого акта к его смыслу (см. анализ подходов к объяснению феноменов косвенных речевых актов в [Levinson 1983: 268].

работы мы обращаемся к диалогу для представления важных понятий, релевантных для решения задач нашего исследования.

1.4. Деятельностная парадигма смысла и диалог

Диалогическое взаимодействие. Диалог является основной формой коммуникации, процесса, в котором символически оформляется и переоформляется наша идентичность, наши социальные связи и отношения, наш общий мир значимых объектов и событий, наши чувства и мысли, наши способы выражения этих социально выстраиваемых реальностей – так определяет коммуникацию Р. Крейг [Craig 2001: 125]. Именно в процессе общения, являющегося, по сути, социальным процессом, люди проявляют черты характера, убеждения, эмоции, создают смыслы, которыми руководствуются в своей деятельности, влияют друг на друга.

Важными вехами в истории исследования диалогического взаимодействия являются классические концепции общения Л. Выготского (об интериоризации социального опыта), А.Н. Леонтьева (о деятельностной основе личности), К. Левина (теория групповой динамики), К. Ховланда (теория убеждения), Л. Фестингера (теория когнитивного диссонанса) и др. ряд других теорий¹⁵, которые обосновывают социально-дискурсивную природу личности. Новые подходы к анализу речевого взаимодействия показала теория диалога М.М. Бахтина, который видит сущность общения к его конститутивной роли в познании и самопознании. Квинтэссенцией комплекса идей ученого-философа можно считать его слова о том, что «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, ответственствовать, соглашаться и т.п.» [Бахтин 1976: 307].

В узком смысле диалог определяется как языковая форма общения, как «форма (тип) речи, состоящая в обмене высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта. Для

¹⁵Плеяда ученых, которых называют великими «биологами» (П. Тейяр де Шарден, А. Бергсон, В.И. Вернадский, У. Матурана и др.), внесла динамичный, «организмовый» подход к анализу общения. Так, У. Матурана сравнивает языковую деятельность с танцем, которому свойственны не «иерархия», «управление» или «конкуренция», а взаимная подгонка действий, сотрудничество. В реальном процессе языкового взаимодействия происходит не передачи информации, а более или менее близкое взаимное понимание чего-то иного [Матурана 1995].

диалогической речи типична содержательная (вопрос/ответ, согласие/возражение) и конструктивная связь реплик» [ЛЭС 1990: 135]. Иными словами, при диалоге речь идет о «разделенном слове», о взаимодействии, ведь человек в силу своей природы не может не общаться с другим человеком, с природой, самим собой. Даже пространный монолог, казалось бы, не связанный непосредственно с ситуацией общения, всегда кому-то адресован и является реакцией, репликой на предшествующий контекст, конфликт, ситуацию. Поэтому монолог называют иногда остановленным диалогом, высказыванием, как бы извлеченным из диалога¹⁶.

Понимание диалога как речевого взаимодействия требует рассмотрения вопроса о типах этого взаимодействия, которые выделяются в соответствии с принципами и постулатами речевого общения и определяются как сотрудничество (при совпадении интересов коммуникантов)¹⁷ и конфронтация (свидетельствует о несовпадении целей партнеров). Они отражены в двух моделях диалога – кооперативной и конфликтной, которые рассматриваются как процесс развития отношений субъектов, формирования их оценок, эмоций, смыслов под влиянием друг друга в ходе диалогического общения. Модус взаимодействия общающихся сторон в диалоге – не единственное основание для определения типа диалогического дискурса, исследователями принимаются во внимание социальные роли партнеров, различные социальные параметры, степень официальности, а также другие характеристики¹⁸. Не останавливаясь на вопросе типологизации

¹⁶ Известный тезис гласит, что язык возникает лишь из потребности общения с другими людьми, поэтому неправильно считать случайной лингвистическую традицию ассоциировать термин коммуникация с диалогом. Эту мысль подчеркивали многие лингвисты и философы, начиная с В. фон Гумбольдта: «Человек понимает самого себя не иначе, как удостовериться в понятности своих слов для другого» [Цит. по: Постовалова, 1982, 64]. Э. Бенвенист писал: «...ситуация, неотъемлемая от использования языка, есть ситуация обмена и диалога» [Бенвенист 2002: 27].

¹⁷ Традиционно, по П. Грайсу [Грайс 1985], взаимодействие трактуется как кооперация, то есть как согласованное, «цивилизованное» взаимодействие. Однако, реальные случаи несогласованного взаимодействия («лебедь, рак и щука»), которые можно трактовать как кооперативные неудачи – недостижение успеха в общем деле. Значит, следует подчеркнуть, что кооперативное речевое взаимодействие имеет общей целью достижение взаимопонимания и регулируется правилами очередности и согласованности действий, соразмерности вклада участников.

¹⁸ Диалогические дискурсы классифицируются по целому ряду оснований: по социолингвистическим, психолингвистическим, коммуникативно-прагматическим, тематическим и др. Так, например, в работах М.Л. Макарова противопоставляются диалоги, развивающиеся в русле соблюдения норм кооперативности, и диалоги-конфликты, где наблюдается борьба за коммуникативную инициативу, за право подчинить диалог своим целям [Макаров 1991: 67]. Достаточно широко популярность приобрела классификация с учетом специфики психологического взаимодействия партнеров, соотношения логического и экспрессивного моментов, предложенная А.К. Соловьевой [Соловьева 1965: 104]. В работах А.Р. Балаяна диалогические дискурсы делятся по критерию их

диалогических дискурсов, не имеющем прямого отношения к рассматриваемой проблеме, очертим коротко границы исследуемого нами дискурсивного поля, опираясь на предложенную Т.Н. Колокольцевой [Колокольцева 2006: 62-63] многоаспектную классификацию. Релевантный для целей настоящей работы диалогический дискурс определяется как продукт совместной речевой деятельности не менее двух коммуникантов, которые обязательно непосредственно присутствуют при произнесении высказывания. Это спонтанные непринужденные диалоги официального и неофициального характера (как правило, воспроизведенные художественными средствами с учетом основных закономерностей диалогического общения), в которых параметры данной формы речи получают наиболее полное и естественное выражение. Анализируемые дискурсы в большинстве случаев полиинтенциональны и политематичны, в них – в зависимости от реализуемых интенций и отношений между коммуникантами – могут соблюдаться или намеренно нарушаться принципы кооперативного общения.

Диалогическое взаимодействие представляет собой некоторую систему и как таковое обладает определенной структурной организацией. Основной единицей диалога является акт речевого взаимодействия¹⁹, соответствующий однократному обмену коммуникативными актами, репликами или репликовыми шагами [Henne, Rehbock 1982], речевыми ходами [Sinclair, Coulthard 1975], акцией и реакцией. Связность акта речевого взаимодействия, который мы традиционно называем

функциональной направленности [Балаян 1971]; для Н.Д. Арутюновой ведущей является категория коммуникативной целеориентированности [Арутюнова 1992: 52-53]; С.А. Сухих предлагает коммуникативно-прагматическую классификацию диалогических дискурсов в зависимости от макроинтенций коммуникантов [Сухих 1998: 14-15]; Ю.В. Рождественский типологизирует диалоги по нескольким линиям: по степени интенсивности развертывания, по цели, по соотношению реплик и (наиболее детально) по предметам обсуждения. [Рождественский 1997: 298-452]. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что любые попытки представить все имеющееся разнообразие диалоговых форм в виде перечня «чистых» типов неизбежно сталкиваются с сопротивлением систематизируемого материала, поскольку в условиях коммуникации разные типы диалогических дискурсов находятся в постоянном взаимодействии и зачастую перекрещиваются [Арутюнова 1992: 53; Сухих 1998: 15].

¹⁹ Минимальная единица коммуникативного взаимодействия определялась разными терминами – обмен, интерактивный блок, простая интеракция, элементарный цикл [Сусов 1984: 7; Зернецкий 1987: 92; Кучинский 1985; Ключанов 1988], а также exchange, elementary interaction [Sinclair, Coulthard 1975; Coulthard 1985; Stubbs 1983; Stenström 1999; Ninio, Snow 1996]. В разговорном анализе часто фигурирует заимствованный у С. Левинсона термин смежная пара [adjacency pair – Levinson 1983: 303; см. также Schegloff, Sacks 1973: 295; Sacks 1995; Brown, Yule 1983: 230], фактически соответствующий широко употребляемому понятию диалогическое единство.

диалогическим единством, задается целенаправленностью акции и целесообразностью реакции²⁰.

Реплика/речевой ход как элемент диалогического единства может состоять из одного или нескольких иллокутивных актов, что предопределяет выявление простых и сложных речевых актов/ходов. Структура последних включает доминирующий и подчиненный элементы. Доминирующий (управляющий) компонент (иллокутивный акт, интенция) определяет интенциональный смысл всего речевого хода, он обязателен и не может быть элиминирован. Подчиненные элементы служат для поддержки, оправдания, подготовки или аргументации доминирующего акта и являются факультативными, необязательными [Roulet 1982: 65-84].

Ситуация общения. Акт речевого взаимодействия может анализироваться на основании языковых особенностей составляющих его реплик, но это само по себе не дает возможности выйти за пределы обычной грамматики. Для более глубокого объяснения диалогических явлений необходимо рассматривать их в ситуации общения²¹, под которой мы вслед за Т. ван Дейком понимаем «положение дел, в котором имело место коммуникативное событие» [Dijk 1981: 30] и которое – в зависимости от сферы рассмотрения (институциональной или повседневной) – имеет свои особенные правила речевого общения, коммуникативные практики и языковые игры, когнитивные стереотипы.

Известный социолингвист С.М. Эрвин-Трипп использует для обозначения ситуации термин «обстановка» и понимает под ней «постоянные модели поведения», возникающие при общении людей. Обстановка – это и семейный завтрак, и факультетское собрание, и вечеринка, и свидание. При этом социальные ситуации – обстановки – ограничиваются культурными нормами, которые определяют состав участников, темы, функции, стиль беседы. Автор указывает, что «ситуации различаются в зависимости от наличия тех или иных ограничений и от

²⁰ Выводом, сделанным Дж. Ф. Аллен и Р. Перро из анализа роли планов коммуникантов в диалоге, является следующий: развитие диалога, основанное на содействии общению, стремлении к взаимопониманию, предполагает, что если поставленная инициатором диалога цель общения не осуществлена в рамках одного акта, диалог продолжается как сцепление актов, в которых реакция одного акта служит акцией для последующего [Аллен, Перро 1986: 323].

²¹ Термин «ситуация общения» часто заменяется термином коммуникативный/ситуативный контекст, определяемый как тип социального контекста, который включает определенный набор значимых компонентов коммуникативной ситуации, детерминирующих выбор формы выражения речевого акта [Беляева 1992: 53; context of situation: Firth 1969: 9; ситуация высказывания – situation of utterance: Davies 1979: 58].

степени допустимого варьирования, так что, например, в проповеди будет меньше стилевых отклонений, чем на вечеринке. Изменив любой из этих признаков, можно вызвать вопиющее нарушение социальных норм или изменить ситуацию настолько, что на ее основе возникнет новая ситуация (так, свидание превратится в деловую встречу) [Эрвин-Трипп 1975: 336].

Представительница французской школы конверсационного анализа Д. Андре-Ларошбуви предложила обобщенное определение ситуации, которая, по ее мнению, состоит из фактов, известных каждому из участников, это общее знание коммуникантов, способствующее быстрому и легкому достижению взаимопонимания, снимающее двусмысленность высказываний. Ситуация ограничивает как выбор языковых средств, так и социально-ролевые проявления коммуникативной активности участников. Наиболее существенными параметрами ситуации автор называет элементы физической (пространственные, временные, социально-ролевые характеристики общения), кинестетической (жесты, мимика) и контекстуальной ситуаций и элементы, которые описываются только субъективно и не относятся к физической ситуации. Те и другие образуют некоторый универсум дискурса, часто трудно разложимый на отдельные компоненты, поэтому понятный только в их совокупности. Изменение одного элемента ведет к полной или частичной перемене ситуации [Andre-Larochébouvy 1979: 50-55].

Таким образом, ситуация общения может быть представлена как обширный класс социально-культурных детерминант, включающий тип деятельности, предмет общения, уровень формальности или официальности, статусно-ролевые отношения, место общения и обстановка, социальная среда и т.п. Многоаспектность этого феномена обуславливает его интерпретацию на нескольких уровнях: социальном, психологическом, собственно коммуникативном [Федорова 2005]. На социальном уровне речь идет о выборе стратегий, который задается целью общения инициатора диалога. На выбор стратегии оказывают влияние социальные роли участников общения (начальника или подчиненного, учителя или ученика и т.д.). Собеседник может избрать ответную стратегию подчинения, содействия или противодействия (впрочем, для определенных социальных ролей стратегия противодействия запрещена, например, в диалоге солдата с офицером). Важным элементом ситуации на этом уровне является знание социального взаимодействия, этикетных

правил. Соотношение социальных ролей (по признакам: выше – ниже, свой – чужой) задает один из его возможных вариантов общения – формально-иерархический, формально-нейтральный (к чужому) или неформальный, для каждого из которых действуют свои ограничения в выборе тактических форм.

Психологический уровень общения – это реализация стратегий взаимодействия, т.е. столкновение личностей, на нем производится поиск тактических приемов воздействия, форм речевых действий. Психологические роли есть способы самовыражения, которые выбирают собеседники: это могут быть роли просителя или благодетеля, обиженного или обидчика, поклонника или кумира. Парность ролей²² требует от адресата стратегии содействия инициации говорящего. В психологическом плане диалог можно уподобить игре, в которую участники вступают в разных позициях: сильной и слабой, – и развитие игры приводит их либо к подтверждению баланса, либо к смене ролей. Релевантным ситуативным фактором на этом уровне является степень расположенности партнеров к общению в предложенных позициях: они могут принимать такое распределение ролей либо отклонять его. Каждый из вариантов по-разному влияет на развитие диалога, способствуя или препятствуя ему.

Наконец, коммуникативный уровень определяет инициатора диалога – того, кому есть, что сказать или о чем спросить. Он (инициатор) формирует конкретную коммуникативную цель (это и есть его коммуникативная роль), адресат принимает роль реагирующего. На этом уровне происходит взаимопонимание, основанное на заинтересованном восприятии передаваемой информации или конфликт, коммуникативный сбой при иной констелляции ситуативных факторов.

Говоря о ситуации общения, нельзя, на наш взгляд, обойти вниманием достижения транзактного анализа, главным предположением которого является мысль о том, что основными действиями в общении являются действия, осознанно или неосознанно направленные на изменение или регулирование своей или чужой позиции в общении. Существует несколько вариантов к определению этих позиций. Например, английский психотерапевт Ф.С. Перлз выделяет позиции хозяина положения (авторитарный, требовательный, часто угрожающий) и подчиненной

²² По мнению выдающегося психолога В.Л. Леви, театра одного актера в жизни не бывает, любая роль подразумевает, ищет и при удобном случае производит ролевого партнера [Леви 2003: 351].

стороны (зависимый, лишенный инициативы) [Perls 1979]. Основным понятием широко известной теории Э. Берна являются состояния Эго (Родитель, Взрослый и Ребенок) – относительно независимые и обособленные во внутреннем мире человека совокупности эмоций, установок и схем поведения. По Берну, в любой момент человек может находиться в одном из трех состояний, которое и определяет позицию и статус человека в конкретном акте общения. Партнеры могут воспринимать ситуацию одинаково или по-разному, значит, общий рисунок взаимодействия является следствием степени совпадения, одинаковости ситуации в глазах партнеров.

Заключая краткое рассмотрение диалога как формы речи, перечислим в обобщенном виде его признаки (ср. их анализ в [Колокольцева 2006: 57-58]):

1. Количество коммуникантов в диалоге варьирует от двух (при классическом диадическом взаимодействии) до множества, когда адресат носит интегрированный, полимодальный характер.

2. Для диалога совершенно обязательно наличие адресата речи, его отсутствие превращает диалог в монолог,

3. Роль адресата в диалоге является активной, восприятие информации сопровождается теми или иными коммуникативными реакциями.

4. Диалог предполагает обязательную смену коммуникативных ролей, переход речевых ходов от адресанта к адресату и наоборот. В силу этого сам статус коммуникантов (адресант - адресат) можно считать относительным.

5. Взаимодействие адресанта и адресата в процессе диалогического общения обуславливает обязательность обратной связи, приспособление коммуникативных стратегий собеседников друг к другу, корректировку в случае необходимости их речевых планов.

6. Диалог предполагает высокую степень импровизационности речи, в процессе коммуникации происходит либо полное (от начала до конца) создание ткани речевого произведения, либо вербализация (с полной или частичной коррекцией) имеющегося сценария речевого взаимодействия.

7. Реплики диалога не могут иметь слишком сложной синтаксической организации по ряду причин. Реплики-реакции, как правило, редуцированы в силу неестественности и неорганичности полного

повторения информации инициативной реплики. Ср.: – *Gehst du heute zur Versammlung?* – *Ja, ich gehe heute zur Versammlung.* Речевые факты подобного рода могут свидетельствовать о речевых трудностях говорящего (например, иностранца, не вполне освоившего данный язык), или о наличии у одного из участников общения установки создать конфликтность речевого взаимодействия.

Сказанное позволяет утверждать, что характерная для наших дней экспансия диалога – явление вполне закономерное, он привлекает ярко выраженным личностным характером, коммуникативной гибкостью, очевидной направленностью на конечный результат (достижение взаимопонимания и согласия сторон). Постижение законов построения диалога необходимо для эффективного коммуникативного взаимодействия во всех сферах общения.

ГЛАВА 2. Многокомпонентная модель смысла высказывания

2.1. Конституирование смысла. Состав смысла.

Идея о представлении смысла высказывания как о некой слоистой сущности не нова. Классической работой в этом отношении является монография А.В. Бондарко [Бондарко 1978], где автор, характеризуя смысл высказывания, формирующегося в речевой коммуникации, определяет его как феномен, результирующий из взаимодействия и взаимосвязи следующих компонентов:

1) эксплицитная языковая информация, вытекающая из интеграции речевых реализаций языковых значений в данном тексте, выраженных формальными языковыми средствами;

2) имплицитная контекстуальная информация, не выраженная языковыми средствами, но вытекающая из соотношения высказывания с более широким контекстом;

3) прагматическая информация, вытекающая из эмоциональных, образных и других стилистических элементов текста;

4) неязыковая информация – ситуативная (связанная с речевой ситуацией) и энциклопедическая (связанная со знанием и опытом говорящего и адресата) [Бондарко 1978: 13-14].

Идея противопоставления различных видов смысла в рамках противопоставления более общего порядка находит свое развитие и в других работах Бондарко А.В. Так, в одной из более поздних статей говорится о том, что в понятии «смысл» могут быть выделены два аспекта: системно-категориальный и речевой. Имеются в виду, с одной стороны, такие понятия, как семантическая (мыслительная, понятийная, когнитивная) категория, предикатно-аргументная структура, с другой, речевой, актуальный смысл, смысл высказывания. В первом случае речь идет о категориях и категориальных структурах как элементах когнитивной системы, о системе смыслов, а во втором – о смыслах, связанных с процессами и результатами мыслительно-речевой деятельности [Бондарко 1998: 23].

Выделенные В.Г. Адмони в известной монографии о строе немецкого языка семь аспектов немецкого предложения [Admoni 1966: 229-255] можно, собственно, тоже рассматривать как компоненты смысла при реализации предложения как высказывания. Среди названных В.Г.

Адмони, кроме формальных, структурных аспектов называются модальность, эмоциональное содержание и психолого-коммуникативная установка говорящего – категории, играющие первостепенную роль при порождении смысла высказывания. Одним из первых представляя его как многоаспектное образование, В.Г. Адмони уже много лет назад говорил об иерархичном расположении компонентов, о разной степени их важности в целостном смысле коммуникативного знака.

Позднее эта мысль высказывалась не раз. Например, В.Н. Телия, исследуя семантическую структуру знакового образования, представляет ее как упорядоченный некоторым образом набор макрокомпонентов (зон или блоков), каждый из которых имеет свою структуру. Среди основных автор называет следующие: грамматический, денотативный, оценочный, мотивационный, эмотивный и стилистически маркированный макрокомпоненты [Телия 1991: 40-41]. При переложении их на смысл высказывания – продукта речевой деятельности, то есть употребления языкового знака в речи – в них без труда прочитывается пропозиция – элементарный смысл, оценочный и эмоциональный смыслы, а также явления семантической и прагматической компетенций (первая связана с социальными ролями и условиями общения, вторая – со знаниями об «уместности/неуместности ведения той или иной языковой игры). Об эмотивном макрокомпоненте В.Н. Телия пишет, что он указывает на чувство-отношение говорящего в диапазоне одобрение/неодобрение и взаимодействует с субъективным началом, «выражая ту или иную интенцию говорящего».

Идеей об уровнях смысла языкового знака «заражены» многие другие ученые (М.Я. Блох, А.Е. Кибрик, А. Мустайоки и др.), в работах представителей различных лингвистических направлений одни и те же, по сути, компоненты смысла получают самые различные обозначения, что, однако, не мешает распознать в них типичные, обязательно выраженные в каждом высказывании элементарные смыслы, к перечислению и моделированию²³ единства которых мы переходим в следующем

²³ Мы опираемся на большой опыт моделирование когнитивных процессов, связанных с осуществлением речевой деятельности, собранный в различных областях науки, прежде всего в психолингвистике, когнитивной лингвистике [см. обзор моделей порождения речи в: Кубрякова 1991]. При этом мы подчеркиваем важность прагматических компонентов в механизме смыслопорождения: выступая в виде прагматического оператора, они определяют выполнение речевым актом коммуникативного задания, а также координируют взаимодействие всех компонентов внутренних механизмов речи.

изложении. По нашему мнению, речь должна идти о построении динамической модели с подвижными компонентами, меняющими свое положение и, следовательно, значимость в ней в зависимости от прагматической ситуации²⁴. При попытке построения этой модели мы вступаем в сферу, имеющую много неизвестных углов и глубин, неисследованных путей и перепутий. Вероятно, именно поэтому понятие «конституирование смысла»²⁵ высказывания, охватывая область вопросов применения языка, которые интересуют многих ученых, пока не является термином, ведь мы все еще имеем дело с некой *terra incognita*, границы которой не определены. Но именно потому, что нет застывшей терминологии, есть возможности для развития новых точек зрения на феномены и вопросы, решение которых не всегда возможно в рамках понятий лексикологии, прагматики, семантики со всеми присущими им ограничениями. Вопросы конституирования смысла касаются явлений, которые имеют отношение к референции отдельных выражений, к речевым актам и созданию текстовой когерентности, к импликациям и социальным отношениям коммуникативных партнеров. Рассмотрение этих вопросов не останавливается у границ лингвистики, а требует вклада психологии, социологии, философии и антропологии.

Термин «конституирование» был введен И. Кантом в его «Критике чистого разума». Для И. Канта категории чистого разума являются условиями возможности конституирования объективности опыта вообще. Конституирование понимается И. Кантом как деятельность (созидание, строительство), которая основывается на возможностях субъекта. Если мы заменим объективность смыслом, то мы можем в Кантовом смысле утверждать: под конституированием смысла понимается определенная

²⁴ Идея построения динамической модели смысла перекликается с высказанным в разных публикациях предложением О. Дюкро построить «теоретическую машину» для семантического описания некоторого языка, способную устанавливать соответствие между каждым актом высказывания, то есть любым использованием некоторого предложения/высказывания в некоторой ситуации, и смыслом, который говорящие субъекты приписывают ему в действительности. О проблеме динамичности процесса конституирования смысла задумывались представители французской школы анализа дискурса, которые утверждают, что «Смысл не задан *a priori*, он создается на каждом этапе описания; он никогда не бывает структурно завершен. Смысл берет свое начало в языке и архиве; он одновременно ограничен и открыт» [Гийому, Мальдидье, 1999: 133].

²⁵ Понятия моделирования и конституировании употребляются нами несинонимично: если под конституированием смысла мы понимаем процесс создания, собственно составления смысла высказывания из разного рода компонентов в акте коммуникации (синонимом ему является принятый в отечественной психолингвистике термин «смыслорождение»), то моделирование является процессом построения модели результата конституирования – смысла готового, произнесенного в определенном контексте и определенной прагматической ситуации высказывания.

перспектива, которая характеризуется следующими рамочными координатами:

– смысл не задан заранее языковой системой, он составляется²⁶ из ее элементов;

– смысл не просто вызывается из ментального лексикона, он конституируется в соответствии с актуальным языковым и внеязыковым контекстом;

– конституирование смысла – это процесс, поэтому интересны процедуры и ресурсы, на основе которых строится смысл.

Важным моментом в теории конституирования смысла является, кроме того, обязательность концептуального описания и объяснения того, как выражения в коммуникативной практике интерпретируются ее участниками, потому что по ту сторону интерпретации субъектом речь о смысле языковых знаков вряд ли возможна.

Таким образом, опираясь на общепризнанное и не подлежащее оспариванию представление о многомерности смысла языкового знака, мы постулируем, что сущность процесса конституирования смысла состоит в способности как любого компонента высказывания, так и всего высказывания в целом к непрерывному изменению и развертыванию смысла. В ходе этого процесса каждый элемент обнаруживает в себе новые перспективы и смысловые слои, возникающие лишь в условиях соположения и сплавления с другими элементами. В результате создается некий универсум смыслов, многомерное пространство, где каждый возможный единичный смысл – это одно измерение этого универсума.

Взяв эту идею за отправную точку, мы предприняли попытку ее развития в приложении к конкретным высказываниям. В качестве объекта исследования были избраны экспрессивные²⁷ речевые акты и реализующие их высказывания, примерами которых будут в дальнейшем

²⁶ А.С. Кравец, фиксируя антиномическую природу структуры смысла («смысл высказывания через слова, смысл слова через высказывание») утверждает, что за основу модели построения смысла нельзя брать устоявшиеся стереотипы образов, вроде деталей, из которых собирается какой-либо механизм, поскольку, по его мнению, модели такого типа основаны на идее составности «целого» из «частей», которые должны существовать отдельно, предшествовать целому. В противовес предлагается топологическая модель смысла, в которой «целое» и «части» непрерывно переходят друг в друга [Кравец 2001: 80]. Признавая правоту автора, мы остаемся, однако, в рамках общепринятых ассоциаций (конституирование, многослойность), имея при этом, разумеется, в виду, что элементы единого смысла не существуют в готовом виде, как элементы языка.

²⁷ Термин «экспрессивный» обозначает определенное иллокутивное намерение и перлокутивный эффект, а не выразительность речи, проявление субъективного фактора в языке. Экспрессивность как свойство высказываний не равнозначна экспрессивному иллокутивному типу.

иллюстрироваться положения работы. В результате анализа семантической структуры большого количества экспрессивов был выявлен упорядоченный некоторым образом набор специфически структурированных компонентов. Назовем их в простой и схематичной последовательности, отвлекаясь пока от их подробной характеристики и размышлений об упорядоченности и взаимодействия компонентов²⁸:

- пропозициональный смысл – элементарный смысл высказывания, его своеобразный фундамент, он формулирует определенное положение дел в возможном мире;

- интенциональный смысл, вернее, сложный интенциональный комплекс, естественно дополняющий пропозициональное содержание, поскольку каждый речевой акт произносится говорящим с определенным намерением воздействовать на слушателя в желательном направлении;

- так называемое психическое состояние, эмотивный смысл – следующий обязательный компонент, который надстраивается на базис, фундамент целостного смысла высказывания – единство пропозиции и интенции – диаду смыслов, всегда выступающих вместе²⁹. Этот компонент, в свою очередь, имеет сложносоставный характер и делится на оценочную, эмоциональную и реляционную составляющие:

- оценочный смысл присутствует как компонент смысла высказывания всегда, но имеет особенности выражения в разных типах речевых актов;

- эмоциональный смысл, как правило, сопровождающий выражение оценки, особенно индивидуальной. Отправители и получатели экспрессивных высказываний, выступая, по выражению О. Дюкро, в качестве «персонажей иллюкутивной игры», оказываются носителями эмоций, возникающих, если оценка касается их интересов. Чем сильнее эти интересы затронуты, тем более действенна оценка и тем больше речевой акт влияет на эмоциональное состояние адресата;

²⁸ О взаимодействии компонентов смысла правильнее будет говорить в процессе рассмотрения конкретных типов экспрессивов, то есть в исследовательской главе, поскольку на «место» того или иного смысла в единых рамках влияют самые различные обстоятельства. Это делает предварительное определение иерархии смыслов нецелесообразным.

²⁹ Ср. высказывание И.П. Сусова: «Предложение как сложный знак является всегда носителем, с одной стороны, денотативных и сигнификативно-референтных, а с другой стороны, сигнификативно-модифицирующих значений. Значения первого плана как раз и образуют фундамент семантической структуры предложения, в то время как значения второго плана образуют надстройку над этим фундаментом» [Сусов 1973: 10].

○ реляционный (субъективный) смысл, не-нейтральное отношение говорящего к адресату – еще один компонент эмотивного смысла, который необходимо присутствует в любом экспрессивном высказывании. Отношение говорящего представляет собой неявное в смысле – неманифестируемый, скрытый компонент смысла, о котором слушающий может делать лишь некоторые предположения, исходя из стереотипных установок о том, что чувствуют или как ведут себя люди в определенных обстоятельствах.

Эти три аспекта, в своей совокупности и взаимодействии создающие собственно специфику экспрессивных речевых актов – выражение психических состояний участников общения как итог взаимодействия субъективно ориентированных функций языка [Телия 1991: 31].

Пропозиционально-интенциональный и эмотивный блоки целостного смысла «прослаивают» модальный смысл, который, с одной стороны, модифицирует логическое содержание высказывания (объективная и ситуативная модальности), с другой стороны, является частью «надстроечной» части модели смысла (субъективная модальность);

- окказиональные смыслы, обусловленные специфической ситуацией общения во взаимодействии с отдельными элементами высказывания;

Все названные компоненты целостного смысла обрамляет прагматическая компетенция, определяющая выбор языковых форм, соответствующих ситуации общения. Она характеризуется осведомленностью говорящего о положении дел в целом – об участниках и их ролях в обозначаемом событии, о презумптивных сведениях слушающего, о его социально-ролевом статусе и т.д. Отсутствие у говорящего прагматической компетенции приводит к прагматическим неудачам: неправильная оценка ситуации ведет к неверной стратегии речевого акта, что может вызвать неадекватную реакцию в виде возникновения (или усугубления) конфликта.

Таков состав компонентов смысла высказывания в схематическом его отображении. Теперь рассмотрим каждый из них подробнее для создания более полного представления о создаваемом в результате их взаимодействия целостном смысле высказывания.

2.2. Пропозициональный смысл.

К проблемам пропозиционального анализа в лингвистических исследованиях обращались многие исследователи, которые определяли пропозицию, анализировали ее значимость, функции, особенности [Арутюнова 2003; Кубрякова 1986; Норман 1988; Панкрац 1992; Лисоченко 1992 и др.]. Последующее рассуждение является кратким изложением сути этого элементарного компонента смысла, вытекающим из обобщения вышеуказанных работ.

Уже говорилось о том, что высказывание характеризуется автономной семантикой, целостностью, завершенностью смысла, которая недоступна отдельному слову. Но поскольку высказывание (предложение) может иметь различную форму, модальную рамку, то в анализе смысла важно было найти такую минимальную семантическую единицу, которая сохраняла бы единство его многообразия, была бы типичной для всевозможных смыслов. «Нужда в пропозиции, – как отмечал У. Куайн, – ощущалась столь остро потому, что речь шла о некоторой ключевой категории, по отношению к которой осмыслялись другие логические понятия» [Quine 1996: 206]. Такой единицей и явилась пропозиция (*proposition* (лат) .– суждение).

Семантическая схема пропозиции элементарно проста: сообщая нечто о предмете мысли, пропозиция связывает логический субъект суждения и его предикат: Субъект высказывания только намечает тему мыслительного акта (референция), смысл сообщаемого, т.е. то, что мы, собственно, хотим сказать о субъекте, разворачивается в предикации. Соединение предиката с субъектом образует законченную мысль, т.е. предложение.

Пропозицию можно назвать логическим «скелетом» предложения. Любое возможное предложение выглядит как модификация основной пропозиции, для выявления которой необходимо найти смысловой инвариант, прототип, который безразличен к его вербальной реализации в конкретном предложении. Например, выражения:

- (1) *Klaus schreibt einen Brief.*
- (2) *Schreibt Klaus einen Brief?*
- (3) *Klaus, schreib einen Brief!*
- (4) *Möge Klaus doch einen Brief schreiben!*
- (5) *Ich verspreche, Klaus wird einen Brief schreiben,*

отличающиеся друг от друга коммуникативным намерением (они выражают утверждение, запрос информации, побуждение к действию, желание или надежду, обещание), содержат одну и ту же смысловую пропозицию (*Klaus schreibt einen Brief*), которая реферирует к Клаусу и предиктирует, что он пишет или будет писать письмо. Примеры показывают, что пропозиция позволяет пренебречь вариативностью выражения и за множеством лингвистических форм обнаруживает их смысловую инвариантность. Если, например, перефразировать приведенные высказывания и эксплицитно сформулировать их иллокутивную составляющую, то придаточная часть каждого из них и будет содержать пропозициональное содержание:

(1) *Dies drückt eine Behauptung aus, dass Klaus einen Brief schreibt.*

(2) *Dies drückt eine Frage aus, ob Klaus einen Brief schreibt.*

(3) *Dies drückt einen Befehl aus, dass Klaus einen Brief schreibt.*

(4) *Dies drückt einen Wunsch (oder eine Hoffnung) aus, dass Klaus einen Brief schreibt.*

(5) *Dies drückt ein Versprechen aus, dass Klaus einen Brief schreiben wird.*

Важно отметить, что пропозиция должна быть инвариантна не только по отношению к намерению говорящего и к его реализации, но и к любой сопутствующей форме модальности: утверждению, проблематичности, вероятности высказывания. «К пропозиции относится то содержание мысли, которое может быть подвергнуто утверждению, отрицанию, предположению, сомнению и т.д.» [Lewis 1996: 49]. Другими словами, пропозиция составляет содержание высказывания (диктум), которому в коммуникативном акте может быть придана любая модальная форма.

2.3. Интенциональный смысл

Поскольку всякий речевой акт производится говорящим с определенным намерением³⁰ воздействовать на адресата в желательном направлении, то существенной частью смысла высказывания, дополняющей его пропозициональное содержание, является более или менее сложный интенциональный комплекс, включающий в себя

³⁰ Как уже говорилось выше, в настоящей работе понятие интенции рассматривается упрощенно как коммуникативное намерение говорящего, которое он выражает, имея для этого определенный повод и используя характерным образом единицы и правила известной обоим партнерам языковой системы.

информацию обо всех интенциональных состояниях сознания говорящего, прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно закодированных в языковой структуре. Этот комплекс мы и имеем в виду, когда говорим об интенциональном компоненте смысла высказывания.

Интенциональная комплексность высказывания обуславливает целесообразность отказа от моно-интенциональной интерпретации речевого акта и необходимости учета первичной (доминирующей) и вторичных интенций или основного и дополнительного коммуникативных намерений, так называемого «иллокутивного потенциала» высказывания, зачастую чрезвычайно широкого³¹. Поэтому если говорящий в конкретной ситуации хочет выразить не все возможные в рамках данного высказывания коммуникативные намерения, а только одно из них (или несколько, но не все), то главным средством для нейтрализации потенциальной иллокутивной многозначности является учет контекста. К. Бюлер сравнивал инференциальную деятельность слушающего с работой детектива, подобно которому он (адресат) должен выяснить из обстоятельств общения, что имел в виду говорящий [Bühler 1965: 63]. Например, в зависимости от контекста императив *Mach schneller!* может быть распоряжением (в педагогическом контексте) или просьбой (при общении друзей). Высказывание учителя *Das hast du gut gemacht!* интерпретируется как похвала, если оно адресовано ученику, решившему трудную задачу, и как ироничное порицание, если адресат-ученик, вертясь и безобразничая на уроке, упал со стула.

Полиинтенциональность высказывания имеет разную природу. С одной стороны, поскольку речевое действие рассматривается в рамках диалогического единства, то оно может касаться как уже произошедших, так и предстоящих событий, реализовать ретроспективные и проспективные интенции. Например, похвала, положительно оценивая совершенное адресатом действие (ретроспективная интенция), одновременно ободряет его, побуждает к достижению новых успехов (проспективные интенции). С другой стороны, интенции говорящего могут

³¹ Следует сделать следующую оговорку: неверно предполагать, как это делает Т.Т. Бальмер при бесконтекстном анализе фразы *Das Telefon läutet*, что говорящий одновременно, с большей или меньшей степенью интенсивности, осуществляет все возможные речевые акты: «... каждый речевой акт является одновременно экспрессивом, директивом, комиссивом, декларативом и репрезентативом» [Ballmer 1979: 262]. Если бы эта точка зрения была верной, то это означало бы, что никто никогда не может выразиться определенно, и адресат высказывания всегда должен был бы переспросить, что имеет в виду говорящий. Однако переспросы о коммуникативном намерении в повседневном общении являются скорее исключением, чем правилом.

реализовывать коммуникативное намерение, имеющее значение в момент речи, «здесь и сейчас», или нацеленное на несколько шагов вперед, касающееся коммуникативной стратегии в целом. Такая особенность позволяет говорить об интенциях речевого акта и об интенциях речевой стратегии. Очевидным примером реализации таких интенций «разной протяженности» является речевой акт комплимента, посредством которого говорящий оценивает актуальное в момент речи качество слушающего и одновременно реализует намерение «впрок» установить желательную атмосферу коммуникации, указать на свое положительное отношение к адресату с тем, чтобы иметь при необходимости возможность обратиться к нему, например, с просьбой.

Иногда случается так, что при участии в разговоре более двух участников один речевой акт обращен одновременно к нескольким из них и реализует разные интенции. Д. Вундерлих иллюстрирует явление такой полиинтенциональности примером ссоры двух мальчиков, в которую вмешивается третий со словами *Ich werde dich gegen Peter beschützen* [Wunderlich 1972: 37]. Автор считает, что в этом случае одновременно реализуются две интенции – угроза (предупреждение), адресованная одному из участников ссоры, и обещание, направленное второму.

Учитывая сказанное, мы можем утверждать, что подобное функционирование речевых актов демонстрирует комплекс интенций, систему взаимосвязанных компонентов, где на ведущую (первичную) интенцию накладываются прочие, служащие для наиболее полного представления ситуации, придания высказыванию оригинальности и искренности и оказания соответствующего воздействия на слушающего. В результате такого взаимодействия рождается «сплав», пересечение интенций с выделением интенциональной доминанты. [Трипольская 1999: 74].

Нельзя забывать и о категории косвенных высказываний, в которых основная интенция выводится путем некоторых умозаключений, она накладывается на другую, буквально выраженную. Значит, в косвенных высказываниях интенциональная иерархия усложняется: буквальный смысл переплетается с подразумеваемым, рождаются нюансы скрытого смысла.

2.4. Эмоциональный смысл

Человек есть психосоциальное существо, он движим эмоциями и в повседневной жизни он «... не столько рассуждает, сколько чувствует, и не столько объясняет, сколько оценивает. Собственно когнитивные процессы, свободные от эмоциональных компонентов, занимают в обыденной жизни скромное место. По-видимому, в реальных процессах деятельности и во вплетенных в нее механизмах межличностного восприятия и самовосприятия «холодные» попытки объяснения и понимания имеют меньшее значение, чем «горячие» акты оценок и переживаний. Когда же процессы когнитивного анализа и имеют место, то находятся под сильным и непрерывным влиянием эмоциональных факторов, вносящих свой вклад в их ход и результат» [Эткинд 1981: 107]. Эмоции мотивируют и окрашивают результаты деятельности человека, речевой в том числе, а язык, «упаковывая» эти результаты в свои формы, «упаковывает» и эмоциональный отпечаток, национально специфичный³², оригинальный, неповторимый. Этим фактом эмоциональной «всепронизанности»³³ оправдывается повышенный интерес к эмоциональной сфере человека со стороны лингвистов – предпринимается немало попыток систематизированного описания единиц языка, выражающих эмоции³⁴.

Четкое научное дефинирование феномена эмоций осложняется его противоречивостью. Мы, вслед за В.И. Шаховским, считаем целесообразным «более или менее наивное понимание эмоций как специфической формы человеческого отношения к миру и к себе в этом мире, а также его языкового отражения в лексиконе и речевой деятельности человека» [Шаховский 1996: 29]. Выражение эмоций связано, прежде всего, с экспрессивной функцией языка: они располагаются в сфере эмоционального самовыражения говорящего, обнажения его эмоционального состояния и эмоционального отношения. При этом эмоциональный смысл двунаправлен: вовнутрь (самовыражение говорящего) и в окружающий мир (его эмоциональная оценка). Набор

³² В.И. Шаховский пишет о том, что каждый народ в соответствии со своим духом (по Вайсгерберу и Гумбольдту) на один и тот же реальный мир «набрасывает» свою собственную сетку эмоциональных координат (индексов, дейксисов) [Шаховский 2002: 5].

³³ Мнение о всеприсущности эмоций позволило В.И. Шаховскому ввести понятие «эмоциональная языковая личность» [Шаховский 1997: 8]. По мнению автора, человек в каждый момент своей речевой деятельности выступает одновременно в четырех ипостасях: как личность языковая, речевая, коммуникативная и эмоциональная.

³⁴ См., например: [Бабенко 1989; Шаховский 1987; Фомина 1996], а также обзоры: [Мягкова 1990].

выражаемых чувств предельно ограничен исходными базовыми эмоциями, варьируемыми в полюсах одобрения/ неодобрения.

Об аффективности любого речевого акта говорил Ш. Балли, утверждая, что невозможно обратиться к человеку, не вложив в это обращение минимум эмоциональности, хотя бы в самой манере произносить его имя. Утверждение или отрицание никогда не выражаются абсолютно объективно; значит, любое «да» или «нет» становится эмоциональным в той мере, в какой для говорящего важно утверждение или отрицание чего бы то ни было [Балли 2003: 33]. О том, что общение происходит «в среде, наполненной человеческими эмоциями и страстями» и о том, что содержание высказывания необходимо включает эмоциональный пласт, писали Г.В. Колшанский [Колшанский 1975: 140 и далее], В.Г. Гак [Гак 1977: 95], а также многие авторы хронологически более ранних и современных работ³⁵. Действительно, общение, происходящее в наполненной эмоциями среде, делает любое высказывание не-нейтральным, «страсти души» определяют выбор языковых средств для реализации эмоционально-окрашенной интенции говорящего.

2.5. Оценочный смысл

Г.В. Колшанский писал в свое время о том, что познавательный акт как некоторый фрагмент мыслительной деятельности человека уже по своей природе содержит оценочный момент, который и есть произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания (восприятие, понимание, обобщение, заключение и т.д.), т.е. «оценка» в самом широком понимании. «Оценка содержится, таким образом, повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [Колшанский 1975: 142]. Действительно, осваивая мир, человек выражает свое отношение к окружающей действительности (субъектам, предметам, качествам, действиям) и в его сознании актуализируется их ценность, в результате чего предмет мыслей получает ту или иную оценку в зависимости от отношения к нему индивида. При этом понятие ценности касается не только положительной или отрицательной, но и нулевой значимости,

³⁵ Эта мысль подчеркивается в работах И.П. Сусова [Сусов 1973], Л.А. Киселевой [Киселева 1971], Н.А. Лукьяновой [Лукьянова 1986], В.И. Шаховского [Шаховский 1987] В.Н. Телии [Телия 1991] и др.

поскольку исключение предмета из сферы интересов говорящего тоже имеет ценностное отношение [см. об этом: Ивин 1970].

Оценку можно определить как выражение значимости предметов и явлений окружающего мира для жизни и деятельности говорящего субъекта. Е.М. Вольф называет выражение оценки модальной рамкой, накладываемой на высказывание и не совпадающей с его пропозициональным содержанием [Вольф 2006: 11-12]. При актуализации оценки ситуативный контекст «окружает» ее множеством факультативных элементов (выражение мнения, мотива оценки, ее интенсификация/деинтенсификация и др.), «расцветивающих» ее различными нюансами, рождающих новые грани оценочного смысла. Однако наиболее важными³⁶ остаются в любом случае обязательные конститuentы оценки (субъект, объект, основание и характер оценки), определяющие категорию объективного и субъективного в оценке, разделение оценки на общую и частную, рациональную и эмоциональную.

Субъективная оценка определяется как положительное или отрицательное отношение говорящего к ее объекту, а объективная оценка – как компонент, ориентированный на собственные свойства предметов или явлений – основания оценки. Общая оценка связана с категорией «хорошо/плохо», частная оценка субъективно уточняет отдельные аспекты этой категории, являясь альтернативой общей, объективной оценке³⁷. Оценка может сочетать в себе оба – объективный и субъективный – факторы: в случае, если субъективное отношение говорящего к оцениваемому объекту (нравится/не нравится) совпадает с объективной квалификацией последнего. Примером, демонстрирующим это положение, может служить высказывание *Die Suppe ist kalt*, в котором объективное состояние оцениваемого предмета (*kalt*) сочетается с косвенной

³⁶ Наиболее полная характеристика семантики, структуры и особенностей функционирования оценки дана в фундаментальных и потому наиболее часто цитируемых работах Е.М. Вольф и Н.Д. Арутюновой [Вольф 2006; Арутюнова 1999]. Среди категорий, рассматриваемых в данных работах, как основополагающие рассматриваются объективный и субъективный факторы в оценке, общая и частная, рациональная и эмоциональная оценки, аффективность и интенсификация оценки

³⁷ Общая оценка классифицируется исследователями по видам объектов и семантике сочетаний со словом хороший, Х. фон Вригт [Wright 1963] выделял, например шесть типов оценки или «форм добра»: (инструментальная оценка, техническая оценка или оценка мастерства, медицинская оценка, относящаяся к телесным органам, утилитарная оценка, предполагающая полезность оцениваемого объекта, гедонистическая оценка, этическая оценка) (см. также [Вольф 2006: 27; Арутюнова 1999: 189]). Категория частной оценки ситуативна и часто индивидуальна, а потому исключительно многообразна. Это обстоятельство не мешает исследователям предпринимать попытки типологизации частной оценки. Наиболее известна основательная таксономия частнооценочных значений Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999: 200].

субъективной оценкой, выносимой на основе индивидуальной системы ценностей: *Kalte Suppe schmeckt nicht*.

Приведенный пример является, кроме того, иллюстрацией сочетания дескрипции и оценки: с одной стороны, вне контекста прилагательное *kalt* является дескриптивным и при изолированном употреблении высказывания *Die Suppe ist kalt* оценка в нем не манифестируется языковыми средствами. Однако с другой стороны, существует обусловленное конвенциями представление о свойстве, которым должен обладать оцениваемый объект – суп должен быть горячим. При несоответствии объекта норме он квалифицируется отрицательно. Очевидно, четкая однозначная дифференциация дескриптивного и оценочного элементов в значении языковых единиц возможна не всегда, в случае с прилагательным *kalt* речь идет о представителе категории частнооценочных прилагательных, сочетающих оценочный смысл с дескриптивным. Более «прозрачным» примером частной оценки является высказывание *Die Suppe ist versalzen*, в котором прилагательное *versalzen* называет объективную вкусовую особенность объекта речи, но одновременно имплицитно подразумевает, что эта особенность не соответствует норме: *Die Suppe ist salziger, als sie sein dürfte*. Исходя из сказанного, можно констатировать, что оценочный смысл присутствует не только в собственно оценочных высказываниях с четко выраженным оценочным предикатом, но и в высказываниях «внешне» дескриптивных, но описывающих положение вещей, расцениваемое в наивной картине мира говорящих как хорошее или плохое.

С субъективностью/объективностью оценки логично связан вопрос о ее верифицируемости: считается, что оценка выполняет только функцию выражения, не являясь ни истинной, ни ложной. Однако, поскольку оценка является частью концептуальной системы носителя языка и опирается на принятую в данном культурно-языковом сообществе ценностную шкалу, то оценка всегда имеет общие основания (*Rauchen ist eine schlechte Gewohnheit, denn Rauchen schadet der Gesundheit*). С другой стороны, каждый говорящий, личность с уникальным жизненным опытом, имеет собственную неповторимую систему мнений и ценностей, свой «возможный мир», не обязательно совпадающий с «возможным миром» партнера [Вольф 2006: 37]. Взаимосвязь между личностью и обществом все время колеблется то в сторону здравого смысла и морали, то в сторону

личности и ее интересов. Следовательно, можно утверждать, что оценка имеет относительный характер и зависит от субъективного восприятия действительности говорящим, значит, высказывания оценки можно рассматривать как истинные относительно концептуальных миров их субъектов³⁸.

Действующие в обществе этические принципы наделяют выражение оценки императивным смыслом [Wright 1963; Вольф 1978; Серль 1986а; Масленникова 1999]: отрицательная оценка имплицитно побуждает адресата исправить положение дел, положительная – не опускать уровень достигнутого, и далее «держат планку». При этом модально-оценочная рамка, мотивирующая прескрипцию, как правило, взаимодействует с постулатами вежливости: высказывание *Musst du wirklich schon gehen?* является не запросом информации о намерениях адресата, оно имплицитно оценивает и прескриптивную модальность (*Ich schätze die Tatsache, dass du gehen willst, negativ ein und bitte dich, noch eine Weile zu bleiben*). Использование косвенного способа выражения оценки и побудительной интенции говорящий избегает этически неприемлемых в ситуации дружеского общения прямых императивов, сохраняет лицо собеседника.

* * *

Выражение оценки и выражение эмоций рассматриваются исследователями, как правило, в совокупности, без отрыва друг от друга [см. исследования Трипольской 1999; Телия 1986³⁹; Графовой 1987; Вольф 2006]. Н.А. Лукьянова утверждает, что оценочность и эмоциональность не составляют разных компонентов значения, они едины, как неразрывны эмоции и оценки на внеязыковом уровне. Оценка как бы «впитывает» в себя соответствующую эмоцию, а параметры оценки и эмоции совпадают: «приятное» – «хорошо», «неприятное» – «плохо». При этом оценка как бы

³⁸ Г. Харрас называет мнение о субъективной верифицируемости оценочных суждений радикальным, считая, что тогда теоретически возможны такие странные высказывания как *Es ist schlecht, im Uhrzeigersinn um einen Baum zu rennen* или *Es ist schlecht, Igel im Mondschein zu betrachten*. Если эти суждения истинны относительно концептуального мира оценивающего субъекта, то, вероятно, для их правильного восприятия и интерпретации партнером как руководства к действию (суждения с предикатами «хорошо/плохо» являются своего рода прескрипциями) необходимо, по крайней мере, их обоснование [Harras 2006: 104].

³⁹ В одной из более поздних работ В.Н. Телия утверждает, что «оценка не обязательно сопровождается эмоциональной окраской», однако смысловая структура, которая способна выражать чувство-отношение говорящего к обозначаемой действительности, по мнению В.Н. Телия, обязательно включает «кортеж», состоящий из оценки, эмоционального компонента и мотива оценки. Этот «тройственный союз» и выделяет языковые выражения из их нейтрального восприятия [Телия 1991: 48-49].

скрыта в эмоции, свернута в почку, разворачивается той или иной степени в конкретных высказываниях [Лукьянова 1986: 45]. Много писавший о концепциях эмоций В.И. Шаховский даже выдвинул теорию, провозглашающую оценку прототипом эмоций: эмоция есть форма оценки субъектом объекта мира [Шаховский 1995: 8].

Из современных когнитивных исследований также следует, что между эмоциями и оценкой существует логическая связь. Вопрос заключается только в том, что первично: эмоции или оценка: одна группа исследователей считает, что эмоции логически зависят от оценки и поэтому вторичны по отношению к оценочным суждениям о положении вещей (см., например, [Calhoun, Solomon 1984: 16]); другие утверждают, эмоции сами по себе и есть оценки и вносят оценки в мир [Hudson 1980: 105ff]. Вопрос о том, что важнее в высказывании – оценка или эмоции – подобен известному вопросу о курице и яйце, не имеющему, по-видимому, решения. Конечно, принципиальное отличие эмоционального и оценочного компонентов друг от друга неоспоримо: оценка оперирует критерием объективной или субъективной нормы, «выносит приговор об аномалии» [Арутюнова 1988: 290-314], а эмоциональный компонент определяет категорию чувств-отношений к этому аномальному факту действительности (радость, восторг, презрение, пренебрежение и т.д.). Но в «живом» общении оценка часто настолько «спаяна» с выражением эмоций, что имеет смысл говорить о категории эмоциональной оценки – элементе, направленном на создание у слушателя эмоционального резонанса⁴⁰. Эмоциональный и оценочный компоненты бывают представлены в высказывании разной степени. Они не обязательно равнозначны и равноправны, они могут отличаться распределением функциональной нагрузки, их взаимодействие может ограничиваться только пересечением или являться полным наслаиванием друг на друга.

Рассматриваемая на абстрактном уровне эмоциональная оценка представляет собой семантический инвариант, который в живом общении выступает в двух антонимических вариантах: положительная эмоциональная оценка (и ее модификации: восхищение, ласковое

⁴⁰ Ч. Филлмор [Филлмор 1983] определяет эмотивность как когнитивную структуру, которая в сознании языковой личности связывается с конкретной ситуацией эмоционального оценивания. При таком понимании можно сделать вывод, что языковая личность знает, как она «должна» реагировать в том или ином случае, какого эмоционального отклика она может ожидать от собеседника. Как когнитивная структура эмотивность может быть описана, смоделирована, прогнозирована и воспроизведена [Сандомирская 1991: 114].

отношение и др.) и отрицательная эмоциональная оценка (и ее модификации: насмешка, пренебрежение, презрение и др.). Как положительная, так и отрицательная эмоциональные оценки влияют на формирование у партнеров установки на новый тип поведения, создание определенного эмоционального настроения: положительная оценка мотивирует закрепление и повтор оцененного действия, отрицательная – преодоление проблемной ситуации. При этом, несмотря на генетическую первичность положительных оценок по отношению к отрицательным, они диалектически сопряжены, образуя смысловую и движущую составляющую человеческой активности.

2.6. Реляционный смысл

Обосновывая наличие этого «слоя» в смысловом единстве высказывания, мы вновь обращаемся к мнению Ш. Балли, отводившего категории субъективности важную роль в своей лингвистической концепции. Он утверждает, что в общении партнеры не могут забыть об особых (дружеских, семейных, неравноправных или официальных) отношениях между ними. Они представляют себе возраст, пол, общественное положение партнера, среду, к которой он принадлежит, все эти соображения могут повлиять на выбор выражений и заставить участников общения избегать всего, что может прозвучать фальшиво, задеть, огорчить собеседника [Балли 2003: 35].

Действительно, речевой акт всегда включает аспект, который невозможно эксплицировать, только передавая слова говорящего или то, что он имел в виду. На этот аспект обратили внимание в своей известной работе еще П. Вацлавик, Дж. Бивен и Д. Джексон, которые называли его уровнем отношений [Watzlawick, Beaven, Jackson 1969]. Очевиден факт, что при общении с различными партнерами мы (сознательно или бессознательно) пользуемся неодинаковыми языковыми средствами не только для того, чтобы выразить некоторое суждение, но и для того, чтобы дать партнеру понять, как мы относимся к предмету разговора, ситуации или к самому партнеру. Р. Келлер называет действие, которое состоит в выражении отношения, коллокуцией [Keller 1977: 7] и придает ему статус самостоятельного действия, связанного с иллокутивным актом, но не являющегося его частью. Он считает, что коллокутивный акт, несмотря на обозначающий его термин, не играет принципиально подчиненную и

менее важную роль, чем совершаемый одновременно с ним иллокутивный акт. В некоторых случаях аспект отношений даже доминирует, например, при флирте, любовном шепоте или ссоре интенция всегда подчинена коллокации, являясь лишь средством выражения отношения. На наш взгляд, произнося любой речевой акт, говорящий руководствуется наличием или отсутствием почтения, уважения к адресату, теплым, интимным отношением к нему, либо полным или частичным его неприятием: говорящий показывает партнерам, какую позицию по отношению к ним он занимает и как он намерен с ними общаться. Можно в какой-то мере идентифицировать реляционный компонент смысла с уважением – оценочной категорией, которая варьирует от максимального уважения, поклонения, до нулевой отметки (отсутствия уважения) и далее – до неуважения, презрения. Крайние точки на этой шкале отношения нагружены дополнительными эмоциональными значениями как любовь и ненависть, страх и насмешка [Карасик 2002: 71].

Реляционный смысл как составная часть эмоционально-оценочной «грани» единого смысла высказывания, будучи как осознанным, так и неосознаваемым, но всегда неотделимым от порождающей его системы отношений человека к миру, «проступает на поверхность» различных речевых действий и создает их неповторимую субъективную окраску. Именно реляционный смысл косвенным путем определяет особенности репрезентации содержания высказывания, поскольку именно он стремится в максимальной степени (насколько позволяют требования адекватности) соответствовать актуальной направленности смысловых установок.

2.7. Окказиональные смыслы

Говоря о многомерности смысла, нельзя забывать и такой его аспект, как ситуативный, окказиональный смысл, создаваемый отдельными элементами высказывания, присоединяющими в дискурсе уникальные смысловые компоненты, отсутствующие у этих элементов в изолированном виде. Высказывание *Heute sehen Sie sehr gepflegt aus*, задуманное как комплимент, в определенной ситуации общения может быть воспринято адресатом как порицание или, более того, как оскорбление. Использование менее стереотипных форм высказывания при соболезновании чревато опасностью оскорбить чувства адресата. Например, соболезнование *Ich bin erschüttert, dass Ihr Sohn in so jungen Jahren sterben musste* может быть воспринято адресатом

не как сочувствие по поводу самого факта смерти, а по поводу возраста умершего. Перлокутивным эффектом в таком случае будет не утешение, а раздражение или даже обида.

* * *

Таков состав макрокомпонентов смысла высказывания в схематическом его отображении. Следует заметить, что они вступают в смысловые отношения друг с другом только в рамках высказывания, вне его и без связи друг с другом они теряются, превращаются в нечто виртуально существующее, но не имеющее реального применения. Только в высказывании элементы смысла фузионируют, рождая во взаимодействии смысловые ассоциации, которых каждый из них не имел вне и до этого процесса.

В онтологии названный набор компонентов смысла имеет не линейную, а пространственно-многомерную структуру. Вопрос, который логичен при таком рассмотрении, касается расположения смысловых компонентов в рамках единого смысла высказывания. Мы предполагаем, что различные речевые акты показывают разный удельный вес отдельных элементов. Значит, универсальная многослойная модель смысла необходимо будет трансформироваться, выдвигая на передний план тот или иной компонент в зависимости от прагматических условий и коммуникативных намерений. Правильность этого предположения будет проверена при анализе экспрессивов в исследовательских главах.

Теперь вопрос о том, как эксплицируется смысл высказывания, коль скоро он нетождественен языковому предложению и имеет такой многообразный набор элементов. Для этой цели язык развил определенную систему средств, которые мы называем операторами порождения и модификации смысла и к рассмотрению которых переходим в следующем разделе.

ГЛАВА 3. Операторы порождения и модификации смысла

На языковые элементы, выводящие смысл высказывания во внешний план, уже давно обратили внимание лингвисты. Еще в 1957 году Р.О. Якобсон писал о «шифтерах», обеспечивающих адаптацию пропозиционального содержания предложения к речевой ситуации его использования [Jakobson 1957]. Г. Кирхнер и вслед за ним Д. Болинджер описывают «слова степени» – элементы, не обусловленные пропозициональной структурой предложения и модифицирующие его содержание [Kirchner 1955; Bolinger 1972]. Представители Женевской школы анализа дискурса Э. Руле и К. Рюбаттель дают описание различных типов маркеров, указывающих на действие и его иллокутивную ориентацию, представляют классификацию этих маркеров [Roulet 1980; Rubattel 1980], а Н. де Спренглер впервые на материале французского языка предлагает список интерактивных функций маркеров [Sprengler 1980]. Языковые средства, служащие для индикации нюансов порождаемого смысла высказывания, подвергаются осмыслению и получают терминологические обозначения и в рамках теории речевых актов, их называют «средствами индикации иллокутивной силы» [Wunderlich 1980; Bierwisch 1980; Motsch 1980], иллокутивными индикаторами [Liedtke 1998].

Отечественные лингвисты также не раз в той или иной связи обращались к изучению языковых средств, облегчающих адекватную интерпретацию слушающим речевых действий и намерений говорящего, обозначаемых ими как функциональные детерминаторы или маркеры (Н.А. Кобрина), дискурсивные лексические элементы, операторы (А.Е. Кибрик, Е.А. Богданова), речевые актуализаторы содержания (Т.А. Трипольская) смыслопорождающие операторы (А.А. Худяков). В настоящем исследовании мы исходим из роли этих элементов в процессе конституирования смысла (не только порождение, но и модификация «порожденного») и называем их **операторами порождения или модификации смысла**. Это элементы языковой системы, служащие экспликации или модификации того или иного компонента смысла высказывания, своего рода вербальные ключи, шифры, открывающие потайные двери смысла, «привязывающие» его к ситуации акта речи, они

управляют процессом коммуникации, выражая пресуппозиции, мнения партнеров.

При всем многообразии операторов-экспликаторов и -модификаторов смысла они принципиально обозримы, легко группируются и типизируются по разным основаниям, например, по признаку отнесенности к группе собственно лингвистических или паралингвистических⁴¹. В настоящем исследовании в качестве классификационного критерия принимается принцип функциональной доминантности оператора при формировании определенного смыслового слоя, его своеобразной специализированности на выполнении этой роли. Важным замечанием является при этом указание на факт, что все операторы действуют не в одиночку, а только в совокупности, их отнесение к той или иной группе факторов порождения смысла условно и является лишь приемом для решения поставленных в исследовании задач.

В соответствии с названным критерием операторы делятся на группы операторов порождения (модификации) пропозиционального, интенционального и эмотивного⁴² смыслов, к краткой характеристике которых мы обращаемся в дальнейшем изложении.

3.1. Операторы порождения пропозиционального смысла.

Пропозициональный смысл выражается семантической конструкцией, связывающей имена и предикаты, она создает фундамент элементарного смысла. Значит, первым и необходимым условием формирования этого смыслового слоя выступает семантическая значимость терминов пропозиции – исходных элементов высказывания: из бессмысленных терминов нельзя построить осмысленного высказывания, даже если связать их по правилам синтаксиса. В случае выполнения этого условия включаются три программы, задающие пропозициональный смысл: семантическое согласование, лексическая сочетаемость и синтаксическое управление. Семантическое согласование («семантическая конгруэнтность» по Ю.Д. Апресяну) связано с существованием различных семантических разрядов слов, со смысловым соответствием предикатов

⁴¹ К паралингвистическим средствам относятся, кроме жестов и мимики, фонационные (тембр речи, ее темп, громкость, мелодические явления [ЛЭС 1990: 367; см. также Потапова 1998]).

⁴² Операторы порождения эмоционального, оценочного и реляционного смыслов рассматриваются нами в совокупности (как маркеры триединого эмотивного смысла) в связи с их многофункциональностью, делающей невозможным и нецелесообразным их «разведение» в разные группы: средства выражения оценки всегда актуализируют эмоциональный компонент и свидетельствуют о ненейтральном отношении говорящего к адресату.

выбранным именам: предикатом *trocknen* можно охарактеризовать все, что мокро, *stehlen* – только чужую собственность, *zerbrechen* можно сказать только о стекле и т.п. В случае нарушения этой согласованности, особенно когда предикатная сема находится в контрарных отношениях с актуализирующей семой имени, возникает бессмыслица, как в известном примере Н. Хомского о яростно спящих бесцветных зеленых идеях (*Farbloße grüne Ideen schlafen wutentbrannt*). Такая несогласуемая предикация иногда характеризуется как «семантическая невменяемость» [Арутюнова 2003: 117].

Однако в языке возникают достаточно жесткие ограничения на сочетания слов, которые трудно назвать семантическими. Так, одно и то же действие будет выражаться различными лексемами в зависимости от сопряженного слова, обозначающего имя: *färben (Stoff)*, *schminken (Augen)*, *tönen (Haare)*. Варьироваться может также название одного и того же качества по отношению к разным денотатам: *blöde Kuh*, но *dumme Gans*, и не наоборот. В перечисленных, только некоторых из огромного количества, примерах мы имеем дело с лексической сочетаемостью, основанной на языковых конвенциях.

Таким образом, за семантической согласованностью просвечивает логика отношения вещей и их свойств, за лексической сочетаемостью стоят конвенциональные отношения лексем [Апресян 1974: 61-62].

Третья программа формирования пропозиционального смысла – синтаксическое управление – программирует построение синтаксической структуры высказывания, задавая согласование слов по числу, времени, роду, падежу и т.д., а также управляя порядком слов: один и тот же набор лексем, отличаясь лишь незначительно порядком их следования, может породить иногда различные смыслы (ср., например: *Ich habe eine Woche voll Freude erwartet. Eine Woche voll habe ich Freude erwartet*).

Важно заметить, что при развертывании пропозиционального смысла высказывания часто обнаруживается логическая необходимость различных дополнений смысла, указаний на обстоятельства протекающего события, расположение которых на определенных синтаксических позициях отражает уже семантические отношения, связанные с конкретизацией смысла и его полнотой [Уфимцева 1986: 184]. Речь идет о валентности глаголов, характеризующих события или процесс, – они требуют определенного восполнения смысла употреблением соответствующих

актантов. Заполнение синтаксических позиций соответствующими актантами в высказывании воссоздает целостную картину происходящего процесса или события.

Исходя из сказанного, можно констатировать, что три принципа-программы формирования пропозиционального смысла – семантическое согласование, лексическая сочетаемость и синтаксическое управление – обуславливают сложноконструктивный характер, многоуровневость здания элементарного смысла высказывания, обладающего тонкой связью смыслонесущих элементов. Нарушения хрупкой органики пропозиционального смысла наподобие сбоя наследственной программы организма ведут к появлению «смысловых мутантов».

3.2. Операторы порождения и модификации интенционального смысла

К языковым средствам, указывающим на интенцию говорящего (их часто называют иллокутивными индикаторами), мы относим в первую очередь перформативные глаголы и перформативные формулы, коммуникативные типы предложений, интонацию в устной речи (специальные пунктуационные средства в письменной речи), а также определенные стратегии говорящего при непрямом выражении коммуникативного намерения. Задача этих операторов заключается в формировании интенционального смысла высказывания и в указании адресату направления интерпретации этого смыслового компонента.

Перформативы. Главными операторами порождения интенционального смысла высказывания являются глаголы-матрицы, индицирующие тип речевого акта, – перформативные глаголы: *danken, loben, wünschen, gratulieren* и др.⁴³. Их перечень достаточно значителен, но «чистые» случаи употребления эксплицитных перформативов – нечастое явление в практике общения. Азбучной стала истина о том, что эксплицитная выраженность речевого действия используется говорящим

⁴³ Характеристиками перформативных глаголов являются их эквивалентность (равнозначность действию), автореферентность, социальная компетентность говорящего (наличие у него полномочий совершать это действие словом), искренность говорящего, неverifiedируемость, эквitemпоральность, определенная лексическая и грамматическая выраженность (перформатив должен быть выражен 1 лицом единственного числа) и некоторые другие. Перформатив, обладающий этими признаками, считается идеальной формой эксплицитного перформативного высказывания. Следует заметить, что не все высказывания могут быть выражены посредством эксплицитного перформатива: речевые акты угрозы, насмешки, лести, лжи, похвалы, оскорбления, включающие соответствующий перформативный глагол, были названы З. Вендлером «иллокутивным самоубийством», поскольку их реализация в этом случае априори обречена на неудачу: говорящий выдает себя с головой, раскрывая такие мотивы своих действий, которые не принято декларировать.

не только (или даже совсем не) для того, чтобы вербализовать свое коммуникативное намерение (высказывание *Sei morgen um 7 Uhr zur Stelle* не менее «прозрачно» в выражении интенционального смысла, чем *Ich fordere dich auf, morgen um 7 Uhr zur Stelle zu sein*). Перформатив скорее имеет целью выразить некоторые дополнительные прагматические значения как, например, подчеркивание статусной иерархии, интенсивность речевого действия и др. Частотность описательных форм – синонимов «чистых» перформативов – дает исследователям повод утверждать, что «перформативный глагол-предикат покидает глагольную парадигму и вступает в новые парадигматические системные отношения с группой синонимичных, эквивалентных высказываний» [Формановская 1998: 177]. В немецком языке перформативная парадигма представлена следующими членами:

а) номинализации как *Danke, Entschuldigung, Glückwunsch*. В них нет грамматического 1 лица настоящего времени (обязательный признак перформативного глагола), но в них присутствует семантическое подлежащее, семантический момент речи, поэтому их можно назвать семантическими перформативами.

б) сочетание перформативного глагола с модальным элементом, в первую очередь с модальным глаголом: *Ich möchte danken, ich muss mich entschuldigen, ich möchte wünschen/gratulieren* и т.п. Такой тип перформативной формулы вслед за Б. Фрейзером называют «скрытыми» перформативами [Fraser 1975] или квазиперформативами, он употребляется в так называемых «ритуалах избегания» (И. Верлен), так как формулирует модальность долга, возможности, необходимости, разрешения – виды модальности, касающиеся человеческих потребностей сохранения «лица». Дж. Лич объясняет действие скрытых перформативов как переход при их произнесении на метаязыковой уровень, где говорящий, символически испрашивая разрешения на совершение речевого акта, тем самым совершает его [Leech 1983: 140]. Запрос разрешения на совершение речевого акта связан, по мнению автора, с тем обстоятельством, что партнеры не всегда автоматически могут претендовать на приоритетное право инициировать разговор и использовать его в собственных целях.

Следует отметить, что в высказываниях такой конструкции соответствующий речевой акт, несмотря на «скрытость» перформатива,

совершенно реален, поскольку фокус внимания в нем сосредоточен не на субъективной модальности желания, долженствования, возможности и др., а на интенциональном значении перформативного инфинитива, и, значит, такие высказывания эквивалентны собственно перформативам: *ich möchte danken = ich danke, ich möchte gratulieren = ich gratuliere, ich muss mich entschuldigen = ich entschuldige mich.*

в) сочетание стертого императива *Gestatten Sie (Erlauben Sie, Lassen Sie mich...)* с перформативным инфинитивом: *Gestatten Sie mir, Ihnen zu danken*, оно также эквивалентно прямому перформативу (*ich danke Ihnen*), но обладает социостилистическим оттенком официальности.

г) функциональные глаголы *ausdrücken, aussprechen* в сочетании с номинацией интенции: *Ich drücke meinen Dank aus.*

д) своеобразное переключение пропозициональной части в интенциональную с помощью элиминации ясного из ситуации перформативного предиката: *Frohe Weihnachten (Ich wünsche euch frohe Weihnachten!)*. Такой конструкции в лингвистике было дано название имплицитно-перформативной⁴⁴: собственно перформативная часть в ней отсутствует, но актуализацией пропозиции все-таки совершается соответствующее речевое действие: при произнесении *Gut gemacht* совершается речевое действие похвалы, эксплицируемое как *Ich lobe dich, indem ich sage, dass du es gut gemacht hast*; актанты, соответствующие говорящему и адресату, опускаются ввиду их очевидности в ситуативном контексте. Поскольку ситуативных пропозициональных обстоятельств может оказаться немало, такая конструкция становится модельной, образуя множество реальных конвенциональных и узуальных перформативных высказываний, например, пожелания: *Viel Glück! Viel Erfolg! Viel Freude! Gute Besserung! Glückliches Neujahr!*

Во всех перечисленных случаях речь идет о типизированных способах выражения интенции, дающих возможность учитывать не только прямые, но и конвенциональные косвенные речевые акты, которые в силу частой употребительности в определенных ситуациях стали стереотипными и закрепились в языковом сознании говорящих и в их

⁴⁴ Термин «имплицитный перформатив» возник как попытка решить дефиниционный вопрос высказываний, не включающих перформативов, он появился в рамках так называемой перформативной гипотезы, согласно которой в глубинной структуре практически любого высказывания находится перформативный глагол и его актанты, определяющие тип речевого акта [Sadock 1974; Макколи 1981; Коул 1982; Богданов 1983; Романов 1984].

коммуникативной и прагматической компетенции. Каждое из высказываний перформативной парадигмы имеет свои социостилистические характеристики, поэтому говорящий в конкретной ситуации общения ориентируется на статусно-ролевые признаки адресата и на степень важности его речевого действия. Так, за пустячную услугу не принято благодарить с использованием формул типа *Gestatten Sie mir, Ihnen meinen Dank auszusprechen*. И наоборот, в официальной ситуации при неравных статусных отношениях нельзя ограничиться формулой *Danke*, она обязательно требует расширения операторами разных уровней, интенциональный смысл обязательно «пересекается» с реляционным, выражением уважения, знаком подчинения.

Косвенные высказывания. Мнение о важности непрямого типа коммуникации встречается в настоящее время в работах разных исследователей, которые пытаются разработать типологию коммуникативных стратегий при косвенной реализации интенции. Известны, например, дифференцированные К.Ф. Седовым стратегии речевого поведения, определенные им как а) инвективные, являющиеся как бы отражением эмоционально-биологических реакций; б) куртуазные, отличающиеся тяготением к этикетизации; в) рационально-эвристические, опирающиеся на рассудочность, здравомыслие [Седов 1997: 191]. Автор справедливо замечает, что решающую роль при выборе типа речевого поведения играет не только своеобразие индивидуального стиля языковой личности автора высказывания, но и тип языковой личности адресата. При этом существует определенная закономерность: в спонтанных речевых актах, отражающих «помимовольную» коммуникацию, речевая стратегия говорящего соответствует типу его языковой личности; в этикетных речевых актах выбор языковых средств в большей мере зависит от адресата, в том числе и от особенностей его языковой личности.

В настоящем исследовании в качестве операторов, формирующих интенциональный смысл в косвенных высказываниях, рассматриваются определенные Т.А. Трипольской для эмотивно-оценочного дискурса [Трипольская 1999: 53-63] и экстраполированные нами на другие речевые акты коммуникативные стратегии: 1) преобразование различных элементов прямого высказывания (например, неназывание объекта или субъекта речи или называние его как неопределенного); 2) опосредованное выражение значения (посредством речевого акта другого типа).

Разумеется, степень косвенности в каждом конкретном высказывании различна, она представляется нам максимальной в случаях использования говорящим второго типа стратегий, при изменении одного из элементов структуры прямого высказывания степень завуалированности интенции меньше.

Причиной использования косвенных речевых стратегий при реализации экспрессивных речевых актов может быть желание говорящего соблюсти приличия и не нарушить правила вежливости, смягчить отрицательную оценку, «замаскировать» откровенную положительную оценку. Косвенные речевые стратегии являются также проявлением индивидуального речевого стиля говорящего, его стремления найти нестандартную форму выражения мысли.

Коммуникативные типы предложения. Все многообразие интенциональных смыслов реализуется в процессе речевого общения в структурных рамках нескольких типов предложения, называемых в традиционной грамматике коммуникативными типами и объединяемых в так называемую коммуникативную парадигму⁴⁵. Эти типы определяются на основе определенного набора структурных признаков, которые относительно свободно комбинируются между собой и могут появляться в предложениях различного типа. Основополагающим в этой связи является вопрос о соотношении структурных факторов предложения и коммуникативных факторов высказывания, иначе говоря, о том, можно ли

⁴⁵ В отношении количества коммуникативных типов предложения мнения лингвистов расходятся. Так,

Х. Бринкманн [Brinkmann 1971] считает важным роль предложения в коммуникации и говорит о «партнерских» предложениях (побудительное и общевпросительное предложение) и о предложениях-сообщениях (повествовательных предложениях). Грамматика Дуден [Duden-Grammatik 1984] делит предложения на повествовательные, вопросительные и побудительно-желательные, которые, по мнению ее авторов, соответствует трем формам человеческой речи – сообщение, вопрос и побуждение. П. Айзенберг исходит в своей классификации из положения спрягаемого глагола в предложении и выделяет в зависимости от него побудительное, общевпросительное, специальное вопросительное, повествовательное и подчиненное (придаточное) предложения [Eisenberg 1989]. Топологического принципа придерживаются в своей классификации и авторы *Grundzüge einer deutschen Grammatik*, место финитного глагола определяет, по их мнению, существование повествовательного, вопросительного, которое в свою очередь делится на подтипы – общий, специальный и удостоверительный вопросы, предложения, выражающего желание, побудительного и восклицательного предложений [GDG 1981]. Мы вслед за В.Г. Адмони [Admoni 1970] опираемся на классическое разделение предложений «по цели высказывания» и выделяем три типа предложений – повествовательное, вопросительное, побудительное. Предложения выражения желания как *Wäre ich doch damals in München geblieben!* и экскламатики мы не рассматриваем как отдельные коммуникативные типы на том основании, что они не являются устоявшимися понятиями ни в традиционной грамматике, ни в современных лингвистических исследованиях. Кроме того, мы считаем, что любое предложение может эмоционально комментироваться и оцениваться говорящим, то есть быть экскламативным.

установить однозначное соответствие между определенной формой предложения и выражаемым им интенциональным смыслом.* Несмотря на большой соблазн ответить на этот вопрос положительно, мы с очевидностью констатируем невозможность объединения в едином целом грамматических и прагматических факторов языка и необходимость сохранения дистанции между коммуникативным типом предложения и типом речевого акта [см. об этом: Wunderlich 1984: 106; Harnish 1994: 432; Altmann 1993: 1008]. Мы поэтому отказываемся, с одной стороны, от утверждения, что тип предложения строго детерминирует интенциональный смысл высказывания, но с определенной долей уверенности предполагаем, с другой стороны, существование определенной системной связи между коммуникативными типами предложения и выражаемым в них интенциональным смыслом. Языковая реальность определяет в качестве речеактовых соответствий базовых типов предложений, следующие:

1. Повествовательное предложение включают в спектр своих коррелятов в первую очередь ассертивы, к которым примыкают комиссивы, а также неперформативные декларативы⁴⁶.

2. Разнообразие подтипов вопросительного предложения (общий вопрос, делиберативный вопрос с вводным элементом *ob*, альтернативный вопрос, ассертивный вопрос, риторический вопрос, специальный вопрос, переспрос) объединяет в единую группу интеррогативов ожидаемая от их адресата реакция – он должен предоставить желаемую говорящим информацию: об истинности/ложности пропозиции в общих вопросах, об альтернативном принятии решения адресатом или третьим лицом в альтернативных вопросах, специальную информацию относительно места, времени, причины, субъекта, объекта некоторого действия в вопросах с вопросительным словом.

3. Коррелятами императивных предложений являются директивные речевые акты самых разнообразных модификаций, при этом в прототипной императивной форме 2 лица единственного числа «конденсируется» грамматикализованная ситуация побуждения. Для некатегоричных форм как просьба имеются контекстуальные ограничения: в них важную

⁴⁶ Если считать директивное использование формы типа *Du gehst sofort ins Bett* прототипичным, то следует расширить спектр коррелятов повествовательного предложения и включить в него директивные речевые акты.

деинтенсифицирующую роль играют непредложенческие операторы, особенно модальные частицы или слово *bitte*. Другие формы императивного предложения отличаются от своего прототипа различными основаниями. Призывное императивное предложение (*Nimm mir doch jemand den Koffer ab!*) обладает слабой интенциональностью в связи со своей неопределенной референцией – нельзя побудить/призвать, ни к кому конкретно не обращаясь. Адхортативное предложение (*wir*-форма) имеет признак вовлеченности говорящего в называемое глаголом действие, поэтому возможные интенции высказывания ограничиваются предложением или призывом, что логично: если говорящий сам относится к адресатам высказывания, то интенции распоряжения или приказа не могут рассматриваться как возможные⁴⁷.

Даже такое схематическое «портретирование» типов предложений показывает различную степень их внутренней дифференциации: предложения с коррелятом, предполагающим реакцию партнера, имеют значительно более тонкую организацию по сравнению с высказываниями, не требующими обязательного ответа. Этот феномен функционально объясняется тем, что в предложениях первого типа желаемая реакция адресата специфицируется уже на формальном уровне. Так, уже форма вопросительного высказывания предопределяет, должен ли партнер дать просто положительный или отрицательный ответ относительно пропозиции (общий вопрос) или же от него требуется дифференцированная информация о том или ином аспекте положения дел (специальный вопрос). При выражении побуждения статус адресата заранее задает тип общения и выбор императивной формы. Информация такого рода играет значительно меньшую роль при использовании повествовательного предложения, от адресата при его произнесении обычно не ожидается какой-либо специфической реакции. Поэтому решающее значение имеет пропозициональная сторона повествовательных предложений.

⁴⁷ К императивным примыкают предложения с союзом *dass* и последним местом глагола в индикативе, обязательно включающие частицы *bloss, auch, ja*: *Dass du ja nüchtern nach Hause kommst!* Такие предложения отличаются высокой степенью интенсивности побуждения. Этот факт подтверждает правило, что непрототипные формы часто имеют эффект усиления коррелирующей интенции. Ф. Лидтке [Liedtke 1998: 261] утверждает, рассматривая такие формы, что в их случае речь идет не об ослаблении/косвенном выражении, а именно об усилении интенции, прототипично индицируемой совсем другими типами предложения. Этот феномен указывает, по мнению автора, на основополагающее правило семиотики: отклонение от конвенционального сочетания формы и функции имеет следствием интенсификацию коммуникативного эффекта употребления знака.

Во взаимодействии с различными коммуникативными типами предложения и их лексическим наполнением выступают важнейшие элементы, модифицирующие интенциональный смысл высказывания – модальные глаголы, модальные слова и частицы, поддерживающие выражение интенции, модализирующие, нюансирующие ее.

Модальные глаголы, передающие в прямом высказывании первичные модальные значения возможности, необходимости, желательности и их оттенки, превращаются в высказываниях с неоднозначным соответствием между языковой структурой и ее коммуникативной функцией в фактор ослабления или полной нейтрализации основной интенции высказывания – они реализуют дополнительные прагматические значения. Например, глагол *wollen*, являясь в своей основной функции выразителем воли говорящего, участвует в оформлении императивов, к числу которых относятся не только приказы или команды, но и требования, просьбы и т.д. Отсюда становится понятным частое появление *wollen* в высказываниях порицания, выполняющих, кроме всего, регулятивную функцию – функцию воздействия на поведение адресата с целью его изменения. Значит, можно утверждать, что высказывания с *wollen* сближаются по своим задачам с высказываниями в форме императивов, но отличаются от них стилистическим регистром, поскольку смягчают степень воздействия на адресата (императив выражает часто лаконичное, ничем не мотивированное приказание), что является важным фактором при совершении речевого акта порицания.

Модальность необходимости, выражаемая глаголом *müssen* при сочетании с вопросительной формой предложения, трансформирует интенциональный смысл, реализуя интенцию порицания: в высказывании *Musst du wirklich fortlaufen, dass ich mit keinem Menschen ein Wort reden kann?* (N-W, 341) содержится формальный вопрос о наличии объективной необходимости для совершения того или иного действия: говорящий уверен, что такой необходимости нет, поэтому прямое выражение побуждения излишне – оно имплицировано в вопросе. Актуализатором побудительного значения в приведенном высказывании служит слово *wirklich*, акцентирующее негативное отношение говорящего к намерению собеседника уйти. Конечно, в ответ на такой вопрос может последовать

указание на наличие объективно обусловленной необходимости, однако интенция упрека-порицания «просвечивает» в нем однозначно.

Приведенные и многие другие оставшиеся за рамками изложения примеры подтверждают тезис о том, что наличие в поверхностной денотативной структуре высказывания модальных глаголов как операторов модификации смысла способствует реализации полного объема и большого спектра оттенков глубинного смысла: от смягчения, придания некатегоричности выражению коммуникативного намерения до проявления тонкой иронии или холодного сарказма, граничащего с презрением (например, саркастическое порицание в высказывании *Darf ich Sie ebenso höflich wie dringend darauf aufmerksam machen, dass Sie sich hier befinden, um Briefe postlagernd zu machen, nicht zu Lektüre (F-B, 389)*). Представляется, что рассмотрение модальных глаголов в таком аспекте позволяет раскрыть их возможности при реализации любых замыслов говорящего в актах речи, оттенить нюансы человеческой мысли.

Модальные частицы и слова являются многофункциональными модифицирующими операторами, модализирующими и оценивающими описываемое в предложении содержание. Их назначение заключается также в том, что они связывают высказывание с коммуникативным контекстом, модифицируют (субъективируют) речевой акт, способствуют процессу восприятия высказывания адресатом, регулируют интеракцию⁴⁸.

Вопрос о том, способны ли модальные частицы порождать смысл, является спорным⁴⁹. Не останавливаясь на аргументах «за» и «против», констатируем, что автор настоящего исследования придерживается точки зрения об индикаторном характере функционирования модальных частиц, об их реальном влиянии на изменение интенционального смысла высказывания или его модификацию или уточнение. Следует, однако, оговориться, что модальные частицы вряд ли в состоянии самостоятельно определять интенциональный вариант высказывания, они, как правило,

⁴⁸ Е. Ланг называет модальные частицы операторами предложения, которые, относясь к единице S категории предложение, порождают структурно модифицированную единицу S' категории предложение [Lang 1978: 201].

⁴⁹ В способности модальных частиц порождать или индицировать смысл сомневается, например, У. Браузе [Brauze 1994: 97]. Самым известным сторонником гипотезы об индикаторном характере частиц является Г. Хельбиг. Он считает, что для облегчения интерпретации многозначных речевых актов должны использоваться специальные языковые и внеязыковые средства, к которым среди других относятся и модальные частицы, являясь, таким образом, индикаторами имплицитированного смысла [Helbig 1977: 34].

кооперируются с другими операторами, как интонация, контекст и невербальные элементы коммуникации (жесты, мимика, телодвижения).

Частицы «рождают» в высказывании самые разнообразные оттенки смысла: они смягчают, снижают категоричность высказывания, показывают фамильярность отношения говорящего к адресату (*mal*) или модифицируют интенциональный смысл высказывания в направлении увеличения убедительности выражаемого содержания (*doch*), увеличивают силу эмоциональной реакции, лишают высказывание суровости и резкости (*denn*) выражают удивление или возмущение (*nur*), предположение (*wohl*). Часто они комбинируются друг с другом, удваивая силу воздействия, увеличивая многообразие выражаемой смысловой палитры. Чем больше частиц бывает задействовано в процессе смыслопорождения, тем более причудливым является узор мозаики целостного смысла высказывания. Языковой материал представляет нам богатейший материал для иллюстрации сказанного, приведем лишь один небольшой пример: *Warum versuchst du, Matthias eins auszuwischen? Er hat schwere Bergtouren in den letzten Tagen hinter sich. Du wirst ihm doch wohl das Vergnügen gönnen, dass er sich heut mal ausruht?* (B-W, 8) – комбинация частицы *doch*, выражающей уверенной предположение, и *wohl* со значением более слабого предположения показывает интересный комплексный вариант импликации – с одной стороны, порицание-упрек собеседника за излишнюю притязательность к третьему лицу – объекту разговора – и выражение собственного мнения по поводу дальнейших действий собеседника (частица *wohl* и выбор лексических единиц: ироничное *das Vergnügen gönnen*), с другой стороны, достаточно жесткое требование оставить это третье лицо в покое (частица *doch*).

Функция МОДАЛЬНЫХ СЛОВ (*vielleicht, möglicherweise, vermutlich, wirklich, wahrscheinlich, sicherlich, zweifellos, angeblich, bekanntlich, offenbar*) в высказывании состоит в создании тонкого модального слоя смысла, выражение таких модальных оттенков как (не)определенность, (не)вероятность, (не)известность, (не)аутентичность (ср. *angeblich*) содержания высказывания. Эти «крупницы» модальных значений модифицируют интенциональный смысл высказывания, интенсифицируют выражение его иллюкутивной силы: слово *sicherlich* указывает на более высокую степень уверенности говорящего в содержании высказывания, чем слова *wahrscheinlich* или *möglicherweise*. Значит, основная задача

модальных слов заключается в градации иллокутивной силы, посредством этого происходит, в свою очередь, однозначное определение интенции. Модифицируя интенцию, модальные слова одновременно передают различные оттенки эмоционального настроения говорящего, еще более нюансируя общий смысл высказывания. Например, в высказываниях эмоционального воздействия часто встречается слово *endlich*, функционирующее в качестве модального, передающее эмоциональный оттенок недовольства, раздражения, вызванного поведением адресата, например: *Du spichst in Rätseln, Betty. Willst du mir endlich sagen, was nun wirklich los ist?* (T-O, 27). При элиминации *endlich* высказывание теряет настойчивость, эмоционально-побудительный характер и превращается в простой запрос информации о намерениях адресата или (при хорошем воображении интерпретатора и соответствующей прагматической ситуации) в некатегоричную просьбу.

3.3. Операторы порождения и модификации эмотивного смысла

Для маркирования эмотивного смысла высказывания – триединой сущности, состоящей из оценочного, эмоционального и реляционного компонентов – язык располагает совокупностью средств⁵⁰ – самых разнообразных смыслопорождающих и модифицирующих операторов: специального порядка слов и синтаксических структур, свойственных только аффективной речи, безусловно, просодических особенностей⁵¹, и, конечно же, лексическими операторами. Эта совокупность средств связана отношениями сложного взаимодействия: некоторые синтаксические конструкции требуют определенного лексического наполнения, и

⁵⁰ Существуют многочисленные исследования эмоциональной речи, посвященные разработке классификаций языковых средств выражения эмоций и установлению корреляционных связей между психологическим состоянием говорящего и конструктивными особенностями его речи [Литвищенко 1972; Юдина 1973; Кашурникова 1979; Безрукова 1981; Жучкова 1984; Иванина 1984; Поспелова 1985; Янелюнайте 1985; Рыбакова 1985; Силин 1988; Буренина 1989; Белодед 1990; Малинович 1990; Водяха 1993; Сергеева 1993; Пегина 1994; Пиотровская 1994; Адамчук 1996; Сулова 1998; Табурова 1999; Шаховский, Жура 2002; Синеокова 2004 и др.].

⁵¹ Многие ученые, полагая, что в передаче оценочного содержания и осуществления эмоционального воздействия участвуют единицы всех уровней языка, тем не менее первое место отводят интонации, считая последнюю основным и важнейшим средством вербального выражения эмоций (Ш. Балли, К.А. Долинин, А.М. Пешковский, А.Н. Саченко и др): «Стоит только вспомнить обилие восклицательных высказываний в нашей повседневной речи и их интонационное, особенно тембровое, многообразие, чтобы признать, что чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией» [Пешковский 1959: 177]. При всей убедительности этого мнения нам, тем не менее, представляется не совсем справедливым определение интонации как приоритетного лингвистического средства выражения эмотивности. Данные психолингвистики показывают, что социально-детерминированные и интеллектуальные эмоции, присущие только человеку, опосредуются второй сигнальной системой и могут быть выражены только посредством слов, даже если в их выражении используются единицы других уровней языка. В общении же, как было указано, все средства выступают в единстве и вычленив одно из них можно только условно (см. также [Буренина 1991:30-31]).

наоборот, лексические элементы обуславливают порой специфическое синтаксическое построение высказывания.

Эмоционально-оценочная лексика. Наибольшим смыслопорождающим потенциалом обладают в немецком языке эмоционально-оценочные существительные, прилагательные и глаголы, представляющие собой целую систему тесно связанных между собой различного рода отношениями переменных. Они взаимодействуют, взаимообуславливая или взаимоисключая⁵² друг друга: приписывают объекту положительные или отрицательные черты, описывают положительные или отрицательные (частные или общие) впечатления, эмоциональное состояние, вызываемое объектом, отношение, субъективную обусловленность оценки. Взаимосвязанность эмотивных смысловых операторов проявляется, кроме прочего, во взаимозаменяемости отдельных элементов системы (например, употребление инвективной лексемы в контексте общения друзей, влюбленных), что является одним из свидетельств речевой природы порождаемого смысла и, как следствие этого, невозможности жесткого закрепления за словом конкретного эмотивного маркера без одновременного введения необходимых пресуппозиций и коммуникативных правил употребления слова в речи.

Эмоционально-оценочные лексемы являются самодостаточными операторами порождения эмотивного смысла, но часто они интенсифицируются различными морфологическими (степени сравнения прилагательного) или лексическими операторами (усилительные частицы, наречия степени, средства словообразования): *Das ist am schlechtesten; Das ist besonders/un glaublich schlecht; Das ist saudoof.*

⁵² Например, частнооценочные прилагательные (*lecker, ungenießbar, langatmig, träge, verdreht, attraktiv*) могут употребляться только с существительными определенной семантики. Кроме того, употребляясь в атрибутивной функции, оценочные прилагательные сочетаются только с существительным – нейтральным или оценочным – такой же оценочной направленности, то есть положительно-оценочное прилагательное не может, как правило, комбинироваться с отрицательно-оценочным существительным. Конечно, встречаются исключения из сказанного, но в них употребление оценочно-разнонаправленных оценочных слов обязательно является маркером каких-либо окказиональных, ситуативных смыслов, например высказывание *Das ist eine schöne Scheiße* можно интерпретировать как ироничное, выражающее эмоциональную реакцию на неожиданно наступившие неприятные обстоятельства, слово *schön* играет в данном случае скорее роль интенсификатора оценки, нежели роль определения. При интерпретации высказывания *Das ist eine wunderbare Gemeinde* следует, вероятно, учитывать специальные ситуативные условия – говорящий сообщает адресату о своих подлых планах относительно третьего лица

Комбинироваться могут, кроме того, положительно-оценочные существительные с отрицательно-оценочными прилагательными, если оцениваются разные качества личности: *Sie ist eine strohdumme Schönheit* – красивая, но не обладающая умом.

Функционирование эмоционально-оценочных слов в роли операторов порождения эмотивного смысла актуально для коммуникации разных типов – от институционального общения до вульгарной инвективы. В этой связи важно напомнить, что количество лексических единиц с отрицательно-оценочным значением значительно превышает количество положительно-оценочных слов. Такая асимметричность имеет психологическое объяснение: общеизвестно, что отрицательные стороны бытия воспринимаются человеком намного острее, чем положительные, способствующие комфорту факторы, которые рассматриваются обычно как естественные, нормальные, а потому и менее эмоциогенные⁵³.

Более подробно функционирование маркеров эмотивного смысла будет рассмотрено в соответствующих разделах исследовательских глав. Здесь же следует только предварительно заметить, что формирование этого смыслового компонента всегда имеет не только ярко выраженный предметный и субъективный, но и ситуативный характер, обусловленный тем, что за системно-языковым содержанием высказывания стоит связанная с индивидуальным опытом говорящих конкретная ситуация в мире и конкретная ситуация общения с определенной расстановкой ее участников.

Междометия. Языковая система имеет в своем арсенале специальное средство для выражения эмотивного смысла – междометия, класс неизменяемых лексических единиц⁵⁴, выполняющий функции эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений. Аргументом в пользу мнения о сопряженности семантики междометия с понятием эмоции⁵⁵ является адекватная «понимаемость»

⁵³ В лексикографии практически отсутствуют положительные эмотивные пометы, об этом пишут многие исследователи, соотносящие этот парадоксальный факт с особенностью человеческого сознания и языка членить отрицательный опыт более подробно и тщательно, чем положительный, который воспринимается как норма [Vendler 1967; Вольф 2006; Графова 1991; Жельвис 2001].

⁵⁴ Определение междометий как лексем отличает их от звуков, порождаемых человеком в состоянии аффекта. Лексемный статус междометий подтверждается фактом диахронического изменения их значения, примером которого может служить междометие *ei*, которое до 18 века могло вводить реактивные речевые акты, отклоняющие компонент значения предыдущего высказывания [ср. Burger 1980]. В современном немецком языке *ei* выражает лишь удивление или положительное эмотивное отношение говорящего к адресату [Ehlich 1986]. С другой стороны, близость междометных лексем аффецированным звукам является причиной и предметом многих лингвистических дискуссий, следствием которых является, например, разделение междометий на первичные (звук [BR], произвольно издаваемый человеком, испытывающим холод, ужас или отвращение) и вторичные (междометие *brr* как лексемное соответствие аффецированному звуку [BR], имеющее определенные прагматические функции) [см. об этом Kitzelnigg 1973; 1974].

⁵⁵ В пользу понятности междометий говорит и тот факт, что в настоящее время исследователи говорят о концептах междометий [Алференко 1999; Коваль <http://www.conf40>].

значений различных междометий всеми говорящими на данном языке; междометия обладают социальным значением, а, следовательно, и его воспроизводимостью.

Междометия могут употребляться самостоятельно и конституировать эмотивную часть высказывания (*I pfui!*), либо комбинироваться с номинативной частью, реферирующей к положению вещей, которое вызывает передаваемый междометием аффект и источник которого определяется номинацией: *Ach du mieses Schwein!* или *Oh du Glückspilz!* Такие высказывания имеют смысл только в том случае, если адресат высказывания является причиной боли, чувства отвращения, радости или подобных эмоций, испытываемых говорящим. Доказательством сказанному является возможность трансформации высказываний приведенного типа в полные, с эксплицированной предикативной частью, например, для высказываний с междометием *pfui* возможны варианты как *Pfui!*, *Pfui, Max!*, *Pfui, ist das häßlich!*, *Pfui, dass du dich immer bepinkelst!*, при этом междометие выполняет функцию указателя аффекта говорящего. Удобство выражения смыслов посредством междометия состоит именно в том, что «можно что-то выразить, что нельзя передать словами, исходя при этом из того, что все другие поймут» [Максимова 2000: 30]. Здесь мы имеем дело с процессом ревокализации – от не-междометного высказывания к междометию⁵⁶.

Важными моментами в функционировании междометий является, во-первых, их принципиальная комбинируемость только с определенными коммуникативными типами предложений, например, междометие *brr* не может употребляться в составе императивных предложений (**Brr zieh dir was Warmes an!*). Во-вторых, междометие оказывает преимущественное влияние на интерпретацию всего высказывания, выводит его эмотивность на передний план. Например, высказывание *Pfui wie du gehst!*, выражающее, в первую очередь, отрицательную оценку походки адресата

⁵⁶ Д. Вилкинс видит причины сильной сжатости междометного высказывания в тесной связи междометия с контекстом. Между междометием и его унифицированной концептуальной структурой, между отдельными частями концептуальной структуры и аспектами действительности существует изоморфизм, но это не однозначное соответствие. Исходя из того, что все элементы, принадлежащие семантической структуре, не обязательно имеют поверхностные манифестации (в синтаксической структуре), ученый считает, что изоморфизм между семантической и синтаксической структурой междометия занимает промежуточное звено благодаря функциональности этой единицы, поэтому несложно объяснить, как и почему семантически богатая структура междометия (междометного высказывания) может быть выражена одной только лексемой [Wilkins 1992: 154]. Понимание адресатом всех референциальных аргументов, входящих в смысловое содержание междометия-высказывания, обеспечивается именно за счет экстралингвистического контекста.

и недовольство, граничащее с отвращением (ср. *Pfui, ist das dreckig!* или *Pfui, was für ein Säufer!*), превращается при элиминировании междометия в восклицательный (скорее положительный, чем отрицательный: *Wie du gehst!*), который аффективно показывает отклонение действий адресата от нормы.

Обращение. Маркером реляционного смысла, показателем отношения говорящего к адресату является обращение⁵⁷, которое, не неся лексической информации, является, однако, прагматически информативным в той мере, в какой оно отклоняется от нормы – любое отклонение несет новую информацию индексального характера. Иными словами, «нестандартное обращение заставляет адресата искать причины такого речевого действия и формулировать их в терминах прагматической интерпретации» [Карасик 2002: 194].

Стандартные общие социальные обращения (*Herr, Frau*) являются универсальной формой этикетного контакта равных или неравных по статусу людей и знаком общения на социальной дистанции, в признаке такой статусной репрезентации, в возвышении партнера проявляются нормы вежливости⁵⁸. Специальные социальные обращения приняты по отношению к лицам, занимающим престижные должности в различных общественных подсистемах (*Ihre/Eure Majestät, Herr Professor*). Стандартные обращения имеют тенденцию к грамматикализации, выражающейся в том, что такие слова произносятся всегда в безударной позиции и становятся своего рода морфемами вежливости. Нарушение правил употребления социальных обращений свидетельствует либо о низком социальном статусе говорящего либо о сознательном намерении обидеть, задеть адресата.

Обращения способствуют также созданию определенного эмоционального контекста: человек, выражая свое субъективное

⁵⁷ Важность обращения при порождении смысла высказывания замечена многими лингвистами, о чем свидетельствует изданная в Тюбингене библиография по этому вопросу, включающая более 1100 источников [Braun et al., 1986]. В монографии, посвященной обращению, Ф. Браун отмечает, что эти единицы выражают отношение говорящего к адресату, а также дают характеристику самому говорящему, несут коннотацию о его воспитании, умении вести себя и социальном положении [Braun 1988: 36]. Л.П. Рыжова, вслед за Д. Вундерлихом, считает обращение даже отдельным речевым актом, стоящим в одном ряду с директивом, комиссивом, декларативом и др. [Рыжова 1982: 9]. Как речевой акт со скрытыми интенциями уколоть, унизить адресата, выразить неодобрение, или наоборот, симпатию, поддержку рассматривает обращение О.Г. Минина [Минина], а В.И. Карасик понимает под обращениями (вокативами) как речевые акты, так и языковые единицы, посредством которых они выражаются [Карасик 2002: 194].

⁵⁸ Этимологически такие обращения обозначают понятия «господин, хозяин» [Duden 1989: 281]. Современная словарная дефиниция иллюстрирует признак социального статуса и его мотивированность: *urspr. Standestitel für Adlige nach Fürsten u. Grafen; <allg.> Besitzer, Gebieter, Herrscher; Vorgesetzter; (respektvolle Anrede für Männer; vor den Namen gesetzte Anrede für Männer) [Wahrig].*

отношение к кому-либо, не только дает ему оценку, но и испытывает при этом самую разнообразную гамму чувств (положительных или отрицательных). Если говорящий особенно заинтересован в том, чтобы повлиять на поведение собеседника в желаемом для него направлении, он, как правило, придает своей речи аффективную окраску, употребляет личностно-аффективные формы обращения (комплиментарные или инвективные вокативы). В этом случае функция обращения состоит не столько в привлечении внимания и назывании собеседника, сколько в характеристике собеседника, выражении своего эмотивно-оценочного отношения к нему.

Синтаксические операторы порождения эмотивного смысла.

Выражение эмотивности обуславливает наличие разнообразных структурных моделей предложений, характеризующихся расширением за счет включения усилительных слов, необычным порядком слов, опущением отдельных элементов предложения. Обращение к той или иной модификации определяется эмоциональным состоянием говорящего, прагматической ситуацией, эмоциональным контекстом⁵⁹. О структурных особенностях предложений при реализации той или иной интенции речь пойдет в соответствующих разделах исследовательских глав. Здесь мы остановимся только на небольшой иллюстрации важности синтаксических средств при порождении смысла высказывания.

Первое замечание касается эмоционально окрашенных синтаксических конструкций. Признавая, что одним из основных смыслообразующих факторов является обязательная семантическая и структурная завершенность предложения, мы, тем не менее, констатируем свободное функционирование в речи неполных структур⁶⁰, которые, используя схемы полных предложений, выражают содержание, не только вытекающее из логических отношений членов синтаксического ряда, но часто даже большее по сравнению с ним. Это связано с тем, что в процессе формирования высказывания на семантику предикативного минимума под

⁵⁹ Подробный анализ семантики и особенностей функционирования эмотивных синтаксических структур представлен в исследовании Ю.М. Малиновича [Малинович 1990].

⁶⁰ Мы придерживаемся вариантного взгляда на природу эллиптических предложений, то есть исходим (вслед за В.В. Виноградовым, Д. Вундерлихом) из их структурной и семантической соотносительности с полносоставными «классическими» предложениями. Неполнота предложения рассматривается нами как отсутствие (частичное или полное) элементов предикативного минимума. Предложения, содержащие полный состав необходимых компонентов, являются инвариантными по отношению к своим эллиптическим вариантам. Те и другие предложения тождественны по необходимым компонентам, а их формальное различие проявляется в эксплицитном, наличном составе этих элементов.

влиянием контекста, речевой ситуации и в соответствии с интенцией говорящего наслаиваются самые различные коннотативные значения. Например, используя высказывание *Du bist einfach...!*, соответствующее полному предложению *Du bist einfach gemein/wunderschön!*, говорящий выбирает более удобную, экспрессивную, лаконичную модель, которая может функционировать в речи наравне с полной как единица языковой системы, так как для адресата восстановление «производящей» модели для понимания семантики не составит большого труда. Смысловая полнота высказывания в этом случае выражена имплицитно и допускает мысленную экспликацию, возможности которой заложены на глубинном уровне его смысловой структуры. Более того, благодаря возможным вариантам достраивания невербализованных компонентов предложения и различной степени определенности каждого из типов значения (например, отрицательной или положительной оценки), можно сказать, что информативность неполного высказывания с эксклюзивным невербализованным смыслом часто больше, чем у высказываний с конкретизированным содержанием, поскольку адресат с развитым воображением воспринимает окказиональные имплицированные смыслы, возможные фигуры речи, более «богатое» содержание.

Важный оператор эмотивного смысла на синтаксическом уровне – специфический порядок слов. Употребляемый в современной литературе термин «эмфатический»⁶¹ хорошо отражает сущность этого явления, его целевую направленность: говорящий в соответствии с объективной ситуацией и со своим субъективным намерением выбирает высказывание с эмфатическим порядком слов, если для него важнее выразить свои эмоции по поводу сообщаемой информации или вызвать эмоции у слушающего.

Порядок слов в высказывании определяет очень тонкие нюансы смысла, релевантным в этом отношении является членение актуального предложения⁶², Варианты актуального (смыслового) членения высказывания четко представлены в гипотезе приоритетных стратегий, согласно которой в процессе речевой деятельности работает языковой «механизм приоритетных стратегий, «выделяющих, усиливающих

⁶¹ Под эмфазой понимается «выделение важной в смысловом отношении части высказывания (группы слов, слова или части слова), обеспечивающее экспрессивность речи» [ЛЭС 1990: 592],

⁶² Интересным в этом плане представляется описание С.Д. Кацнельсоном некоторых функций элементов высказывания, на основании которых и происходит изменение привычного расположения компонентов актуального сообщения [Кацнельсон 1972: 120]:

коммуникативно наиболее значимые компоненты смысла и ослабляющих, редуцирующих менее значимые» [Бергельсон, Кибрик 1981: 343]. Выделяемая этой гипотезой ситуативная (субъективная) приоритетная стратегия нарушает реализацию типового коммуникативного намерения, придавая престижный, выделенный статус (препозиция в высказывании) ситуативно важным элементам. Ситуативно менее важные, периферийные элементы могут частично или полностью редуцироваться, престижные же реализуются в максимально развернутой форме, занимают акцентно-выделенную позицию. Например, нетипичное местоположение рематического центра высказывания модифицирует его смысл, выводя в приоритетную позицию эмотивный компонент, эмоциональную оценку предмета речи: *Schultern hatte das Mädchen, Schultern! Und Beine!* (W-L, 76) – эмоционально детерминированная препозиция объектного предиката является оператором выражения подчеркнуто эмоциональной оценки экстраординарных внешних данных обсуждаемого лица. При традиционном расположении элементов высказывание теряет эмотивность и превращается в странную констатацию наличия определенных частей тела у предмета речи: *Das Mädchen hatte Schultern. Und Beine.* Такое высказывание имеет смысл только при наличии специального контекста.

Шаховский В.И., исследуя особенности эмотивного текста, вводит понятие «плотность» эмоционально-оценочных элементов высказывания, утверждая, что они редко представлены в высказываниях в одиночестве. «Чаще наблюдается их конвергенция, и чем их больше, тем плотнее эмотивность текста» [Шаховский 1987: 150]. Иными словами, операторы порождения эмотивного смысла высказывания притягивают элементы, дублирующие, интенсифицирующие его содержание, что, по мнению автора, говорит о недостаточной эмотивности любого элемента для адекватного выражения сиюминутной эмоции. Если применить понятие «плотности» к смысловой организации высказывания в целом, то можно говорить о том, что различные операторы формирования смысла высказывания накладываются и взаимодействуют в процессе порождения высказывания. С их актуализацией говорящий учитывает грамматическую структуру предложения, отражает темо-рематическое устройство предложения, подчеркивает эмоционально-оценочное отношение к адресату и объекту общения. Он акцентирует внимание получателей на

пресуппозициях участников общения и распределяет элементы высказывания по степени их важности в данном акте речевого общения.

Взаимосвязь операторов формирования смысла и прогрессирующую из нее степень смысловой «плотности» высказывания мы прослеживаем на примере высказываний, реализующих экспрессивные речевые акты, рассмотрению сути которых посвящена следующая глава настоящего исследования.

Глава 4. Формирование смысла речевого акта извинения

4.1. Общая характеристика извинения

Извинение представляет собой «парадный» пример экспрессивных речевых актов, когда речь идет об обсуждении аспектов «социальный ритуал» и «искренность или неискренность». В концепции С. Браун, П. Левинсон [Brown, Levinson 1987: 68, 187] речевые акты извинения рассматриваются как акты, «подрывающие» лицо говорящего (извиняющегося) и «укрепляющие» лицо адресата: извинение наносит ущерб авторитету говорящего, тогда как авторитет адресата от извинения выигрывает. Р. Ратмайр, автор известной монографической работы о речевых актах извинения, возражает этой точке зрения и утверждает, что «извинения за пустяковую оплошность способствуют положительному имиджу не только адресата, но и самого говорящего», поскольку последний, извиняясь за разного рода ненамеренные проступки, проявляет себя как вежливый человек. Однако при наличии весомого повода для извинения просящий извинения все-таки умаляет свой авторитет, признавая свою вину, и возвышает партнера по коммуникации, предоставляя ему в этот момент решить судьбу их дальнейших отношений» [Ратмайр 2001: 22-23].

Дж. Серль рассматривает извинение как стандартный пример экспрессивных речевых актов, оно, по Дж. Серлю, не имеет никакой установки на внешний мир, так как при его произнесении говорящий не пытается «ни привести мир в соответствие со словами, ни привести слова в соответствие с миром» [Searle 1982: 34]. Р. Ратмайр возражает Дж. Серлю, обосновывая свою точку зрения справедливым замечанием о том, что его классификация основана на принятой в английском языке стандартной формуле извинения *sorry*, которая действительно выражает чувства и отношения говорящего. А принятая в немецком языке формула извинения – глагол *entschuldigen* и его синонимы в императиве – заставляет усомниться в названном статусе извинения как экспрессивного речевого акта. Поэтому Р. Ратмайр утверждает, что извинение имеет собственную иллокутивную цель, состоящую в том, чтобы привести мир в соответствие с языком (в результате ущерба, причиненного говорящим, изменился внеязыковой мир, и адресат чувствует себя обиженным; посредством

извинения говорящий стремится изменить сложившееся положение), и считает извинения директивными речевыми актами.

Наша точка зрения не совпадает с мнением Р. Ратмайр. Мы считаем, что извинения, представляющие собой оценку действий говорящего, никак не могут быть направлены на изменение внеязыкового мира событий и действий и причислены к директивам. Решением спорного вопроса могло бы стать компромиссное предложение: рассматривать извинения как полиинтенциональные речевые акты, интегрирующие, кроме директивной интенции, еще и ряд других, на наш взгляд, облигаторно реализуемых коммуникативных намерений, каковыми мы считаем оправдание, признание собственной вины, выражение эмоциональной аверсии говорящего по поводу собственного поведения⁶³. Чувство сожаления или раскаяния по поводу содеянного⁶⁴ учитывает в своем определении извинения Н.Р. Норрик, утверждающий, что социальная функция извинения состоит в принятии говорящим ответственности за наступление неблагоприятного положения дел, поэтому извинение всегда сопровождается эмоциональным состоянием раскаяния [Norrick 1978, 284]. Обращение к словарной дефиниции [mhd. entschuldigen = lossagen; freisprechen]: *jmdm. sagen, dass es einem Leid tut, was man getan hat; jmdn. wegen eines falschen Verhaltens oder um Verständnis, Nachsicht, Verzeihung bitten*) [Duden 2000] также показывает, что за формулой извинения в немецком языке стоит значение признания вины и выражение сожаления по этому поводу (хотя привязанность этикетных формул к стандартным ситуациям неизбежно приводит к частичной потере выразительности и конвенциональному характеру употребления этих формул).

⁶³ Наша точка зрения противоречит мнению некоторых исследователей. Например, В. Холли четко отграничивал извинение от оправдания и речевого акта признания вины в зависимости от того, 1. отказывается ли говорящий от ответственности или ограничивает ее, даже разделяя негативную оценку действия (*sich entschuldigen*); 2. принимает ответственность за совершенное действие, но не разделяет его отрицательную оценку (*sich rechtfertigen*); 3. принимает ответственность за свои действия и одновременно разделяет их негативную оценку (*sich schuldig bekennen/um Verzeihung bitten*) [Holly 1984: 97]. Взгляд В. Холли на извинение как на отказ от (полной) ответственности, совпадающая с мнением Й. Ребайна [Rehbein 1972: 306], обосновывается этимологически, так как глагол *entschuldigen* первоначально являлся синонимом к лексемам *lossprechen, freisprechen* [Duden 2000]. Признавая справедливость приведенных мнений, мы, опираясь на обширный языковой материал, констатируем, что все три смежных речевых действия очень часто реализуются одновременно-последовательно, расширяя рамки интенционального смысла, превращая извинение в поистине полиинтенциональный акт.

⁶⁴ По мнению Дж. Серля и Д. Вандервекена, суть извинения заключается в выражении сожаления или раскаяния по поводу положения дел, за наступление которого ответственен говорящий [см. Searle, Vanderveken 1985, 211].

Таким образом, извинение может быть определено как комплексное речевое действие, совершаемое говорящим для психологической коррекции неблагоприятного положения дел, наступившего по его вине, сопровождающегося (имплицитно выраженным) признанием собственной вины и, следовательно, эмоциональным состоянием сожаления и/или раскаяния по поводу произошедшего, а также (опять же имплицированным) обещанием не совершать впредь предосудительных действий либо (факультативным) оправданием/пояснением причин своих неуместных действий: *Entschuldige/n Sie = Ich weiß, dass meine Handlungsweise maleficent war und bekenne mit Reue meine Schuld, indem ich bitte, mich zu verzeihen; und verspreche, mich in Zukunft besser zu zeigen.* Разумеется, признание вины и просьба о прощении (*sich schuldig bekennen/um Verzeihung bitten*) и формальное, клишированное извинение отличаются друг друга интенсивностью выражаемой иллокутивной силы. Мы считаем возможным рассматривать эти два аспекта как различные коммуникативные стратегии извинения, обосновывая нашу точку зрения тем, что акт извинения (как просьба о прощении) всегда бывает первым шагом для коррекции коммуникативного нарушения и всегда нуждается в принятии извинения адресатом, чтобы говорящий действительно был извинен (лишен вины) (*ent-schuldigt*).

Интенциональную комплексность извинения, переплетение в нем нескольких связанных друг с другом интенций, нанизывающихся, как бусины, на одну общую содержательную нить, избавляющих извинение от стереотипности, «разбавляющих» сильную концентрацию формальности небольшим количеством персонального, ситуативно релевантного. Доказывают, например, следующие речевые фрагменты: – *Ihr derzeitiges Benehmen zeugt weder von gutem Charakter, noch von hohen Prinzipien. – Ein unverzeihlicher Fehler, für den ich mich entschuldigen möchte.* (K-M, 177) – говорящий признает факт совершения действия, ущемляющего имидж адресата (принимает на себя ответственности за совершенное); – *Willst net einen Imbiss einnehmen, bis ich fertig bin? – Nimm`s mir nicht übel, Dirndl, aber mir schmeckt der Schmarren, den die Burgel zubereitet, so gut, wie sonst nix anderes. Darum freu` ich mich auch jedesmal darauf* (B-W, 25) – говорящий объясняет причины, оправдывающие совершение отрицательно оцениваемого действия.

4.2. Поводы для извинения. Варьирование извинения

В актах извинения говорящий имеет статус виновника (лица, совершившего действие). Но ответственность за лежащее в основе акта положение вещей может быть косвенной и касаться инцидентов, за которые говорящий несет ответственность опосредованно, например, как наставник-воспитатель, владелец и т.п., т.е. извиняются, кроме прочего, и за ущерб, нанесенный адресату поведением детей или домашних животных. В любом случае говорящий чувствует себя ответственным за произошедший инцидент и/или выражает это⁶⁵.

Конвенциональные извинения и просьбы о прощении. Типологизация поводов для извинения связана с определенными сложностями (иногда извинениям приписывается роль просто «показателей вежливости» для коррекции определенных инцидентов, затрудняющих коммуникацию [Norrick 1978: 280, 284]. Но если представить извинение как систему стратегий, то типология поводов для него выстраивается легко. Рассмотрим две ситуации, в которых осуществляется речевой акт извинения:

- (1) - *Vergebung, dass ich in Euch einen falschen Eindruck erweckt habe. – Ach, steh auf, steh auf. Ich bin nicht gekränkt (M-S, 82).*
- (2) – *Verzeiht mir, Herr, wenn ich ungefragt einen Vorschlag mache, aber wäre es nicht klüger, bis zum Morgen zu warten? – Dann eben morgen früh (M-S, 320).*

Данные ситуации во многом сходны: один человек своим поведением нарушает интересы другого человека, испытывает по этому поводу определенные эмоции (сожаление, чувство вины), сообщает об этом адресату с целью сохранить или улучшить отношения с ним. Различие между ситуациями заключается в том, что в первом случае адресанту совершенно необходимо получить положительный ответ адресата на произнесенное высказывание, а во втором – адресанту реакция адресата на извинение не требуется.

Причина этого различия может заключаться как в степени серьезности проступка, так и в характере цели, которую ставит перед собой

⁶⁵ Условие искренности соблюдается, на наш взгляд, и в этом случае, речь, однако может идти о степени интенсивности выражаемого сожаления. Н.Р. Норрик справедливо указывает на то, что небольшая интенсивность чувств при выражении этикетных формул не является показателем «эмоционального обеднения» современного общества. Эмоциональная нагрузка на индивида была бы слишком велика, если бы он в такой же мере сочувствовал эмоциональным переживаниям своих коммуникативных партнеров, как он чувствует сам [Norrick 1978: 287].

говорящий, осуществляя конкретный речевой акт. Для ситуации первого типа коммуникативной целью является получение прощения, для ситуаций второго типа – выражение сожаления по поводу своего поступка. Речевые акты, свойственные первому типу ситуаций, обозначаются лингвистами как просьбы о прощении, а речевые акты, функционирующие в условиях ситуаций второго типа, как принесение извинения [Чинова 1999: 79], или в терминах Р. Ратмайр, извинения по существу и конвенциональные извинения [Ратмайр 2003: 66]⁶⁶. Как показывает исследование, количество возможных поводов – нарушений общественных конвенций значительно меньше, чем группа поводов – личных афронт, последние, кроме того, считаются более вескими, чем нарушения социальных норм и правил [Fraser 1981: 267].

Конвенциональные извинения. Конвенциональные извинения произносятся в связи с незначительными нарушениями этикета и могут состоять из одной минимальной формулы извинения – глагола в императиве), они служат для сохранения социальной гармонии в определенном обществе и характеризуют говорящего как адекватного члена социума, соблюдающего его правила. Поводами для конвенциональных извинений могут служить, например, прерывание разговора (*Oh, ich bitte um Entschuldigung. Störe ich bei einer Besprechung?* (M-S, 362)) или неумение владеть собой (*O Gott, zittern mir die Knie. Was müssen Sie von mir denken, entschuldigen Sie bitte* (H-M, 270)), недостаточно уважительное уважение к собеседнику (*– Worüber lachst du? Doch nicht über meine Vorschläge? Vergiss nicht, im Grunde sprach ich von meinem Tod. – Verzeih, Tante* (K-VA, 55)) или нарушение договоренностей как опоздание и др. (*Entschuldigt. Ich habe eine alte Freundin getroffen und mich verquatscht* (J-K, 119)) и под.

⁶⁶ Похоже, но в иных терминах, классифицирует поводы для извинения С. Мартен-Клиф [Martens-Cleef 1991: 292], которая исходит из того, идет ли речь

1) о нарушении социальной нормы (конвенциональные извинения или принесение извинения) или
2) о нарушении границ личностной сферы адресата (просьбы о прощении или извинения по существу).

При этом С. Мартен-Клиф исключает из анализа ситуации с проспективным извинением. Фразы как *Entschuldigen Sie mal, wollen Sie mich ausreden lassen!* Или *Entschuldigen Sie, wenn ich unterbrechen muss, aber was Sie da sagen, entspricht nicht den Tatsachen!* не рассматриваются как выражение извинения, поскольку они служат, по мнению автора, не для выражения сожаления, а для выражения агрессии и вводят высказывания протеста или возражения [см. об этом также Lange 1984: 78f]. Фразы, объявляющие прерывание разговора (*Wenn Sie mich bitte einen Moment entschuldigen würden*) тоже не рассматриваются как акты извинения.

Искренние просьбы о прощении. Просьбы о прощении формулируются более пространно, чем с помощью одного иллокутивного глагола в императиве. Эти извинения требуют дифференцированной вербальной реакции (принятие извинения или минимизация причиненного ущерба) и могут быть даже отклонены. Ситуации просьб о прощении могут быть описаны как причинение серьезного материального ущерба, часто с обвинением себя (*Verzeih mir, Pedro, ich kann nicht anders. Ich habe dich abgelenkt, ich wäre schuld an allem gewesen, was hätte passieren können ...* (K-A, 33)) или причинение серьезного морального ущерба как вторжение в личную жизнь или даже как нанесение оскорбления (– *Nun, Ihr Mann ist tot, Sie sind eine Frau, das lockt die Haie an. – Ich weiß selbst, dass ich eine Frau bin, danke. <...> Es gibt aber auch weibliche Tiere unter Haien, Herr Wiedenroth. <...> Und die haben auch Zähne. – Ja, ja, ich wollte Ihnen nicht zu nahe treten* (H-M, 76)), неумение владеть собой (*Man sagt im Zorn viel und nimmt es dann doch zurück, wenn man seinen klaren Verstand wieder beisammen hat* (B-W, 41)) или недостаточное гостеприимство (*Bitte, nehmen Sie Platz. Es ist zum Frühstück nicht ganz so praktisch wie am Küchentisch, aber ich denke, es geht schon* (H-M, 130)) и др.

Причина различий между конвенциональным извинением и просьбой о прощении заключается, возможно, в том, что общественная оценка того, что хорошо и что плохо, знакома каждому члену этого общества, в то время как суждение отдельных индивидов по поводу определенного положения дел всегда индивидуально, так что чаще всего требуется указание задетого лица на его негативную оценку предшествующего действия. Как утверждает В. Ланге [Lange 1984: 71], степень тяжести проступка зависит, кроме прочего, от таких факторов, как личная дистанция, социальный статус говорящего и адресата и оценка совершенного действия; более серьезные проступки требуют большего объема коррективной деятельности.

Ретроспективные и проспективные извинения. В лингвистической литературе извинения различаются и по принципу следования до или после малефактивного действия на ретроспективное и проспективное [Лисенко 1999: 6] или превентивное в терминологии Р. Ратмайр [Ратмайр 2003: 134]. Проспективное извинение рассматривается как средство предупреждения конфликта, поскольку «такое извинение является попыткой компенсации ущерба, который может быть

потенциально нанесен слушающему» в связи с планируемым действием, наносящем ущерб его имиджу (*Sie entschuldigen bitte die Störung, Herr Sanke. Aber ich möchte nur eine Frage stellen: Ist Ihr Sohn bei Ihnen?* (K-M, 177). Ретроспективное извинение выступает средством улаживания уже произошедшего конфликта, компенсации уже нанесенного ущерба: – *Du musst nicht gekränkt sein. Ich wollte deinen Freund nicht beleidigen* (N-H, 343).

Проспективное извинение. Лисенко М.А. указывает, что проспективное извинение не может быть связано с речевыми актами, цель которых противоречит идее вежливости, то есть с актами, совершаемыми с целью «нарушить социальную гармонию» в общении (речевые акты оскорбления, выражения презрения, угрозы и др.), категоричными директивными речевыми актами и речевыми актами спонтанного выражения отрицательных эмоций по отношению к собеседнику или в его присутствии. Реализацию проспективного извинения допускают речевые акты просьбы, совета, предупреждения, напоминания и запроса информации, поскольку они являются «вторжением в сферу негативного лица слушающего, которому навязывается определенный образ действий» [Лисенко 1999: 7], например: *Verzeiht mir, mein Herr, wenn ich ungefragt einen Vorschlag mache, aber wäre es nicht klüger, bis morgen zu warten?* (M-S, 320) – речевой акт совета сопровождается извинением – принятием ответственности за совершение действия, наносящего ущерб имиджу адресата.

Встречаются случаи, когда проспективное извинение сопровождает речевые акты, «связанные с нанесением ущерба позитивному лицу слушающего: речевые акты критики, упрека, выражения несогласия, отказа, выражения жалобы, упоминание в разговоре запретных тем и тем, способных вызвать разногласия между собеседниками, речевые акты хвастовства» или акты, связанные с поведением, не соответствующим правилам кооперации (прерывание собеседника, невнимание), например: *Hören Sie zu, was geht Sie eigentlich, entschuldigen Sie die harte Frage, das Privatleben von Fräulein Klett an? Haben Sie irgendwelche Rechte auf sie?* (K-S, 58) – извинение сопровождает речевой акт критики (за вмешательство в личную жизнь объекта разговора).

Ретроспективное извинение. Ретроспективное извинение встречается значительно чаще, поскольку круг ситуаций, допускающих ретроспективное извинение, шире: практически любому действию,

ставшему причиной конфликта, может следовать речевой акт ретроспективного извинения, что логично, поскольку именно уже нанесенный ущерб требует компенсации в виде извинения. Даже в случаях нанесения оскорбления, угрозы, неконтролируемого всплеска эмоций, говорящий, переосмыслив свое поведение, пытается восстановить гармоничные отношения и обращается к ретроспективному извинению как к средству компенсации ущерба, например: *Entschuldige, Vater, weil ich den Ast abgebrochen habe (M-S, 371)* – ретроспективное извинение за нанесение материального ущерба; *Verzeihung, mein Fürst, wie ungeschickt von mir (M-S, 359)* – извинение за физические неудобства, причиненные при обработке раны адресата.

Такие и подобные действия не допускают проспективной компенсации, так как являются незапланированными, но в случае, если говорящий желает восстановить нарушенную гармонию, он извиняется за них.

М е т а к о м м у н и к а т и в н ы е и з в и н е н и я . Существует категория метакоммуникативных извинений [Ратмайр 2003: 138] или метаизвинений [Земская, Ширяев 1988: 125] – извинений, относящихся не к экстралингвистическому поведению говорящего, а к различным аспектам самого высказывания, к нарушениям норм ведения разговора. Это, как правило, вставные конструкции, включенные в более сложное высказывание, скрывающее в себе возможность конфликта и содержащие размышления говорящего о форме собственного высказывания. В фокусе метакоммуникативных извинений находится побочное перлокутивное воздействие высказываний, нарушающих принципы речевой вежливости: извинение за отказ, возражение, за вторжение в личную сферу, за отдельные нарушения в ведении диалога как перебивание партнера или употребление отдельных лексем – оговорки, грубых выражений и т.п. Примерами метакоммуникативных извинений могут служить следующие:

- Речевые акты, в процессе произнесения которых происходит нарушение постулата согласия – акты возражения, отказа, критики и т.д. – часто смягчаются извинением; говорящий сознает, что его высказывание обмануло ожидания собеседника, явилось причиной его разочарования; он извиняется именно за это разочарование, но не за само высказывание: *Tut mir wirklich leid, Frau Winkler, aber Herr Nordlohe ist in einer Besprechung. Sie hätten sich anmelden müssen (H-M, 273)* – секретарь извиняется за отказ

директора банка принять посетителя, смягчая свое высказывание формулой сожаления *Tut mir wirklich leid*.

- В высказывании *Der alte Stinkstiefel glaubt dir also nicht? Verzeihung, Sabine, aber ich muss mich erleichtern <...>* (K-A, 266) говорящий извиняется за отдельную лексему, смягчает несдержанное выражение в отношении отца присутствующей при разговоре девушки ретроспективным извинением, подчеркивая, однако, сознательный выбор такого словарного регистра.

- Извинения сопровождают также высказывания, нарушающие постулат такта, т.е. вербальное вторжение в личную сферу в форме щекотливых вопросов, например, о деталях личной жизни: *Handelt es sich – verzeih meine Frage – um einen anderen Mann?* (K-S, 52).

- Формулы извинения используются в качестве обращения к незнакомым людям, предваряя просьбы: *Verzeihen Sie, haben Sie Feuer?* (R-L, 53) или выступая как способ привлечения внимания слушающего при вступлении в разговор: *Verzeihen Sie, wir suchen jemanden! Es ist ein Notfall! Wo finden wir hier die Polizei?* (K-M, 167)

Извинения в ситуациях, подобных приведенным, рассматриваются некоторыми исследователями как чисто ритуальные, формальные, аналогичные использованию формул благодарности в качестве сигнала завершения разговора. Например, М.Л. Макаров называет такие извинения «рамочным элементом дискурса» [Макаров 2003: 186]. Данная точка зрения представляется нам спорной. С одной стороны, конечно, очевидно, что в формулах извинения в таком употреблении не вполне соблюдается условие искренности: высокая степень ритуализованности несколько десемантизирует их единицы, и идея компенсации уходит на второй план. С другой стороны, не вызывает сомнения факт, что, начиная разговор, говорящий извиняется не только для того, чтобы привлечь внимание адресата, но и для того, чтобы признать факт покушения на это внимание, навязывания партнеру необходимости вступить в разговор: *Ich muss Sie um Hilfe bitten, Sie sollen mich für meine Aufdringlichkeit/mein Einmischen/Unterbrechen ... entschuldigen*. Значение компенсации не исчезает совсем: говорящий берет на себя вину за свои действия, следуя тем самым нормам сотрудничества в общении и сохраняя лицо партнера. Значит, в метакоммуникативных извинениях происходит конкуренция функций, что позволяет отнести данные формулы к пограничной зоне

между конвенциональными извинениями и искренними просьбами о прощении.

1.3. Речевой акт извинения в составе диалогического единства

В прототипическом случае извинению предшествует неудачное или неправильное вербальное или невербальное действие говорящего, что позволяет нам характеризовать его в целом как реактивный речевой акт.

Многообразие личностей и их индивидуального мировосприятия обуславливают открытость перечня поводов для извинения, поскольку причинением ущерба может считаться любое действие в специфической прагматической ситуации при специфической расстановке сил. О некоторых поводах для извинения речь уже шла выше, здесь мы остановимся только на речевых актах, которые являются реакцией на вербальный стимул адресата.

И з в и н е н и е к а к р е а к ц и я . Непредсказуемость жизни вообще рождает непредсказуемость реакции индивида на внешнее воздействие: порой самое безобидное замечание, не предполагающее каких-либо подвохов со стороны его автора, но не учитывающее некоторые пресуппозиции, воспринимается собеседником как жестокое оскорбление, для восстановления коммуникативного «мира и согласия» в этом случае непременно должна последовать просьба партнера о прощении. Но он, в свою очередь, не всегда может сориентироваться в быстро меняющейся ситуации, поэтому адресат, не желающий открытого конфликта, вынужден, по сути, требовать извинения, поясняя причины коммуникативного сбоя или указывая на ущерб, нанесенный его лицу. Примеров таких ситуаций великое множество, примером могут служить следующие.

– *Segeln Sie alleine? – Geht Sie das etwas an? – Nein, Entschuldigung <...>* (Н-М, 87). Не имеющее никакого подтекста инициативное высказывание *Segeln Sie alleine?* рассматривается адресатом как вторжение в его личную жизнь, к которой отправитель вопроса, служащий яхт-клуба, не имеет никакого отношения. Это мнение адресат и выражает репликой *Geht Sie das etwas an?*, которая является стимулом для извинения.

Похожая ситуация общения рождает извинение в следующем речевом фрагменте: – *Diese Jugend mit ihrer Intelligenz gegen das Alter. – Ich wollte Ihnen nicht nahe treten. Der Rat war sozusagen geschäftlich* (К-М, 27).

Адресат извинения болезненно реагирует на некоторое замечание говорящего, однозначно указывая своей репликой (несмотря на обобщенную референцию), что для продолжения кооперативного общения от партнера требуется речевое действие извинения за нанесенный ущерб. Это косвенное побуждение безошибочно «прочитывается» говорящим, он правильно реагирует, восстанавливая кооперативный «мир»

Р е а к ц и я н а и з в и н е н и е . Будучи реакцией на вербальное или невербальное действие, речевой акт извинения может, в свою очередь, являться стимулом для развития сюжетной линии общения. Представленные выше поводы для извинения и реализующие их коммуникативные стратегии рождают соответственно различные диалоговые обязательства: извинения за нарушения коммуникативных постулатов и речевого этикета – метакоммуникативные извинения – исключают специфическую реакцию, а извинения за ущерб во внеязыковой среде требуют некоторой обязательной характерной ответной реплики, конвенциональной или дифференцированной (при извинении по более серьезным поводам). Таким ответом может быть согласие/отказ принять извинение или минимизация причиненного ущерба [Ратмайр 2001: 116].

Содержательно ответная реплика зависит от степени адекватности извинения, которая в свою очередь, связана с выполнением условий успешности: извинение неадекватно, если человек, причинивший ущерб, проявляет признаки неискренности, или если ущерб был причинен им намеренно. Как правило, на неадекватные извинения адресат отвечает отказом.

Реакция в виде согласия принять извинение. Прототипический случай адекватного извинения – извинение за незначительное нарушение правил хорошего тона. Идеальная ответная реплика в этом случае – это согласие его принять (*Ich verzeihe / vergebe dir, entschuldige dich*⁶⁷), однако фактически эти формулировки употребляются крайне редко и лишь в качестве извинения по серьезным поводам и при значительной дистанции между партнерами или – эксклюзивно – при общении близких людей, выполняя в этом случае ряд дополнительных функций, как, например,

⁶⁷ Во всех формах, кроме императива, глаголы *entschuldigen*, *verzeihen*, *vergeben* актантом в винительном или дательном падеже, обозначающим одушевленное лицо, выражают предоставление прощения, т.е. перлокутивное следствие просьбы о прощении:

успокоить «провинившегося», уверить его в своем добром отношении к нему, не испорченном нанесенным ущербом: – *Entschuldige und sag mir alles. Bist du mir nicht böse? – Nein, ich bin nicht böse. Ich entschuldige* (FL-S, 129).

Чаще согласие принять извинение выражается различными описательными формулами, исключаящими перформативные глаголы во избежание акцентирования внимания на серьезности причиненного ущерба с целью сохранения лица говорящего, который уже потерял некоторый авторитет сначала выполнением предосудительного действия, а затем извинением за него, например: – *Ich war blau, verstehst. – Ist vergessen* (K-S, 92) – в ситуации смущенного извинения за неадекватное поведение в состоянии алкогольного опьянения эксплицитно-перформативное согласие его принять в виде формулы **Ich verzeihe dir* выглядело бы слишком пафосным и было бы не к месту. Роль согласие принять извинение может также выполнять предложение не возвращаться больше к обсуждению произошедшего инцидента: – *<...> Es lag ja allein an mir, dass ich Sie so in Harnisch gebracht habe. Es tut mir wirklich leid, Mr. Hunter... – Wollen nicht mehr darüber sprechen, Herr Inspektor* (T-G, 47).

Если извинение не касается действительно серьезного случая, то согласие его принять не эксплицируется совсем; адресат просто принимает его к сведению и продолжает разговор, реагируя на пропозициональное содержание высказывания, например: – *Komm heraus, Kuma, dann bringe ich dich nicht um. Wenigstens nicht heute. – Schau doch nicht so böse, Hei-chan. Ich habe nur noch deine Wachsamkeit geprüft. – Und das hättest du auch getan, während ich mich ausziehe?* (M-S, 121) – извинение за случайное присутствие при совершении туалета его адресатом принимается последним, его реакция представляет собой вопрос о возможном поведении собеседника в ситуации наблюдения им более интимной части туалета.

При неравном статусном положении собеседников согласие принять этикетное извинение вышестоящего предполагается априори, высокостатусный партнер даже не считает нужным дожидаться реакции адресата, как, например, в следующем высказывании, где извинение следует за порицание нижестоящего: *Mein Lieber... Das bedarf doch keiner Erklärung. Mir scheint, Ihnen sitzt Ihre Krankheit mehr zu, als gut ist. Ich muss Ihnen das sagen, entschuldigen Sie. Zehn Tausend Arbeiter, mit deren*

Entlassung wir drohen können, sind ein größeres Druckmittel als fünftausend. <...> (K-A, 174). Речевое действие извинение является в этом случае проявлением минимального усилия говорящего сохранить «лицо» собеседника, но это совершенно очевидно этикетный, машинальный акт, выполняемый, потому что «так принято». Согласие принять извинение (ожидаемая реакция) настолько «запрограммировано» в типизированной ситуации, что отправитель продолжает говорить, не делая паузу для эксплицирования этой реакции адресатом.

Реакция в виде минимизации ущерба. Эксплицитное согласие принять извинение встречается в повседневном общении нечасто, поскольку такая реакция идентифицирует вину говорящего и равносильна порицанию, которое, как уже говорилось, является шагом на территорию собеседника и ущемляет его лицо. Этикет же требует сохранения не только лица адресата, но и авторитета говорящего, поэтому более подходящей реакцией на извинение является минимизация ущерба, причиненного неправильным поведением последнего – в особенности при извинении по незначительным поводам. Й. Ребайн [Rehbein 1972: 316] называет этот феномен «сведением к пустяку» и приводит следующие примеры: *Das war ja nicht so gemeint! Ist ja Unfug! War ja nur ein Ausrutscher von dir!* Наш анализ выявил следующие стандартные формулы минимизации ущерба: *schon gut, keine Ursache, kein Grund zur Entschuldigung, ist nicht so schlimm, ist in Ordnung, macht nichts*, употребленные, например, в следующих контекстах:

- (1) – *Tut mir leid, Mr. Centino. Wir haben Sie nicht erwartet. Stellina ist wie immer mit Mrs. Nunez nach Hause gegangen. – Ach ja, schon gut* <...> (C-W, 58);
- (2) – *Entschuldigen Sie, Fürst. Sie haben genau wie er geklungen. – Kein Grund zur Entschuldigung* (M-S, 342);
- (3) *Pedro stellte mit der rechten Hand das Radio an und kam dabei ungewollt mit Mathildes Knie in Berührung. – Verzeihung. – Keine Ursache* (K-S, 30);

При общении близких людей используются неформульные, более «интимные» минимизации, как несогласие адресата с самообвинением говорящего: – *Vergebt mir, mein Fürst, dass ich Euch so kläglich im Stich lasse. – Onkel, noch hast du mich nicht im Stich gelassen.* <...> (M-S, 181) или нивелирование причиненного ущерба: – *Vergebung, dass ich in Euch einen*

falschen Eindruck erweckt habe. – Ach, steh auf, steh auf. Ich bin nicht gekränkt (M-S, 82).

В официальных ситуациях адресат может реагировать на извинение указанием на его необязательность или преувеличенность: – *Es tut mir leid, Sir, Ihnen diese zusätzliche Last übertragen zu müssen. – Das gehört zu meinem Job, Morton (B-S, 184)* – адресат извинения считает извинение излишним, поскольку причиненный ему ущерб является неотъемлемой частью его профессиональной деятельности. Еще пример: – *Verzeihung. Anscheinend habe ich mich verlaufen, gnädiges Fräulein. Ich bitte noch einmal um Verzeihung. – Das hier ist Zimmer Nr. 308. – Also doch. Mein Zimmer (K-A, 249)* – адресат указывает на неуместность извинения, поскольку нарушение норм поведения не состоялось.

Крайним случаем является ситуация, когда человек, которому был причинен ущерб, сам считает себя провинившимся: – *Alles ist einzig und allein meine Schuld. Mene Nachlässigkeit hätte Euch beinahe das Leben gekostet <...>. – Hide, erhebe dich und lass diesen Unsinn. Hier trifft nur einen Schuld, und zwar mich. Ich habe mich so sehr daran gewöhnt, gute und treue Männer um mich zu haben, dass ich die Fähigkeit eingebüsst habe, mich selbst zu schützen. <...>(M-S, 360).* В подобных случаях нередко можно наблюдать взаимные извинения, служащие цели восстановления нормальных отношений после небольших столкновений. Примером такой ситуации может служить следующая: – *Es tut mir auch leid, dass ich mich habe so gehen lassen. Dass ich den Joker genannt habe. – Das ist nicht so schlimm, Ich habe diesen Namen so oft gehört und gelesen, dass ich ihn nicht mehr als beleidigend empfinde. Es lag ja auch allein an mir, dass ich Sie so in Harnisch gebracht habe... Es tut mir wirklich leid, Mr. Hunter... (T-G, 47).*

Реакция в виде отказа принять извинение. Отказ принять извинение является репликой, противоречащей принципам кооперативного поведения. Она оказывается более или менее уместной в зависимости от тяжести причиненного ущерба. Для личных отношений между говорящим и адресатом отказ принять извинение означает, что адресат все еще сердится или обижен, как в следующем примере, где адресат отказывается принять извинение, поскольку сомневается в его искренности (извиняющийся откровенно забавляется возмущением партнера):

–Ihr derzeitiges Benehmen zeugt weder vom guten Charakter noch von hohen Prinzipien.

- *Ein unverzeihlicher Fehler von mir, wofür ich mich entschuldigen möchte.*
- *Das würde ich ja gern, wenn da nicht Euer amüsiertes Lächeln wäre (M-S, 368).*

Перспективные (превентивные) извинения не требуют в ответ никаких обязательных реплик. Напротив, объявленное таким образом нарушение правил хорошего тона совершается при одном и том же говорящем и в некоторых случаях – одновременно с извинением. Ни в одном из засвидетельствованных примеров адресат не отвечает на перспективное извинение ни в форме прощения, ни в форме минимизации предварительно заявляемого ущерба. Наиболее частым поводом для перспективного извинения является нарушения порядка или покоя. В следующем примере в ситуации официального общения говорящий извиняется за свои действия, предполагая, что они могут быть малефактивными; адресат реагирует на содержание, включенное в пропозициональную часть высказывания: – *Entschuldigen Sie, wenn ich Sie störe, Frau Winkler, aber Herr Waffel hat es plötzlich sehr eilig. Er will morgen die Firma mit Ihnen besichtigen. – Haben Sie mit ihm selbst gesprochen? (H-M, 199).*

4.4. Формирование смысла речевых актов извинения

Природа речевых актов извинения определяет доминирование операторов порождения интенционального смысла, в первую очередь прототипно-ядерной эксплицитной формы выражения – адресат извинения должен безошибочно определить тип речевого действия, это важно для говорящего, искренне желающего убедить партнера в своей доброжелательности и непреднамеренности нанесенного ущерба.

4.4.1. Ф о р м и р о в а н и е и н т е н ц и о н а л ь н о г о
с м ы с л а р е ч е в ы х а к т о в и з в и н е н и я . В основе прямых речевых актов извинения находится полная матричная формула *Ich bitte Sie/dich um Entschuldigung für x* с императивным вариантом *Entschuldige/n Sie mich für x*. Последний является даже более популярным в связи с его простотой и меньшим уроном для авторитета говорящего (при произнесении перформативной просьбы *ich bitte um...* говорящему приходится больше «прогнуться», чем при просьбе-побуждении). Императивный вариант просьбы о прощении мы рассматриваем как

особую форму имплицитно-перформативных высказываний, в которых называющий речевое действие глагол находится в вербализованной части: (*Ich bitte dich für x um Entschuldigung, indem ich sage:*) *Entschuldige mich.*

Самым частотным оператором порождения интенционального смысла в эксплицитных извинениях являются перформативные глаголы *entschuldigen*, *verzeihen* и *vergeben*, а также их номинализации *Entschuldigung*, *Verzeihung*, *Vergebung*. При изолированном употреблении глаголов извинения или их номинализаций говорящий исходит из того, что повод для извинения входит в прагматическую пресуппозицию и адресат знает, к чему относится извинение, например: – *Der Verräter ist weder Fürst, noch hat er einen Namen. – Verzeihung.* (M-S, 366). В приведенном примере в пресуппозиции находится причина просьбы о прощении: говорящий нарушил традиции социальной группы, к которой он принадлежит, в этом состоит его вина, за это он просит прощения.

Фактором, который определяет выбор перформативного синонима, может считаться значимость события, его последствий для участников коммуникации. За незначительный проступок, за беспокойство, просьбы, нарушение правил приличия говорящий извиняется, употребляя формулы *verzeih/en Sie*, *entschuldige/n Sie*. За действия, поступки, которые имели для адресата серьезные последствия или повлияли на его жизнь, и/или при очень большой разнице в социальном статусе говорящий извиняется, употребляя формулы *vergib/vergeben Sie*.

Перформативный глагол и его номинализованные варианты конвенционально употребляются соответственно в двух возможных модусах – императиве, настойчиво побуждающем адресата принять извинение (*Ich weiß, es klingt gemein, entschuldige* (FL-S, 58)) и индикативе (*Jetzt bin ich ganz für Sie da, Signora. Bitte mehrmals um Vergebung* (FL-S, 83)). Второй вариант извинения – индикатив номинализованных форм (*um Entschuldigung/ Verzeihung/Vergebung bitten*) стал настолько привычным, что в абсолютном большинстве случаев его употребления «теряет» глагольную часть и функционирует как формула, произносимая бессознательно, автоматически, почти как междометие в ситуации совершения некоторого малозначительного нарушения: *Tschuldigung, Chef. Wir nehmen jetzt die Couch, wenn's recht ist* (M-H, 12).

Но встречаются случаи, когда перформативный глагол употребляется неконвенционально, в форме настоящего времени

индикатив: *Mein Englisch ist nicht gut. Ich entschuldige mich dafür* (M-S, 98). Об аналогичных случаях употребления в русском языке интересно пишет Р. Ратмайр [Ратмайр 2003: 77], опираясь на мнение авторитетных ученых, причисляющих такое функционирование перформативного глагола «извинять» к литературному просторечью [Ушаков 2007: 1148], утверждающих, что «говорить «извиняюсь» – нескромно, потому что тем самым человек извиняет сам себя» [Колесов 1988: 2342]. Наши наблюдения показывают ненейтральность такого формоупотребления: высказывание (как правило, ассертивное) приобретает категорично-констативный характер, не допускающий сомнений в результате речевого действия, то есть в его перлокутивном эффекте. Говорящий не просит прощения, а декларирует его получение, будучи уверенным в невозможности иного исхода ситуации, в лояльности адресата, в малозначительности нарушения: *Du wirst verzeihen, wenn ich nachher mit Papa über diese Dinge spreche* (K-A, 19). Такая форма может быть естественной в ситуации «положенного» этикетного извинения, приносимого лицом, имеющим компетенцию причинять адресату некоторый виртуальный ущерб, «вторгаться» на его территорию, требуя, например, определенных форм поведения и внешности: *Monsieur, Sie werden verzeihen, aber Madam de Vochard legt einigen Wert auf Formen, wenigstens zur Tafel* (ET-S) – речевой акт извинения предваряет требование определенной формы одежды во время обеда в доме высшего дворянства, он совершается старым слугой, являющимся, по сути, распорядителем дома, и адресован детективу, не особенно заботящемуся о своих манерах. Аналогичными приведенной являются ситуации, где адресат вынужден прервать разговор или уйти, констативная форма извинения оправданы в этом случае очевидной для говорящего важностью повода для нарушения. Для формального сохранения видимости просьбы о прощении иногда употребляется слово *bitte*, смягчающее категоричность речевого акта: *Und jetzt entschuldigst du mich bitte*⁶⁸. *Ich habe eine Verabredung <...>* (J-K, 139); *Sie entschuldigen bitte die Störung, Herr Sanke. Aber ich möchte nur eine Frage stellen <...>* (K-M, 177). Для усиления, интенсификации перлокутивного эффекта употребляется модальная частица *doch*, эксплицирующая

⁶⁸ Р. Ратмайр рассматривает такие высказывания не как речевые акты извинения, а как декларацию своего ухода и окончание коммуникативного акта [Ратмайр 2003: 79].

уверенность говорящего в получении прощения: *Du entschuldigst mich doch? <...> (FL-S, 13)*

Императив глаголов *entschuldigen*, *verzeihen*, *vergeben* часто сопровождаются различными иллокутивно существенными дополнениями, к которым относятся, в первую очередь, антропокомпоненты – обозначения говорящего и адресата. В силу особенностей синтаксической структуры, оба антропокомпонента могут присутствовать в высказывании с иллокутивным глаголом только в форме вежливого обращения (*Entschuldigen Sie mich*, *Verzeihen Sie mir*), при этом указание на говорящего факультативно и придает высказыванию особую значимость, сокращает дистанцию между говорящими, выражает доверие и близость, человеческое тепло и сердечность, как в следующем примере: – *Was habe ich Ihnen gesagt? Wer kennt dieses Refugium hier? Niemand. Aber nun sehe ich, dass Sie mir nicht glauben, Marianne... – Doch. Ich wollte es nur noch einmal hören, verzeihen Sie mir, Ralf (K-S, 50).*

Появление антропокомпонентов в высказывании извинения в некоторых случаях превращает его в процесс определения ролей собеседников: как правило, люди, имеющие более низкий социальный или ситуативный статус, придают большое значение нанесенному адресату ущербу (даже если он объективно незначителен, как, например, вынужденное прерывание разговора) и подчеркивают признание своей вины, эксплицитно называя себя в качестве субъекта нанесения ущерба: *Verzeiht mir. Inzwischen habe ich mich an seinen Zustand so gewöhnt, dass ich vergaß, Euch zu warnen (M-S, 144)* – извинение слуги за неприятный запах от находящегося под его опекой больного. При более высоком социальном или ситуативном статусе извиняющегося он, как показал языковой материал, избегает эксплицитного признания вины: служебные обязательства расцениваются им как более важные, чем обязательства перед адресатом. Извинения с указанием на говорящего в таких случаях можно рассматривать как косвенную форму побуждения прервать разговор, покинуть помещение (часто в форме изъявительного наклонения): *Das überlassen Sie bitte den zuständigen Experten, Pater, wie ich Ihnen als Experte das Wort Gottes überlasse! Ich habe gleich eine Konferenz. Sie entschuldigen mich – (K-A, 83).*

Нередко перформативные глаголы извинения модализируются – используются в сочетании с модальными глаголами, превращаясь в

скрытые перформативы, формируя тонкий слой модального смысла. Это происходит в случаях, когда речь идет об извинении за инцидент, произошедший какое-то время назад, а не непосредственно перед моментом речи.

Модальный глагол *müssen* интенсифицирует просьбу о прощении, поскольку его употребление как бы выявляет объективность вины: она признается как столь очевидная или значительная, что извинение в этом случае неизбежно. В нижеприведенном примере высокомерный директор музея, из которого была совершена кража, вынужден извиниться за грубость в отношении работника сыскной полиции, блестяще раскрывшего преступление, в деловых качествах которого он напрасно сомневался.: – *Ich... hm..., ich...na ja, ich hatte eben keinen guten Eindruck von ihm. Würde mich wohl entschuldigen müssen* (T-G, 62).

Модальный глагол *können* встречается в просьбах о прощении, выраженных в форме вопроса. Такие высказывания представляют собой запрос о возможности и способности адресата совершить действие (простить причинение ущерба), говорящий очень заинтересован в исполнении действия и наступлении желаемого перлокутивного эффекта, поскольку от этого зависит состояние его отношений с адресатом: *Ich war doch so ein Schaf und ich schwöre dir, dass ich nie, nie mehr davonlaufen werde. Kannst du mir meine Dummheit noch einmal verzeihen?* (K-S, 95). В ассертивных высказываниях извинения глагол *können* показывает обезоруживающе безоговорочное признание говорящим своей вины, он осознает меру тяжести нанесенного им ущерба и смиренно констатирует ограниченность своей компетенции только просьбой о прощении: *Wir hatten uns viel zu erzählen, Herr Konradi, ich kann Sie nur bitten, uns zu verzeihen* (K-M, 181) – извинение адресовано незадачливым женихом отцу своей невесты, поводом для него является переполох, вызванный поздней ночной прогулкой влюбленной пары.

Используя модальный глагол *mögen* (*möchte*), говорящий вербализует очень деликатную просьбу о прощении, облакая ее в форму выражения намерения: – *Ihr derzeitiges Benehmen zeugt weder von gutem Charakter, noch von hohen Prinzipien. – Ein unverzeihlicher Fehler, für den ich mich entschuldigen möchte.* (K-M, 177)

Увеличение иллокутивной силы извинения и выражение реляционного смысла достигается использованием обращений, которые и

в этих речевых актах одновременно выполняют функцию адресации и функцию регулирования отношений между говорящим и слушающим, свидетельствуя, как правило, о расположении говорящего к адресату: – *Entschuldigen Sie, Fürst, Sie haben ganz genau wie er geklungen* (M-S, 342); *Entschuldige, Papa. Das Gerede führt zu nichts* (N-H, 340). В ситуациях искренней просьбы о прощении имя часто ставится в форму, свойственную неофициальному общению, превращаясь практически в комплиментарный вокатив, при этом широко употребляются различные экспрессивные суффиксы (*Und wie ich mich schäme! Ich bin ganz zerknirscht. Bebsy, Süße, verzeih mir* (K-VA, 31).

Модифицирующими операторами, сопровождающими выражение интенции извинения, являются слово *bitte*, междометия: *Bitte, nehmt meine Entschuldigung an und verschont meine Eltern* (M-S, 277) – слово *bitte* уже своей семантикой (оно является сокращенным вариантом слова *bitten*, превратившимся в конвенциональную формулу просьбы) указывает на интенсивность просьбы о прощении и милости за причиненный ущерб.

Междометия в высказываниях извинения выводят на поверхность эмоциональный смысл, актуализирующий эмоции испуга от неожиданности причиняемого ущерба, экспликация которых, в свою очередь, свидетельствует о ненамеренности соответствующего действия: *Oh, ich bitte um Entschuldigung. Störe ich bei einer Besprechung?* (M-S, 362).

Важным оператором порождения оттенков интенционального смысла являются наречия, интенсифицирующие и модифицирующие извинение. Например, наречие *untertänigst* подчеркивает более низкий социальный статус извиняющегося и, следовательно, более интенсивную просьбу о прощении: *Ich bitte untertänigst um Verzeihung, Fürst* (M-S, 25). Использованием наречий *wirklich, ehrlich, echt, aufrichtig* говорящий заверяет адресата в искренности испытываемых им чувств: <...> *Wofür ich mich richtig entschuldige* (M-S, 413); наречие *sehr* подчеркивает чувство неловкости адресата и его оценку ситуации – повода для извинения как очень неприятной: *Ich bitte Sie sehr um Verzeihung* (W-M, 56).

В. Ланге [Lange 1984: 79] обратил внимание на интенсификацию извинения наречием *vielmals*, например: *Mein Gott, James ... Entschuldige ... entschuldige vielmals* (L-E). Это выражение, часто используемое в разговорной речи, давно известно своей нелогичностью: нельзя требовать от человека, чтобы он много раз извинил коммуникативного партнера, но

можно много раз просить его об этом. Правильно было бы сказать *Ich bitte vielmals um Entschuldigung* [Duden 1972; s.v. entschuldigen]. В. Ланге объясняет эту нелогичность тем, что наречие *vielmals*, являясь очень удобным средством интенсификации побуждения, просто «перекочевало» по принципу аналогичного уподобления из официальной формы *ich bitte vielmals um Entschuldigung* в идентичное по значению, но менее официальное *Entschuldige/n Sie vielmals*.

4.4.2. Ф о р м и р о в а н и е п р о п о з и ц и о н а л ь н о г о
с м ы с л а р е ч е в ы х а к т о в и з в и н е н и я . Пропозициональная часть высказываний извинения включает распространенное или свернутое описание вины, ставшей поводом для совершения этого речевого акта. Оператором выражения пропозиционального смысла в свернутой пропозициональной части является существительное в винительном падеже без предлога: *Vergebt mir mein Eindringen zur Unzeit, mein Fürst* (M-S, 265) или (значительно реже) существительным в винительном падеже с предлогом *für*, которое заменяется местоименным наречием при указании вины в пресуппозиции высказывания извинения: *Für mein allzu pünktliches Erscheinen bitte ich um Entschuldigung* (L-G, 119); *Mein Englisch ist nicht gut. Entschuldigen Sie mich dafür* (M-D, 97).

Развернутое описание вины приводится в форме придаточного дополнительного предложения с союзом *dass*: *Verzeiht mir, dass ich widerspreche, Fürst Kawakami. Meiner Ansicht nach ist es korrekt, wenn Euch Fürst Shigeru das Betreten verweigert* (M-S, 223) или придаточного дополнительного бессоюзного предложения: *Vergebt uns, Fürst Kudo, wir sind auf Shigerus Ruf eingefallen* (M-S, 328).

Часто нарушение – повод для извинения – описывается условным придаточным предложением с союзом *wenn*, которое представляет собой особый случай минимизации вины самим говорящим, повод для извинения в нем как будто бы ставится под сомнение: *Verzeihen Sie, mein Herr, wenn ich daran zweifle* (M-S, 413). Такие высказывания представляют собой извинение «на всякий случай», говорящий готов к реакции адресата, которая оправдывает его, снимет принятую им на себя вину.

Наконец, еще одна распространенная форма выражения пропозиции извинения – предложение, присоединенное к иллокутивной части противительным союзом *aber*: *Verzeihen Sie, Pater, aber irgendwie sehen Sie mich hilflos* <...> (K-A, 25). Очевидна грамматическая специфика таких

высказываний извинения: союз вводит противопоставление, мотив которого не назван прямо, а имплицирован и выводится путем несложных инференций: *Verzeihen Sie, Pater, aber irgendwie sehen Sie mich hilflos → Ich sollte stark sein, aber die Umstände zwingen mich, hilflos zu sein, dafür bitte ich Sie um Vertzeihung.* Следует констатировать, что с помощью союза *aber* происходит компрессия важной части высказывания *die Umstände zwingen mich benifificent zu handeln*, имплицированное целое предложение. Результатом такой «нетрадиционной» связи является, естественно, языковая экономия, но ею вопрос не исчерпывается: перед нами разрыв привычной формальной связи между отдельными звеньями высказывания. Такая взаимосвязь частей не соответствует синтаксической норме, неожиданная последовательность синтаксических единиц или их опущение часто выражают эмоциональное напряжение, она характерна для эмфатической речи, выражения эмотивного смысла. Это своеобразная фигура речи: просьба о прощении получает необычное смысловое продолжение: *Verzeihen Sie, aber welcher Art sind Ihre Beziehungen zu dieser Signora Dosio? (FL-S, 99) → Verzeihen Sie (mir die indiskrete Frage), aber (dienstlich bin ich gezwungen sie doch zu stellen und ich frage Sie also), welcher Art sind Ihre Beziehungen zu dieser Signora Dosio?* – вопросительная часть приведенного высказывания лишена своей вводящей половины (она представлена имплицитно) и приобретает усеченный вид.

4.4.3. **Формирование смысла в косвенных и з в и н е н и я х .** Выражение интенционального смысла в высказываниях косвенного извинения осложняется экспликацией эмоционально-оценочного компонента смысла, который покидает «задний угол» и занимает более престижное место в смысловой иерархии. Эмоциональная оценка проявляется в поверхностной структуре высказывания выражением сожаления по поводу причинения ущерба, признанием своей вины, предложением возместить ущерб, ссылкой на ненамеренность действия.

Выражение косвенного извинения в форме сожаления (*tut mir leid, ich bedauere, leider, bedauerlicherweise dummerweise* и т.д.) – продуктивный речевой акт в немецком языке. Отличие косвенного извинения от прямых высказываний сожаления по поводу неблагоприятного стечения обстоятельств, причиной которого послужил не говорящий (*Tut mir leid, wenn dich das alles so mitnimmt, Ich kann dir auch nur sagen, was sich so tut <...> (B-W, 39)*), при этом заключается в том, что такие высказывания,

следующие за неудачным результатом действий, выражают как раз отказ говорящего взять на себя вину за произошедшее. Формула *Tut mir leid* и ее синонимы в таком случае – выражение смирения с ситуацией, которую уже нельзя изменить: *Ein Jammer, dass Bessie kurz vor Weihnachten sterben musste, und sie hatte das Fest doch so gern* (C-W, 27). Извинение, напротив, выражает не покорность обстоятельствам, а попытку изменить оценку неверного действия на положительную: <...> *Tut mir leid, Mr. Clark, dass gerade ich es bin, der Ihnen sicherlich nicht gerade angenehme Nachricht übermittelt. Aber morgen hätten Sie es in allen Zeitungen lesen können* (T-G, 14). Так же как и эксплицитное извинение, косвенное извинение-сожаление может выразиться по поводу вербальных или невербальных действий говорящего, причинивших ущерб: – *Wir sind da, Miss. – Ach, tut mir leid* (C-W, 45) – извинение за невнимательность, говорящая не услышала, задумавшись, что таксист уже дважды повторил просьбу расплатиться; – *Es tut mir leid, dass ich Sie damit belästigen muss* <...> (C-W, 122) – извинение за необходимость обращения к адресату с просьбой, оно сопровождается аргументацией – указанием на причины действия, причиняющего ущерб.

В. Ланге указывает на интересный дейктический феномен: вместо *Das tut mir leid* используется *Es tut mir leid*. Во втором варианте В. Ланге видит больше выражения раскаяния, чем в сожалении с элементом, непосредственно направленном на собственное поведение. Формула *Du tust mir leid* используется только в речевых актах сочувствия [Lange 1984: 96].

Косвенные извинения в форме высказываний признания собственной ответственности и вины и объяснения причин действий, вызывающих чувство вины, могут быть практически неограниченно разнообразны⁶⁹. Поскольку сознание вины является условием успешности речевого акта извинения и, следовательно, предпосылкой для всякого извинения, то в повседневной коммуникации эксплицитное признание вины может быть использовано в функции полноценного извинения: *Alles ist einzig und allein*

⁶⁹ Мы рассматриваем высказывания, в которых говорящий берет на себя ответственность за происшествие, объясняет свои действия или оправдывается за них, предлагает компенсацию нанесенного ущерба, или в которых он снижает тяжесть проступка или отрицает его, как извинения (см. также [House, Vollmer 1988: 129]). С. Мартен-Клиф рассматривает все перечисленное только как дополнения к собственно извинению, для которого, как указывалось выше, характерны признание вины и чувство сожаления.

meine Schuld. Meine Nachlässigkeit hätte Euch beinahe das Leben gekostet <...> (M-S, 360). Признанием вины может служить, например, негативная оценка говорящим самого себя и своего поступка: – *Das war eine Falle, glaub mir, ich kann nichts anderes sagen. – Ich verstehe nicht, dass ich je daran zweifeln konnte, Liebling* (K-A, 261) – говорящая косвенно извиняется за недоверие своему возлюбленному, негативно оценивая свои сомнения в его верности и глубоко раскаиваясь в своих предшествующих действиях. Признание вины сопровождается часто ссылкой на ненамеренность произошедшего: *Es geschah in der Hitze des Gefechts. Ich habe jede Disziplin verloren. Das war unverzeihlich* (M-S, 302) – извинение за поражение в боевом состязании, включающее признание своей вины (*Ich habe jede Disziplin verloren*), ссылку на ненамеренность причиненного ущерба (*Es geschah in der Hitze des Gefechts*) и оценку степени тяжести своего проступка (*Das war unverzeihlich*).

Продуктивным языковым показателем наличия извинения в пропозициональной части высказывания является словосочетание *übel nehmen*, которое можно рассматривать как включающее имплицитную просьбу о прощении и не обижаться, поскольку причинившее ущерб действие было ненамеренным и не имело целью нанесения обиды: – *Dein Butler hat mir 'ne Menge Geld gepumpt. Ich möchte es dir zurückgeben, Gordon... – Lex Franklin ist ein Idiot! Du darfst es ihm nicht über nehmen, Tom. Er hat sich eben durch deinen... hm ... etwas mitgenommenen Anzug verwirren lassen* (T-G, 20). В приведенном примере говорящий извиняется за поведение своего слуги, принявшего гостя за нищего. При этом объяснение причины, приведшей к неприятному инциденту, включает косвенное обвинение адресата в неопрятности, являющееся, по сути дела, перекладыванием вины.

* * *

В качестве вывода из сказанного об извинении следует отметить сильную формализованность этого речевого действия, его обязательность в релевантных ситуациях, это мнение доказывается непродуктивностью неконвенциональных косвенных речевых актов извинения. Обязательная эксплицитность только иллокутивной части высказывания (говорящему важно совершить вербальный поклон для сохранения добрых отношений с партнером, продемонстрировать желание компенсировать нанесенный ущерб) и опущение пропозициональной части (вина говорящего является

прагматической пресуппозицией) подчеркивает важность и интенсивность выражения интенционального компонента смысла, который в тесном переплетении с реляционным смыслом доминирует в рассматриваемых речевых актах, подчиняя себе все остальные. Эмоциональный и оценочный элементарные смыслы остаются чаще всего не востребуемыми (за исключением очень искренней просьбы о прощении за серьезный проступок) и находятся в ситуативно «невысвеченной» части смыслового единства, хотя и в степени готовности к актуализации при первой необходимости.

Заключение

Концептуально-методологическую основу настоящего монографического исследования определяют объяснительные принципы сформировавшейся во второй половине 20 века деятельностной парадигмы смысла (деятельность, антропоцентризм, функционализм). Смысл, погруженный в мир человеческой субъективности, признается важнейшей интенцией деятельной сущности человека. Основы для появления деятельностной парадигмы были созданы предшествующими ей научными направлениями, концентрировавшими свое внимание на знаке (слове, предложении) без учета их функционирования в живой речи. Актуализированный ими объективный аспект смысла, его связь с реальностью, с внешним миром отнюдь не элиминируется в деятельностной парадигме, но он «снимается» в новом подходе, где под снятием следует понимать включение или погружение объективности в структуру человеческой активности, т.е. в сферу интересов, мотивов, намерений, целей деятельного субъекта.

Основной функциональной единицей деятельностной парадигмы является речевой акт, который трактуется как действие, поскольку в нем говорящий планомерно осуществляет свои цели и намерения для достижения определенного результата. Важным компонентом структуры речевого акта является (наряду с локуцией и перлокуцией) понятие иллокутивного акта, соотносящееся с коммуникативным намерением или интенцией говорящего, которая обнаруживает себя, прежде всего благодаря конвенциональности своего выражения. Вместе с тем смысловая простота и однозначность присуща отнюдь не всем высказываниям естественного языка, буквальное значение и заложенный в высказывании смысл могут расходиться, рождая косвенные речевые акты. Причиной такого расхождения бывает необходимость соблюдения определенных социокультурных условий и традиций, установленных в обществе норм (моральных, правовых, профессиональных, религиозных). Относительно скрытых, глубоко имманентных интенций и намерений говорящего адресат может делать лишь некоторые предположения, исходя из стереотипных установок о том, что чувствуют или как ведут себя люди в определенных обстоятельствах.

Языковой репрезентацией всего многообразия различных видов речевых актов является высказывание, представляющее собой коммуникативную единицу, законченную со стороны содержания и характеризующую грамматической и смысловой структурой, в идеальном случае равную актуализованному в речи предложению, но «обрастающему» в речи дополнительными признаками, различными коннотациями, новым смыслом. В настоящем исследовании высказывание понимается широко – как законченный отрезок речи, объединенный единым интенциональным комплексом, характеризующийся единой смысловой структурой, оно не обязательно ограничивается одним, а может охватывать несколько предложений.

Априорным положением исследования является положение о преобладании диалогической формы речи, предполагающее, что цель общения задает общую стратегию диалога и тип взаимодействия (сотрудничество или конфронтация), тактические ходы участников диалога, характер их речевых действий на основании выбранной стратегии. При определении типа диалогического взаимодействия исследователями принимаются во внимание также социальные роли партнеров, различные социальные параметры, степень официальности и некоторые другие характеристики, исходя из которых диалогический дискурс как «космос» формирования смысла определяется в настоящем исследовании как продукт совместной речевой деятельности не менее двух индивидов, которые обязательно непосредственно присутствуют в контексте высказывания и ситуации.

Основной единицей диалога является акт речевого взаимодействия, соответствующий однократному обмену коммуникативными актами, акцией и реакцией, который в исследовании традиционно называется диалогическим единством. Сложная, неоднозначная природа и структура речевого взаимодействия наиболее полно проявляется в ситуации общения, представляющей собой класс социально культурных признаков, определяющих общение: происходящие действия, место и обстановка общения, участники в различных коммуникативных, социальных и институциональных ролях, а также их ментальные репрезентации: цели, знания, мнения, отношения и идеологии. Ситуация общения детерминирует выбор коммуникативной стратегии и соответствующего ей типа речевого акта, выражение в нем различных прагматических значений,

формирование смысла высказывания в целом. Ситуация является, с одной стороны, источником общения и оформляющей его декорацией, а с другой стороны, элементом дискурса, имеющим абсолютную власть над языковым воплощением смысла, она способна «развернуть» интерпретацию буквального значения высказывания в предусмотренном говорящим направлении.

Многогранная ситуативная информация, являющаяся фоном процесса общения, задает комплексный характер смысла высказывания, представляющего собой универсальный набор смежных единичных смыслов, взаимодействующих между собой. Одни из этих элементарных смыслов случайны, другие наиболее частотны, характерны, что позволяет программировать их появление в том или ином контексте. Это важное положение явилось основанием для создания универсальной многокомпонентной модели смысла, обладающей признаком динамичности, трансформируемости: элементы смыслового целого способны менять свое положение в иерархии в зависимости от ситуативных условий общения и от типа речевого акта. В качестве элементарных смыслов называются пропозициональный, интенциональный, эмоциональный, оценочный и реляционный смыслы, а также модальный смысл и прагматическая компетенция, определяющая выбор соответствующих ситуации языковых форм.

Следует оговориться, что утверждение о возможности создания динамичной модели смысла не отвергает высокую форму смысловой целостности, при которой единичный смысл обретает определенность через соотношение со всеми другими смыслами, каждый элементарный смысл содержит в себе или с необходимостью предполагает всю систему смыслов в целом.

Готовность смысловых потенциалов к актуализации определяется не только прагматической ситуацией, но и специальными языковыми средствами, которыми располагает говорящий для производства речевого акта и порождения элементарных смыслов. Знание этих «кодовых ключей», названных в настоящем исследовании операторами порождения и модификации смысла, открывает адресату путь для понимания интенции говорящего и адекватной интерпретации всех актуализированных в речевом акте элементарных смыслов. Все многообразие маркеров смысла классифицируется в исследовании на основании критерия функциональной

доминантности оператора при формировании определенного смыслового слоя, в соответствии с которым выделяются группы операторов порождения пропозиционального смысла (программы семантической согласованности, лексической сочетаемости, синтаксического управления), операторов порождения интенционального смысла (перформативные глаголы и перформативные формулы, коммуникативные типы предложения, речевые стратегии косвенного выражения интенции) и его модальной модификации (модальные глаголы, частицы и слова) и операторов порождения эмотивного смысла (эмоционально-оценочная лексика, междометия, обращения, специальные синтаксические структуры, эмфатический порядок слов).

Функционирование универсальной модели смысла рассматривается в приложении к одному из наиболее распространенных в повседневном общении типов речевых актов – речевых актов извинения, появляющихся в социально-ритуальном типе дискурса и поэтому тесно связанных с конвенциональными, регламентированными обществом формами взаимодействия – в том числе и речевого. Анализ показал, что извинения в той или иной степени подчинены правилам и повторяют с незначительными модификациями то, что уже бесчисленное количество раз повторялось членами языкового сообщества в типизированных ситуациях. Поэтому эти речевые акты протекают, как правило, шаблонно, заученно. Порядок следования и структура отдельных речевых шагов заранее заданы центральной схемой соответствующих ритуальных действий. Это обуславливает и их языковое воплощение – коммуниканты пользуются стереотипными речевыми моделями, языковые формы которых отточены в течение столетий, они освобождают говорящих от необходимости внимательно следить за отдельными ступенями коммуникативного акта, речевой акт осуществляется автоматически, почти бессознательно. При этом ритуальный характер общения имеет преимущества не только для говорящего, но и для адресата: привычное языковое оформление высказываний требует меньше затрат на их декодирование.

В повседневном общении извинения являются «мягким» методом регулирования отношений, средством выражения уважения к партнеру в релевантных ситуациях. Такие речевые акты «смазывают» социальный механизм, оказывают влияние, воздействуя тем эффективнее, чем более

партнер нуждается в поддержке своего лица. Этой особенностью объясняется преимущественно инициативный характер извинения в интеракции, они, как правило, являются реакцией на внешний стимул, осуществляются как бы «вне речевого контекста»: извинение является реакцией на нанесение адресату ущерба. Реакции собеседников на извинение тождественны, ожидаемы, их отсутствие нарушает конвенции речевого общения и порицается.

Извинения служат говорящему, как правило, для выражения нескольких интенций, таким образом, они реализуют более или менее сложный интенциональный комплекс, где на ведущую интенцию накладываются прочие, придающие высказыванию оригинальность и искренность, оказывающие соответствующего воздействия па слушающего.

Анализ конституирования интенционального смысла извинения приводит к выводу об обязательной вербализации доминирующей интенции, эта часть смысла высказывания является самой важной для реализации социально заданных регулирующих правил кооперативного речевого поведения. Эксплицитно-перформативная выраженность интенционального смысла является неким сигналом адресату, «белым флагом» говорящего, показывающим его готовность к контактоподдержанию, его принадлежность к социализированным членам общества.

Пропозициональная часть извинения чаще всего не эксплицируется по причине ее «прозрачности» и контекстной представленности. Очевидно, что выражение пропозициональной части не играет большой роли при произнесения этих ритуальных высказываний, поскольку их суть состоит в оказании почтения собеседнику, для этого, в общем, важен не столько повод, сколько сам факт совершения речевого «поглаживания».

Анализ особенностей актуализации элементов «трехглавого» эмотивного смысла в извинениях показал их неравнозначную представленность в доминирующей позиции. Оценочный смысл «спрятан», как правило, в глубинных слоях целостного смысла высказывания и не выводится в вербализованную часть. Причиной этому является исключительный объем выражаемого интенционального смысла, который заполняет все «уголки» поверхностного смыслового слоя, не допуская, но предполагая другие элементы. Кроме того, ситуации произнесения извинений конвенциональны и предполагают совершенно

однозначно определенную оценку положения дел – повода для их совершения: извиняются за небенефактивные для адресата действия.

Особенность актуализации эмоционального смысла при совершении актов извинения заключается в том, что выражение эмоций часто сдерживается рамками ритуала, имеющего четкие правила и определяющего регламент общения. Открытое выражение эмоций выводит речевое действие за границу конвенционального, того, «как принято» и позиционирует его в сфере искренней просьбы о прощении.

Самым важным элементом эмотивного смысла в извинениях является выражение отношения говорящего к адресату, которое определяется как максимальное уважение, отличающее их от всех других речевых актов. При отсутствии уважения извинение просто не произносится, в этом случае происходит нарушение этикета, которое свидетельствует либо о намеренном нарушении общественных норм (создается новая грань смысла), либо о недостаточной прагматической компетенции говорящего.

Языковые средства, маркирующие актуализацию элементарных смыслов в извинениях, не отличаются большим разнообразием. К ним в первую очередь относятся речеактовые глаголы, модифицируемые интенсифицирующими или модализирующими операторами (модальными глаголами, наречиями образа действия). Порождение компонентов эмотивного смысла осуществляется при помощи обращений и междометий. Повышению «статуса» эмотивного смысла извинений способствует увеличение степени «комплектности» высказывания: реализация полной прототипной формулы извинений встречается в первую очередь в подчеркнуто торжественном или статусно маркированном дискурсе, где важно напомнить, что именно говорящий совершает речевой акт (и выражает тем самым симпатию к адресату), и подчеркнуть, что именно адресат и его жизненная сфера являются объектом интереса отправителя высказывания. Стратегически важным в ситуациях произнесения извинения является эксплицитное название повода для их произнесения, хотя этот элемент ритуала является избыточным и противоречит правилам речевого общения, предполагающим имплицитное упоминание самоочевидной или хорошо известной информации. Но ритуальное название повода выделяет его значимость, придает высказыванию коммуникативный объем, подчеркивает торжественность ситуации.

Косвенные речевые стратегии, как показал анализ, не пользуются популярностью при совершении извинений, поскольку задача говорящего состоит в убеждении адресата в своем благоволении и высокой степени уважения к нему. Вуалирование истинной интенции создает ненужные трудности при решении этой задачи, поэтому партнеры пользуются, как правило, прямыми, недвусмысленными средствами выражения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авоян Р.Г. Значение в языке. Философский анализ. – М.: Высшая школа, 1985. – 103 с.
2. Адамчук Т.В. Тематизация эмоций в тексте: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Морд. ГУ. – Саранск, 1996. – 197 с.
3. Аллен Дж. Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 322-362.
4. Алференко, Е.В. Семантика и прагматика отыменных междометий немецкого языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Воронеж. ГУ. – Воронеж, 1999. – 16 с.
5. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 2003. – 383 с.
7. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 52-56.
8. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 13: Логика и лингвистика (проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С. 5-40.
9. Арутюнова Н.Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 130-273.
10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
11. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Урал. ГУ, 1989. – 182 с.
12. Балаян А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1971. – 19 с.
13. Балли Ш. Язык и жизнь. – М.: URSS, 2003. – 230 с.
14. Бахтин М.М. План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского» // Контекст: [Литер. иссл.]. – М.: Наука, 1976. – С. 293- 316.
15. Бахтин М.М. Человек в мире слова. – М.: МОУ, 1995. – 139 с.
16. Безрукова А.В. Эмоциональные адъективные и субстантивные двусоставные предложения в современном английском языке: Дисс. ...

- канд. филол. наук: 10.02.04/ ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1981. – 19 с.
- 17.Белодед О.Р. Структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности высказываний благодарности: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Киев. ГУ. – Киев, 1990. – 25 с.
 - 18.Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык. – Воронеж: ВГУ, 1992. – 167 с.
 - 19.Бенвенист Э. Формальный аппарат высказывания // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. – М.: URSS, 2002. – С. 311-319.
 - 20.Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. - Т. 40. – 1981 - №4. – С. 343-355.
 - 21.Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология межлических отношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы: [Пер. с англ.]. – М.: Прогресс, 1988. – 399 с.
 - 22.Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: [Учеб. пос.]. – М.: Высшая школа, 2000. – 159 с.
 - 23.Богданов В.В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Содержательные аспекты предложения и текста: [Сб. науч. тр.]. – Калинин: КГУ, 1983. – С. 27-38.
 - 24.Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л.: ЛГУ, 1990. – 86 с.
 - 25.Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и значения языковых единиц // Филология и культура: [Тез. конф.]. – Ч. 1. – Тамбов: ТГУ, 1999. – С. 15-18.
 - 26.Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
 - 27.Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика: [Сб. ст.]. - Т. 1. - М.: РГГУ, 2001. - С. 4-13.
 - 28.Бондарко А.В. Функциональная модель грамматики (теоретические основы, итоги и перспективы) // Язык и речевая деятельность: [Сб. ст.]. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 17-30.
 - 29.Буренина Н.В. Диалог и эмотивная функция языка // Диалог о диалоге: [Сб. науч. тр.]. – Саранск: Морд. ГУ, 1991. – С. 28-35.
 - 30.Буренина Н.В. Эмоциональные конструкции английской диалогической речи: Дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Морд. ГУ. – Саранск, 1989. –

188 с.

- 31.Бюлер К. Теория языка: Репрезентативные функции языка: [Пер. с нем.]. – М.: Прогресс. Универс, 1993. – 501 с.
- 32.Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238-250.
- 33.Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
- 34.Виттгенштейн Л. Философские работы: [Пер. с нем.]. – Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 320 с.
- 35.Водяха А.А. Эмоциональная рамка высказывания: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Волг. ГПУ. – Волгоград, 1993. – 158 с.
- 36.Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательных. – М.: Наука, 1978. – 80 с.
- 37.Вольф Е.А. Функциональная семантика оценки. – М.: URSS, 2006. – 261 с.
- 38.Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Эксмо, 2003. – 1136 с.
- 39.Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
- 40.Гийому Ж., Мальдидье Д.. О новых приемах интерпретации или Проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 124-136.
- 41.Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 276-302.
- 42.Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: [Учеб. пос.]. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
- 43.Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике, - Вып. 16: Лингвистическая прагматика: [Сб. ст.], - М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
- 44.Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 67-99.
- 45.Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: [Пер. с нем.]. – М.: Прогресс, 2000. – 397 с.

46. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: Философско-гносеологический анализ. – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.
47. Даммит М. Что такое теория значения? // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.
48. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука в конце XX века: [Сб. ст.]. – М.: РГГУ, 1995. – С. 239-320.
49. Долинин К.А. Лингво-семиотические основы интерпретации прозаического художественного текста (французский язык): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / АН СССР, Ин-т языкозн. – М., 1989. – 46 с.
50. Жучкова Н.Ф. Грамматические особенности эмоциональных структур в составе речевых комплексов: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1984. – 215 с.
51. Звегинцев В.А. Смысл и значение // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики: [Сб. ст.]. – М.: МГУ, 1973. – С. 91-98.
52. Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование: [Сб. ст.]. – М., 1988. – С. 121-152.
53. Зернецкий П.В. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: Единицы и регулятивы: [Сб. науч. тр.]. – Калинин: КГУ, 1987. – С. 89-95.
54. Зимняя И.А. Вербальное общение (психологический аспект) // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – С. 51-72.
55. Иванина Г.Н. Выражение эмоциональной оценки в современном немецком языке: Автореф. дисс.... канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПУ им. В.И. Ленина. – М., 1984. – 16 с.
56. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: МГУ, 1970. – 230 с.
57. Калентьева Т.Л. Языковое сознание как объект психолингвистического исследования // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний: [Мат. науч. конф.]. – Иркутск: ИГЛУ, 1998. – С. 71-73.
58. Каминская Э.Е. Слово и текст в динамике смыслового взаимодействия. – Новгород: НовГУ, 1998. – 134 с.
59. Кант И. Критика чистого разума: [Пер. с нем.]. – Ростов н/Д: Феникс, 648 с.

60. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ГНОЗИС, 2002. – 333 с.
61. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
62. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
63. Кашурникова Л.Д. Восклицательные предложения с эмфатическими интродукторами в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1979. – 195 с.
64. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным проблемам языкознания: (универсальное, типовое и специфическое в языке). – М.: МГУ, 1992. – 335 с.
65. Киселева Л.А. Язык как средство воздействия. – Л.: ЛГУ, 1971. – 60 с.
66. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. – Москва: ПРИОР, 1998. – 224 с.
67. Клюканов И.Е. Единицы речевой деятельности и единицы языкового общения // Языковое общение: процессы и единицы: [Сб. науч. тр.]. – Калинин: КГУ, 1988. – С. 41-47.
68. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке: [Сб. ст.]. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 303-359.
69. Коваль О. Междометная реприза, или еврейские сценарии речевого поведения. Семантика междометия языка идиш «Feh» [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://www.conf40.htm>
70. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. – Л.: Лениздат, 1988. – 271 с.
71. Колокольцева Т.Н. Современная диалогическая коммуникация и проблемы ее изучения // Вестник Волгогр. гос. ун-та. – Волгоград: ВГУ, 2006. – С. 56-66.
72. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 230 с.
73. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: УРСС, 2003. – 192 с.
74. Костенко И.В. Значение и смысл как категории когнитивной лингвистики (на материале английских и русских лексико-фразеологических единиц с общим значением «соединить») // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития: [Матер. междунар. школы-семинара по когн. лингв.]. – Тамбов:

- ТГУ, 1998. – С. 34-36.
75. Коул П. Референтная непрозрачность, атрибутивность и перформативная гипотеза // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 13: Логика и лингвистика: проблемы референции. – М.: Прогресс, 1982. – С. 391-405.
76. Кравец А.С. Структура смысла: от слова к предложению // Вестник Воронеж. ГУ. – Сер. 1: Гуманитарные науки. – №1. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 60-84.
77. Кравец А.С. Деятельностная парадигма смысла // Вестник Воронеж. ГУ. – Сер. 1: Гуманитарные науки. – №1. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 160-181.
78. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 157 с.
79. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 238 с.
80. Кучинский Г.М. Психологический анализ содержания диалога при совместном решении мыслительной задачи // Психологические исследования общения: [Сб. ст.]. – М.: Наука, 1985. – С. 252-264.
81. Леви В.Л. Искусство быть другим. – М.: Торобоан, 2003. – 384 с.
82. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
83. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
84. Лисенко М.В. Место стратегии извинения в гармонизации межличностных отношений (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 1999. – 16 с.
85. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой, прагматический аспекты). – Ростов н/Д: РГУ, 1992. – 152 с.
86. Литвищенко Г.С. Синтаксический анализ одноядерных эмотивных предложений в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1972. – 183 с.
87. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления // Проблемы семантики: [Сб. ст.]. – Новосибирск: НГУ, 1986. – 227 с.
88. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
89. Макаров М.Л. Отражение межличностных отношений во

- взаимодействии коммуникативных стратегий в диалогическом дискурсе // Прагматика и логика дискурса: [Сб. науч. тр.]. – Ижевск: УдГУ, 1991. – С. 66-73.
90. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 277 с.
91. Макколи Дж.Д. О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 10: Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 235-301.
92. Максимова С.Э. Регулятивная функция междометной реплики в диалоге: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Твер. ГУ. – Тверь, 2000. – 189 с.
93. Малинович Ю.М. Эмоционально-экспрессивные элементы синтаксиса современного немецкого языка: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / АН СССР, Ленингр. отд. Ин-та языкозн. – Л., 1990. – 34 с.
94. Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 260 с.
95. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 95-142.
96. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. – М.: Советское радио, 1978. – 292 с.
97. Минина О.Г. Речевой акт обращения с импликатурой и проблема понимания: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pn.pglu.ru
98. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 509 с.
99. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж: ВГУ, 1990. – 109 с.
100. Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков: [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://newaspomskreg.ru/intellect/f52.htm>
101. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.
102. Норман Б.Ю., Универсальное и специфическое в синтаксических моделях славянских языков. – Минск: Университетское изд., 1988. – 28 с.
103. Остин Дж. Избранное. – М.: Идея-Пресс, 1999. – 329 с.
104. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс,

1986. – С. 22-129.
105. Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
106. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985. – 271 с.
107. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
108. Панкрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней. – Минск: МГПИИЯ, 1992. – 333 с.
109. Пегина Т.П. Структурно-семантические и коммуникативные особенности междометных эмоциональных идиом: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Орл. ГУ. – Орел, 1994. – 168 с.
110. Пешковский А.М. Интонация и грамматика // Пешковский А.М. Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 177-179.
111. Пиотровская Л.А. Лингвистическая природа эмотивных высказываний: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / СПбГУ. – СПб., 1995. – 510 с.
112. Поспелова А.Г. Возможные подходы к решению проблемы эмоциональности и экспрессивности слова и предложения // Слово и предложение в структурно-семантическом аспекте: [Сб. ст.]– Л.: ЛГУ, 1985. – С. 83-90.
113. Постовалова В.И. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. – М.: Наука, 1982. – 222 с.
114. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. – М.: Триада, 1998. – 70 с.
115. Почепцов Г.Г. Основы прагматического описания предложения. – Киев: Вища школа, 1986. – 116 с.
116. Ратмайр Р. Прагматика извинения. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.
117. Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Добросвет, 1997. – 597 с.
118. Романов А.А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц: [Сб.

- науч. тр.]. – Калинин: КГУ, 1984. – С. 86-92.
119. Рыбакова М.В. Эмоциональность в системе коммуникативных типов предложения (на матер. англ. яз.): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1985. – 174 с.
120. Рыжова Л.П. Обращение как компонент коммуникативного акта: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1982. – 15 с.
121. Салькова Д.А. Синтаксические поля и семантическое моделирование (на базе значений нем. придаточных предложений). – Л.: ЛГУ, 1983. – 128 с.
122. Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, означающих поведение) // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 114-136.
123. Сергеева Т.А. Риторические вопросы как эмоциональные высказывания в немецкой диалогической речи: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / ПГТИИЯ. – Пятигорск, 1993. – 195 с.
124. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст]. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986б. – С. 170-194.
125. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст]. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986а. – С. 210-229.
126. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 18: Логический анализ языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 252-255.
127. Силин А.А. Средства описания эмоциональных состояний: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1988. – 169 с.
128. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 2004. – 35 с.
129. Сковородина С.В. Прагматика реактивных речевых актов в немецком диалогическом дискурсе (концепты «благодарность» и «извинение»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2004. – 20 с.

130. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1977. – 344 с.
131. Соловьева А.К. О некоторых общих вопросах диалога // Вопросы языкознания. – 1965. – № 6. – С. 103-110.
132. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступ. слово // Эмиль Бенвенист. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 5-16.
133. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1982. – 360 с.
134. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: ВГУ, 1985. – 170 с.
135. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 160 с.
136. Сулова М.М. Синтаксические конструкции аффекта в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИ Им. В.И. Ленина. – М., 1998. – 162 с.
137. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы: [Сб. ст.]. – Калинин: КГУ, 1988. – С. 7-13.
138. Сусов И.П. Семантическая структура предложения: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / АН СССР, Ленингр. отд. Ин-та языкознания. – Л., 1973. – 34 с.
139. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц: [Сб. ст.]. – Калинин: КГУ, 1984. – С. 3-12.
140. Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Куб. ГУ. – Краснодар, 1998. – 159 с.
141. Табурова С.К. Эмоциональный уровень мужской и женской языковой личности и средства его выражения: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / МГЛУ. – М., 1999. – 214 с.
142. Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: Благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Краснояр. ГУ. – Красноярск, 1999. – 169 с.
143. Телия В.И. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

144. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С.14-56.
145. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: [Сб. ст.]. – Л.: Наука, 1990. – 262 с.
146. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания: [Сб. ст.]. – СПб.: Наука, 1992. – 303 с.
147. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность: [Сб. ст.]. – СПб.: Наука, 1996. – 263 с.
148. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: НГПУ, 1999. – 165 с.
149. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ. – СПб.: ВВМ, 2008. – 371 с.
150. Туровская С.Н. Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект: Дисс. ... докт философии по русс. яз. / Tartu ulikooli kirjastus. – Тарту, 1997. – 137 с.
151. Уфимцева А.А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики). – М.: Наука, 1986. – 239 с.
152. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: URSS, 2004. – 205 с.
153. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: АСТ, 2007. – 912 с.
154. Федорова Л.Л. Грамматика диалога: основные категории [Электронный доступ]. – 2005. – Режим доступа: [www.dialog-21.ru/Archive/2005/Fedorova %20L/FedorovaL.htm](http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Fedorova%20L/FedorovaL.htm)
155. Фесенко Т.А. Концептуальные системы в контексте проблем менталитета // Филология и культура: [Матер. междуна. конф.]. – Тамбов: ТГУ, 1999. – С. 112-116.
156. Фомина З.Е. Лексико-семантические группы глаголов действия с эмоционально-оценочным компонентом // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка: [Сб. науч. тр.]. – Воронеж: ВГУ, 1996. – С.45-54.
157. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М.: ИЯЗ, 1998. – 291 с.
158. Франкл В. Человек в поисках смысла: [Сб. ст.: Пер. с нем. и англ.]. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

159. Фреге Г. Логические исследования: [Сб. ст.: Пер. с нем.]. – Томск: Водолей, 1997. – 127 с.
160. Худяков А.А. Семиозис простого предложения. – Архангельск: ПГУ, 2000. – 269 с.
161. Цейтлин С.Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: [Сб. ст.]. – Л.: Наука, 1990. – С. 142-156.
162. Цюра С.В. Коммуникативно-прагматические особенности высказываний извинений: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Киев. нац. лингв. ун-т. – Киев, 1994. – 14 с.
163. Чинова Л.Н. Просьба о прощении и принесение извинения // Жанры речи-2: [Темат. сб. ст.]. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 278-281.
164. Шатуновский И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка: проблема интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 155-186.
165. Шахнарович А.М. Общая психолингвистика. – М.: РОУ, 1995. – 93 с.
166. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: ВГУ, 1987. – 192 с.
167. Шаховский В.И. Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности // Общество, язык и личность: [Мат. науч. кон.]. – М.: РУДН, 1996. – С. 29-30.
168. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: [Сб. науч. тр.]. – Волгоград: ВГУ, 1995. – С. 3-15.
169. Шаховский В.И. Эмоциональная/эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации //Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: [Сб. науч. тр.].– Волгоград: Колледж, 2002. – С. 3-10.
170. Шаховский, В.И. Языковая личность в лингвистике эмоций // Языковая личность: проблемы семантики и прагматики: [Сб. науч. тр.]. – Волгоград: ВГПУ, 1997. – С. 3-10.
171. Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 2002. – №5. – С. 38-56.
172. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 10: Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 336-362.
173. Эткинд А.М. Эмоциональные компоненты самоотчетов и

- межличностных суждений // Вопросы психологии. – 1981. – № 2. – С. 106-112.
174. Юдина Н.Е. К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единств. – Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / . – М., 1973. – 179 с.
175. Янелюнайте С.С. Грамматические средства выражения эмотивности в тексте (совр. нем. яз.): Автореф. дисс.... канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1985. – 21 с.
176. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. – Л.: Просвещение, 1966. – 284 с.
177. Admoni W. Die deutsche Sprache. – München: Beck, 1970. – 322 S.
178. Altmann H. Satzmodus // J. Jacobs et al. (Hg.) Syntax. Ein internationales Handbuch zur zeitgenössischen Forschung. – Berlin u.a.: de Gruyter, 1993. – S. 1006-1029.
179. André-Larochebouvy D. Introduction à l'analyse sémiolinguistique de la conversation. – Paris: Didier, 1979. – 196 p.
180. Ballmer Th.T. Probleme der Klassifikation von Sprechakten // G. Grewendorf (Hg.): Sprechakttheorie und Semantik. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1979. – S. 247-274.
181. Bierwisch M. Semantic Structure and Illocutionary Force // Searle J.R. et al. (Eds.): Speech Act Theory and Pragmatics. – Dordrecht: Reidel, 1980. – P. 1-35.
182. Bolinger D. Degree Words. – The Hague – Paris: Mouton, 1972. – 324 p.
183. Boss M. Is Psychotherapy Rational or Rationalistic? // Review. of Existential Psychology and Psychiatry. – Vol. 19. – 1988. – P. 115-127.
184. Braun F., Kohz A., Schubert K., Anrede Forschung: kommentierte Bibliographie zur Soziolinguistik der Anrede. – Tübingen: Narr, 1986. – 404 S.
185. Braun F. Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures. – Berlin: de Gruyter, 1988. – 372 p.
186. Brauße U. Lexikalische Funktionen der Synsemantika. – Tübingen: Narr, 1994. – 194 S.
187. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – Düsseldorf: Schwann, 1971. – 939 S.
188. Brown P., Yule G. Discourse Analysis. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – 288 p.
189. Brown P., Levinson S. Politeness – Some Universals in Language Usage. –

- Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
190. Burger H. Interjektionen // H. Sitta (Hg.): Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – S. 53-69.
191. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. – 2., unver. Aufl. – Stuttgart: Fischer, 1965. – 434 S.
192. Calhoun C., Solomon R., What is an Emotion? Classic Readings in Philosophical Psychology. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 1984. – 358 p.
193. Coulmas F. Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik. – Wiesbaden: Athenaion, 1981. – 262 S.
194. Coulthard M. An Introduction in Discourse Analysis. – London: Longman, 1985. – 195 p.
195. Craig, R.T. Communication // T.O. Sloane (Ed.): Encyclopedia of Rhetoric. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 2001. – P. 125-137.
196. Craig E. Footnotes to M. Heidegger. On Adequate Understanding of Daseinsanalysis // E. Craig, C. Aanstoos (Eds.): Psychotherapy for Freedom (A Special Issue of The Humanistic Psychologist). – 1988. – Nr. 1. – V. 16. – P. 92-98.
197. Davies E.C. On the Semantics of Syntax: Mood and Condition in English. – Atlantic Highlands (N.J.): Humanities Press; London: Groom Helm, 1979. – P. 12-24.
198. Dijk T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. – The Hague: Mouton, 1981. – 331 p.
199. Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Mannheim et al.: Dudenverlag, 1984. – 804 S.
200. Duden: Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – Mannheim et al.: Dudenverlag, 1989. – 839 S.
201. Duden: PC-Bibliothek. Version 2.0. – Mannheim: Bibliographisches Institut, 2000.
202. Duden: Zweifelsfälle der deutschen Sprache. – Mannheim et al.: Dudenverlag, 1972. – 764 S.
203. Edmondson W.J. Routinisierte Elemente im fremdsprachlichen Diskurs // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. – Paderborn: Schöningh, 1983. – S. 3-30.
204. Ehlich K. Interjektionen. – Tübingen: Niemeyer, 1986. – 314 S.
205. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. – Stuttgart: J.B. Metzler, 1989. – 576 S.

206. Firth J.R. *Papers in Linguistics (1937-1951)*. – London: Oxford Univ. Press, 1969. – 233 p.
207. Fraser B. *Hedged Performatives* // Cole P., Morgan J. (Eds.): *Syntax and Semantics*. – Vol. 3: *Speech Acts*. – N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 187-210.
208. Fraser B. *On Apologizing* // Coulmas F. (Ed.): *Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech*. – The Hague: Mouton, 1981. – P. 259-271.
209. GDG: Heidolph K.E. (Hg.): *Grundzüge der deutschen Grammatik*. – Berlin: Akademie Verlag, 1981. – 1028 S.
210. Harras G. *Lexikalisierungen von Bewertungen durch Sprechaktverben – Suppositionen, Präsuppositionen oder generalisierte Implikaturen?* // Proost K., Harras G., Gfatz D. *Domäne der Lexikalisierung kommunikativer Konzepte*. – Tübingen: Gunter Narr, 2006. – S. 95-128.
211. Helbig G. *Partikeln als illokutive Indikatoren im Dialog* // *Deutsch als Fremdsprache*. – 1977. – Nr.14. – S. 30-44.
212. Henne H., Rehbock H. *Einführung in die Gesprächsanalyse*. – Berlin u.a.: de Gruyter, 1979. – 274 S.
213. Henne H., Rehbock H. *Einführung in die Gesprächsanalyse*. – Berlin u.a.: de Gruyter, 1982. – 330 S.
214. Holdcroft D. *Searle on Conversation and Structure* // Searle J.R. et al. (Eds.) *Searle on Conversation*. – Amsterdam; Philadelphia, 1992. – P. 57-76.
215. Holly W. *Sprachhandlungen im Wörterbuch. Zur lexikographischen Beschreibung sprachhandlungsbezeichnender Ausdrücke* // Wiegand H. (Hg.): *Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie IV*. – Hildesheim u.a., 1984. – S. 12-41.
216. House J., Vollmer H. *Sprechaktperformanz im Deutschen: zur Realisierung der Sprechhandlungen Bitten/Auffordern und. Entschuldigen* // *Linguistische Berichte*. – Tübingen: Niemeyer, 1988. – Nr. 114. – 186 S.
217. Hudson T. *Sociolinguistics*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1980. – 250 p.
218. Jakobson R. *Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb*. – Russian Language Project. – Department of Slavic Language and Literatures. – Harvard: Harvard Univ. Press 1957. – 10 P.
219. Keller R. *Kollokutionäre Akte* // *Germanistische Linguistik*. – 1977. – Nr. 1-2. – S. 3-50.

220. Kirchner G. Gradadverbien. Restriktiva und Verwandtes im heutigen Englisch (britisch und amerikanisch). – Halle (Saale): Niemeyer, 1955. – 126 S.
221. Kitzelnigg A. *Br* als Bedeutungsträger // *Linguistics*. – 1973/1974. – Nr. 103/131. – S. 16-19.
222. Lang E. Zum Status der Satzadverbiale // *Slovo a Slovesnost XL*. – 1978. – S. 200-213.
223. Lange W. Aspekte der Höflichkeit. Überlegungen am Beispiel der Entschuldigungen im Deutschen. – Frankfurt/Main (u.a.): Peter Lang, 1984. – 199 S.
224. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. – London: Longman, 1983. – 250 p.
225. Levinson S.C. *Pragmatics*. – Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press, 1983. – 420 S.
226. Lewandowski Th. *Linguistisches Wörterbuch*. – 3 Bände. – 5. überarb. Aufl. – Heidelberg [u.a.]: Quelle&Meyer, 1990. – 883 S.
227. Lewis C.J. *An Analysis of Knowledge and Valuation*. – La Salle: Open Court Publ., 1996. – 568 s.
228. Liedtke F. *Grammatik der Illokution. Über Sprechhandlungen und ihre Realisierungsformen im Deutschen*. – Tübingen: Günter Narr, 1998. – 287 S.
229. Marten-Cleef S. *Gefühle ausdrücken. Die expressiven Sprechakte*. – Göppingen: Kümmerle, 1991. – 371 S.
230. Motsch W. *Situational Context and Illocutionary Force* // Searle J.R. et al. (Eds.): *Speech Act Theory and Pragmatics*. – Dordrecht: Reidel, 1980. – P. 155-168.
231. Ninio A., Snow C.E. *Pragmatic Development*. – Oxford: Westview Press, 1996. – 142 S.
232. Norrick N.R. *Expressive Illocutionary Acts* // *Journal of Pragmatics*. – Nr. 2. – 1978. – P. 277-291.
233. Oskar E. *Kommunikative Akte und Textanalyse am Beispiel von dialogischen Erzähltexten* // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. – 1981. – Nr. 9/2. – S. 129-151.
234. Perls F.S. *Gestalt Therapy verbatim*. – Stittgart: Klett, 1979. – 292 S.
235. Quine W.O. *Word and Object*. – N.Y.: MIT Press, 1996. – 294 p.
236. Rubattel G. *Un analyse semantique des verbes performatifs* // *Cahiers de Linguistique français*. – 1980. – Nr.1. – P. 104-127.
237. Rehbein J. *Entschuldigungen und Rechtfertigungen. Zur Sequenzierung*

- von kommunikativen Handlungen // Wunderlich D. (Hg.): Linguistische Pragmatik. – Frankfurt/Main: Athenäum, 1972. – S. 288-317.
238. Roulet E. De la structure dialogique du discours monologique // Langues et linguistique. – 1982. – No. 8. – P. 65-84.
239. Roulet E. Strategies d'interaction, modes d'implication et marqueurs illocutoires // Cahiers de Linguistique française. – 1980. – Nr. 1. – P. 80-103.
240. Sadock J.M. Toward a Linguistic Theory of Speech Acts. – N.Y. et al: Academic Press, 1974. – 168 S.
241. Schegloff E.A., Sacks H. Opening up Closings // Semiotica. – 1973. – Vol. 8. – P. 289-327.
242. Searle J.R. Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1971. – S. 99-113.
243. Searle J.R. Ausdruck und Bedeutung. – Frankfurt/Main: Suhrkamp 1982. – 211 S.
244. Searle J.R., Vanderveken D. Foundation of Illocutionary Logic. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. – 227 p.
245. Sinclair J.M., Coulthard R.M. Towards an Analysis of Discourse. – Oxford: Univ. Press, 1975. – 163 p.
246. Stenström A.-B. An Introduction to Spoken Interaction. – London: Longman, 1999. – 239 p.
247. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. – Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.
248. Vendler Z. Linguistics in philosophy. – Ithaca; New York: Cornell Univ. Press., 1967. – 203 p.
249. Wahrig-Wörterbuch der deutschen Sprache. – München: Wissen Media, 2006. – 1728 S.
250. Watzlawick P., Beaven J.H., Jackson D.D. Menschliche Kommunikation, Formen, Störungen, Paradoxien. – Bern [u.a.]: Huber, 1969. – 271 S.
251. Wilkins D.P. Interjections as Deictics // Journal of Pragmatics. – 1992. – № 18. – P. 119-158.
252. Wright G.H. von. The Varieties of Goodness. – N.Y., London: Routledge and Kegan, 1963. – 222 S.
253. Wunderlich D. Zur Konventionalität der Sprechhandlungen // Wunderlich D. (Hg.): Linguistische Pragmatik. – Frankfurt/Main: Athenäum, 1972. – S. 11-59.
254. Wunderlich D. Methodological Remarks on Speech Act Theory // Speech

Act Theory and Pragmatics /Ed. J.R. Searle et al. – Dordrecht, etc.: D. Reidel Publishing Company, 1980. – P. 291-312.

255. Wunderlich D. Was sind Aufforderungssätze? // G. Stickel (Hg.): Pragmatik in der Grammatik. – Jahrbuch 1983 des Instituts für deutsche Sprache. – Düsseldorf: Schwann, 1984. – S. 92-117.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. *Bergner L.* Nur der Fels kennt die Wahrheit. – Meine Berge. Romane von Heimat und Liebe. – Nr. 123. – Hamburg: Martin Kelter, 1977. – 64 S. (**B-W**)
2. *Bobker L.R.* Schach dem Mörder. – Berlin: Moewig, 1985. – 255 S. (**B-S**)
3. *Clark M.H.* In einer Winternacht. – München: Wilhelm Heyne, 1998. – 189 S. (**C-W**)
4. *Hauptmann G.* Nur ein toter Mann ist ein guter Mann. – München: Piper, 1996. – 302 S. (**H-M**)
5. *Konsalik H.G.* Auch das Paradies wirft Schatten. – München: Goldmann, 2001. – 96 S. (**K-S**)
6. *Konsalik H.G.* Die schöne Ärztin. – München: Goldmann, 1980. – 316 S. (**K-A**)
7. *Konsalik H.G.* Die Masken der Liebe. – München: Goldmann, 2001. – 84 S. (**K-M**)
8. *Konsalik H.G.* Verliebte Abenteuer. – München: Goldmann, 2001. – 187 S. (**K-VA**)
9. *Lenz S.* Die Enttäuschung // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 18: Hörspiele. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1998. – S. 63-112. (**L-E**)
10. *Lenz S.* Das Gesicht // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden, – Bd. 17: Schauspiele. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1998. – S. 117-257. (**L-G**)
11. *Matsuoka T.* Die Stunde des Samurai. – München: Goldmann, 2003. – 510 S. (**M-S**)
12. *Mayle P.* Hotel Pastis. – München: Knauer, 1995. – 450 S. (**M-H**)
13. *Noll D.* Die Abenteuer des Werner Holt. – Berlin: Aufbauverlag, 1982. – 563 S. (**N-W**)
14. *Remarque E.M.* Die Nacht von Lissabon. – Санкт-Петербург: Капо, 2005. – 379 S. (**R-L**)
15. *Telford S.* Die blutige Göttin. – Kelter-Kriminalroman. – Bd. 96. – Hamburg-Wandsbek: Martin Kelter, 1957. – 64 S. (**T-G**)
16. *Tyran I.* Das Opfer der geliebten Frau. – Silvia-Roman. – Band 727. – Bergisch-Gladbach: Bastei, o.J. – 64 S. (**T-O**)
17. *Wussow K.J.* Bitterer Kaffee. – Ulm: Gustav Lübbe, 1994. – 174 S. (**J-K**)
18. *Walldorf H.* Der Mörder saß im Wembley-Stadion. – Roman-Zeitung. – Nr. 280. – Berlin: Volk und Welt, 1973. – 111 S. (**W-M**)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Феномен смысла. Парадигмы смысла	5
1.1. Смысл как предмет исследования.....	5
1.2. Парадигмы смысла	9
1.3. Единицы и категории деятельностной парадигмы смысла.....	14
1.4. Деятельностная парадигма смысла и диалог	20
Глава 2. Многокомпонентная модель смысла высказывания	28
2.1. Конституирование смысла. Состав смысла.....	28
2.2. Пропозициональный смысл.....	34
2.3. Интенциональный смысл.....	35
2.4. Эмоциональный смысл.....	38
2.5. Оценочный смысл.....	39
2.6. Реляционный смысл.....	44
2.7. Окказиональный смысл.....	45
Глава 3. Операторы порождения и модификации смысла	47
3.1. Операторы порождения пропозиционального смысла.....	48
3.2. Операторы порождения и модификации интенционального смысла.....	50
3.3. Операторы порождения и модификации эмотивного смысла.....	60
Глава 4. Формирование смысла речевого акта извинения	69
4.1. Общая характеристика извинения	69
4.2. Поводы для извинения. Варьирование извинения.....	72
4.3. Речевой акт извинения в составе диалогического единства.....	78
4.4. Формирование смысла речевых актов извинения.....	83
4.4.1. Формирование интенционального смысла речевых актов извинения.....	83
4.4.2. Формирование пропозиционального смысла речевых актов извинения.....	89
4.4.3. Формирование смысла в косвенных извинениях.....	90
Заключение	94
Литература	101

Трофимова Н.А.

Т 76 Мозаика смысла: элементы и операторы их порождения: монография
/ Н. А. Трофимова. - СПб.: ИВЭСЭП, 2010. - 110 с.

ISBN 978-5-4227-0015-8

Предлагаемая монография посвящена широко обсуждаемой проблеме смысла высказывания. Опираясь на общепринятое мнение о многомерности этого феномена, автор излагает свой взгляд на сущность процесса смыслопорождения.

Издание предназначается специалистам, аспирантам, студентам и все интересующимся вопросами теории смысла, семантики и прагматики языкового общения.

ББК 81.2Нем+87.7.